

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Материалы международной научной конференции
молодых ученых

*Под научной редакцией
О.В. Щербаковой*

Санкт-Петербург
2015

ББК 88.3
П86

*Печатается по решению
Ученого совета факультета психологии
С.-Петербургского государственного университета*

Редакционная коллегия:

кандидат психол. наук, доцент *Р.А. Березовская*
кандидат психол. наук, доцент *В.И. Доминяк*
кандидат социол. наук, доцент *Р.В. Скочилов*
кандидат психол. наук, старший преподаватель *О.Ю. Стрижицкая*
кандидат психол. наук, доцент *О.В. Щербакова.*

П86 **Психология XXI века: академическое прошлое и будущее:**
Материалы международной научной конференции молодых ученых,
20–23 апреля 2015 г. — СПб.: Скифия-принт. — 234 с.
ISBN 978-5-98620-142-9

ББК 88.3

*Издание материалов научной конференции осуществлено при финансовой поддержке
РГНФ, проект № 15-36-01509 з1*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Gayane A. Vartanyan</i>	
Juvenile sexual aggression	11
<i>Manjarrez D.A., Trejo D., Nuche A.J., Vázquez D., Moreno F.J., Velasco A.L.</i>	
Performance in a category-specific naming task in temporal lobe epilepsy patients ..	12
<i>Агаркова В.В., Мухамедрахимов Р.Ж.</i>	
Поведение детей в связи с возрастом перевода из учреждения в семью	13
<i>Антонова Е.А.</i>	
Позитивное функционирование и психологическое благополучие	15
<i>Асрибабаян Е.С.</i>	
Специфика отношения к раку у работников онкологической сферы	17
<i>Астапенко Д.В.</i>	
Потребностно-мотивационная сфера склонных к игровой компьютерной зависимости	19
<i>Ахматханова Х.Х.</i>	
Изучение особенностей внимания у лиц с никотиновой зависимостью	20
<i>Ахмедханов М.А., Андреевский Е.В.</i>	
Психологический отбор и прогноз успешности военно-профессиональной деятельности	22
<i>Бабакова Л.В.</i>	
Некоторые аспекты жизненной удовлетворенности в пожилом и старческом возрасте	24
<i>Беляева Д.Е.</i>	
Развитие познавательной активности младшего школьника в зависимости от детско-родительских взаимоотношений	25
<i>Березина А.А., Трусова А.В.</i>	
Опыт использования русскоязычной версии опросника чувства связности А. Антоновски	27
<i>Бобылева Е.В.</i>	
Индивидуально-психологические особенности представлений о старости у людей разного возраста	28
<i>Богачева О.И., Иванов М.В.</i>	
Дефицит пространственных представлений у подростков при ДЦП	30
<i>Бреус М.С.</i>	
Ценностные корреляты представлений студентов о моббинге	32

<i>Будакова А.В.</i>	
Интеллектуальные и личностные предикторы экзаменационной результативности	34
<i>Бызова В.М., Перикова Е.И.</i>	
Представления младших школьников о себе	35
<i>Ван С.М.</i>	
Адаптация к обучению в вузе за рубежом и на родине у китайских студентов . 37	
<i>Василенко Ю.А.</i>	
Поток как оптимальное переживание у подростков интернет-аддиктов	38
<i>Гаврилова М.В.</i>	
Удовлетворенность профессиональной деятельностью врачей с разным уровнем мотивации.	40
<i>Гнедько Е.С.</i>	
Особенности ценностно-смысловой сферы, телесного опыта людей с заболеваниями ЖКТ	42
<i>Голованова И.В., Горбунов И.А., Щербакова О.В.</i>	
Использование методики «Решение метаграмм» в психофизиологическом исследовании.	44
<i>Горбунова О.В.</i>	
Опыт проведения тренинга социальных навыков для больных шизофренией . 46	
<i>Горн А.С., Солодунова М.Ю.</i>	
Особенности выражения эмоций у детей в доме ребенка с семейным окружением	48
<i>Господарева Н.В.</i>	
Динамика психического здоровья студентов университета.	50
<i>Гришина К.И., Павлов Ю.Г.</i>	
Асимметрия мощности ЭЭГ при решении вербальных и пространственных задач у мужчин и женщин	51
<i>Давыденко А.В.</i>	
Психологические особенности одаренной личности в юношеском возрасте . . 53	
<i>Данелия И.В.</i>	
Особенности ранней диагностики нервной анорексии.	55
<i>Двойнин А.М.</i>	
К вопросу о кризисе в психологии: дискуссии в российской и зарубежной науке	57
<i>Двойнин А.М., Знаменская И.И.</i>	
Вера как когнитивный механизм морального выбора: теоретические гипотезы 59	
<i>Доценко А.С., Камнева Е.В., Анненкова Н.В.</i>	
Взаимосвязь отношения к деньгам и профессионального выгорания госслужащих	61
<i>Евграфова Е.М.</i>	
Психологические факторы, влияющие на отношение к беременности у беременных женщин	62

Ерицян К.Ю. Стигматизация глазами людей, живущих с ВИЧ.	64
Жукова М.А., Корнилов С.А. Языковое развитие детей раннего возраста в условиях дома ребенка	66
Звягин И.М. Динамика акцентуаций и их влияние на социометрический статус подростка	67
Зинченко О.О. Принятие решения в ситуации неопределенности больных с опухолями головного мозга	69
Знаменская И.И. Развитие нравственного отношения человека к «чужим»: системно- эволюционный подход	71
Иляшевская Д.Д. Проблема профессионального выбора и удовлетворенность жизнью у подростков	72
Карпова В.В., Дикая Л.А. Функциональная организация коры мозга у художников в процессе творчества.	74
Карташѣва Ю.В. Экзистенциальные корреляты психологического благополучия	76
Кибальченко И.А., Плаксиенко А.И. Диагностика страхов студентов	78
Климова Д.В., Саакян О.С. Эмоциональное выгорание у врачей скорой медицинской помощи	80
Ковальчук Д.Н. Стратегии преодоления чувства вины и стыда в период ранней взрослости	81
Ковальчук Е.Г. Структура этнических социальных установок студентов-белорусов в отношении студентов-туркменов.	83
Колантаевская А.С. Динамика показателей самодетерминации в связи с поступлением в вуз	85
Колодина А.В. Физическое насилие в семье как фактор формирования акцентуаций характера и агрессивности подростков.	87
Колотилина В.В. Отношения между сиблингами в семьях повторного брака разных типов	89
Корзун С.А. Взаимосвязь акцентуаций характера и копинг-поведения в подростковом возрасте	91
Коротина Л.Д. Эмоциональная тревожность студентов как фактор адаптации.	92
Корицина Ю.Д., Васильева М.Ю., Ердякова Е.В. Исполнительные функции у детей, проживающих в различном социальном окружении	94

<i>Котельникова Ю.А.</i>	
Жизненный сценарий как компонент функционирования личности	96
<i>Криулева А.А.</i>	
Особенности профессионально-педагогической направленности студентов.	97
<i>Криулина А.В.</i>	
Восприятие и отношение к времени в поздние периоды жизни	99
<i>Крутолевич А.Н.</i>	
«Иллюзорность» посттравматического роста	101
<i>Куповых Ж.Г.</i>	
О разработке методики диагностики стиля детско-родительских отношений	103
<i>Курлова А.А.</i>	
Проблемы профессиональной самореализации выпускников вузов.	105
<i>Лебедева Г.Г., Пузиков В.Г.</i>	
Психологическое благополучие студентов (на примере студентов медицинского вуза)	107
<i>Леденева Ю.Ю.</i>	
Нарушения пищевого поведения у лиц с разным профилем латеральной организации	109
<i>Линкевич К.В.</i>	
Влияние осмысленности на эффективность запоминания разных частей речи	111
<i>Лысковец А.Ю.</i>	
Мотивационный профиль личности студентов	112
<i>Львова О.В., Аллахвердов М.В.</i>	
Лексический подход к выделению параметров организационного контекста.	114
<i>Лю Ц.Ф.</i>	
Гендерные особенности адаптации к вузовскому обучению студентов Китая и России	116
<i>Малина Ю.В.</i>	
Особенности ценностной структуры пациентов с расстройствами личности и невротическими расстройствами.	118
<i>Мальцева М.Н., Цивилева О.В.</i>	
Использование канис-терапии для развития игровых и коммуникативных навыков у подростков с аутизмом.	119
<i>Махаматова А.Ф.</i>	
Отношение студенческой молодежи к усыновлению детей	121
<i>Махаматова А.Ф., Суворова А.В., Устинов А.С.</i>	
Приверженность лечению и характеристики социальной сети людей, живущих с ВИЧ	123
<i>Мигунова Ю.М., Рассказова Е.И.</i>	
Влияние субъективного смысла на возникновение телесных ощущений.	125
<i>Миняхина К.А.</i>	
Особенности нарушений импрессивной стороны речи у больных ишемическим инсультом	127

<i>Насыров Р.М.</i> Особенности направленности в общении у студентов с различным уровнем мотивации власти	128
<i>Негрий В.А.</i> Психологическая защита и академическая успеваемость у школьников	130
<i>Немцова Г.Д., Ермак И.А.</i> Мотивационный профиль личности студентов с разным уровнем перфекционизма	131
<i>Никифорова Е.А.</i> Методологические проблемы изучения феномена понимания: историческая ретроспектива	133
<i>Нурмухаметов Э.А.</i> К вопросу о восприятии рекламной информации личностью в современном мире	135
<i>Огородникова Е.А., Потявина В.В.</i> Психологический комплаенс пациентов перед операцией	137
<i>Одинец В.А.</i> Личностная основа профессиональной позиции будущих психологов	139
<i>Орлов А.О., Леонтьева М.М.</i> Анализ актуальных этических проблем в современной американской психологии	140
<i>Павлова В.В.</i> Условия развития коммуникативных умений детей в процессе инклюзивного образования	142
<i>Павлова Л.Е.</i> Представление об идеальном враче в системе отношений «врач — родитель — ребенок»	144
<i>Пашкевич А.А.</i> Соотношение ценностных ориентаций студентов с их академической успеваемостью	145
<i>Певнева А.Н.</i> Особенности качества жизни матери ребенка с церебральным параличом ..	147
<i>Певнева А.Н., Татарникова Е.Н.</i> Личностные особенности подростков и стиль воспитания в неполной семье	149
<i>Перикова Е.И.</i> Эффект квадриполярности когнитивных стилей в задачах визуальной неопределенности	151
<i>Петров М.В., Локоткова М.А., Даева Н.А.</i> Сравнительный анализ спектров ЭЭГ при шизофрении и эндогенной депрессии	153
<i>Подвигина А.Ю., Данилова М.В.</i> Самоотношение и смысловые ориентации как факторы удовлетворенности жизнью	154

<i>Полякова М.К.</i>	
Вклад детско-родительских отношений в развитие ответственности старшекласников	156
<i>Попов Т.М., Чулкова В.А.</i>	
Об исследовании отношений «врач-пациент» в онкологии	158
<i>Попова Ю.А.</i>	
Взаимосвязь форм и видов подачи обратной связи с уровнем центрации личности	160
<i>Прохорова Е.С., Агроскин Д.</i>	
Что пугает тебя, меня не страшит. Реакция на угрозу в различных культурах	162
<i>Пятина Е.А.</i>	
Особенности отношений к сверстникам у дошкольников с нарушениями зрения	163
<i>Радченко Г.С., Бахчина А.В., Парин С.Б.</i>	
Психофизиологические корреляты восприятия движения в мелодическом пространстве	165
<i>Рашитова Л.С.</i>	
Поиски содержательных компонентов картины мира дезадаптированных подростков	167
<i>Сапрыкина Ю.А.</i>	
Когнитивная оценка профессионально трудных ситуаций в работе страховых агентов	168
<i>Сергуничева Н.А.</i>	
Клинико-психологические особенности женщин, состоящих в созависимых отношениях	170
<i>Симачева А.И.</i>	
Проявление уверенности в себе и доверия у современных подростков	172
<i>Синельникова Е.С.</i>	
Этнокультурные особенности проявления эмоционального интеллекта в конфликте	174
<i>Сокинина А.А.</i>	
Эмоциональное развитие детей посредством сказки в условиях введения ФГОС	175
<i>Сокинина А.А., Шутова Н.В.</i>	
Влияние родительского отношения на эмоциональное развитие младших школьников	177
<i>Соколов Е.А.</i>	
Особенности личности студентов с различными уровнями и видами перфекционизма	179
<i>Соколовская О.К.</i>	
Связь увлеченности интернет-технологиями с ценностями в подростковом возрасте	181
<i>Степанова Ю.В.</i>	
Изучение психолингвистического барьера у учащихся 8–9 классов	182

<i>Стракович М.И.</i> Образ идеального педагога у студентов очной и заочной форм получения образования.	185
<i>Стрельникова Ю.Ю.</i> Многолетняя служебная деятельность сотрудников МЧС: психологические последствия.	187
<i>Стрельченко А.Ю., Семенцова В.А., Истратова О.Н.</i> Компоненты экономического сознания подростков-воспитанников детского дома.	189
<i>Суворова О.В., Соколова Я.О.</i> Особенности развития общения дошкольников со сверстниками в условиях клиники.	191
<i>Сухова А.А.</i> Событийное конструирование у лиц с деструктивным поведением.	193
<i>Твердохлебова А.М.</i> Особенности прохождения кризиса подростками, относящими себя к субкультуре «эмо».	195
<i>Терещенко Т.В., Гончаров О.А.</i> Категориальные эффекты цветоразличения при наличии интерферирующей информации.	196
<i>Тетерук А.С., Бебчик А.М.</i> Анализ представлений о функциях психолога в организации.	198
<i>Тимошина И.Н.</i> Представления современных студентов о статусных позициях в обществе.	200
<i>Титков Д.А.</i> Основные проблемы психологии критического мышления.	202
<i>Титов С.М.</i> Стратегии управления социальным капиталом: описание через нетворкинг и альтруизм.	204
<i>Тихомирова М.А.</i> Детерминанты психологического благополучия.	206
<i>Третьякова Т.М.</i> Изучение готовности детей к обучению в школе в подготовительных группах ДОУ.	207
<i>Устинова Т.С., Смирнова М.А., Суховская О.А.</i> Отказ от курения при беременности.	209
<i>Филатова О.Ю., Зеленская М.С., Геронимус И.А.</i> Функционирование семьи и склонность к аддиктивному поведению у подростков.	211
<i>Черникина К.С.</i> Опыт апробации техники моделирования этнической куклы.	212
<i>Чиникайло С.И.</i> Специфика школьной адаптации (на примере младших школьников).	214

<i>Чувгунова О.А.</i>	
ЭЭГ-исследование учебных действий планирования: разработка стимульного материала	216
<i>Шатюк Т.Г.</i>	
Эмоциональное выгорание у педагогов учреждений специального и дошкольного образования и офисных работников	217
<i>Шахторина Е.В., Колбасина К.Ю.</i>	
Социально-психологические особенности идентичности участников интернет-сообществ	219
<i>Шевченко А.В.</i>	
Особенности супружеских отношений в семьях детей с психосоматическим расстройством	221
<i>Шевченко Д.В., Галицкий А.С.</i>	
Подростки и интернет: психолого-педагогические аспекты	223
<i>Шекетера А.А.</i>	
Психологическая безопасность как фактор личностного развития выпускников школ	224
<i>Шелонина Т.В., Горбатов С.В.</i>	
Особенности самоотношения лиц с алкогольной зависимостью	226
<i>Ширяев Д.И.</i>	
ЭЭГ-корреляты невербальной креативности у высоко- и низкокреативных испытуемых	228
<i>Щухлова Ю.А., Стоянова И.Я.</i>	
Сформированность личностной зрелости у студентов факультета иностранных языков	230
<i>Яныкин А.А., Наследов А.Д.</i>	
Адаптация и модификация методики диагностики гомонегативности	232

Gayane A. Vartanyan

Juvenile sexual aggression

This research is connected with the problems of juvenile sexual aggression. The number of juvenile sexual crimes is currently rising. This fact has aroused the interest in research on juvenile criminal sexual behavior. Nowadays the problem of criminal sexual aggression is the subject of research of some scientists such as Antonyan (Antonyan, 2013, in Russian), Enikeev (Enikeev, 1996, in Russian), Kudryavtsev (Kudryavtsev, 1998, in Russian), Rumiantseva (Rumiantseva, 1999, in Russian) and others. The research on sexual aggression is reflected in the report by Vvedensky (Vvedensky, Tkachenko, 2003, in Russian), Starowicz (Starowicz, 1991, in Russian), Shostakovich (Shostakovich, 2002, in Russian) and others.

The thing is that 10–20% of juveniles consider such behavior permissible in some cases. While interviewing Russian juveniles it was brought out that every fourth teenager considers a boy not to be guilty of sex with a girl, who he has gone out with for a long time, even if she doesn't want to do it (Con, 2011, in Russian). According to Roberts, every third Australian juvenile aged of 14 doesn't consider a rape as a crime if a girl gives cause for it. 10 % of juveniles consider a rape justified if a girl is under the influence of alcohol or drugs. For 14 % of juveniles a rape of a girl is acceptable if she has done it with others, and for 23 % — if a girl first gave her consent but then changed her mind.

As to the interview hold in Lithuania every third teenager considers that a lot of woman have an «unconscious» desire to be raped and create appropriate situations.

It's necessary to mention that juvenile sexual crimes may be individual and group ones. We'd like to concentrate our attention on the individual sexual aggression which portion is from 22.5 to 40–75 % (Sinelnikov, 2003, in Russian; Vasilev, 2000, in Russian). Very often victims of juveniles with individual sexual aggression are children, about 66 % of whom are under 10 years old at the moment of a crime. The first sexual experience is got at the age of 13–14, and the victims are familiar children, close friends or relatives. It's necessary to point out the stability in the choice of sex of victims.

Juveniles convicted of sexual assault are divided into two groups: sexual aggressors and sexual intrusive juveniles. The first ones use power strategy, have antisocial behavior and suffer of parents neglect. The second ones are shy, feel social isolation and inferior aberrant erotic fantasies. They use non-violent methods (Corsini, Auerbach, 2003).

Most of juveniles convicted of sexual assault have accentuations of character such as epileptoid type, schizoid type and unstable type (Vasilev, 2000, in Russian; Vartanyan, Kolodina, 2011, in Russian; Vartanyan, Gorbatov, 2014, in Russian).

Many juveniles convicted of sexual assault have precocious puberty. They feel sexual tension and vice of aggression.

J.A. Hunter divides such juveniles into two groups: those who attack juveniles of the same age or adults and those who attack children (Hunter, 2000).

Juveniles convicted of sexual assault against children prefer victims of the same sex (50%), 40% of whom are their brothers or other relatives.

The attacks of such juveniles are pure sexual. They don't use violence. They practice a deception and threaten to lose friendly terms. The main features of such juveniles are psychopathy, sexual sadism and disorders of self-appraisal.

Sexual aggression, described above, is of 6 types. They differ:

1. By peculiarity of intent (according to situation or according to plan).
2. By degree of intensity of violence (brutal or moderate).
3. By a place of a crime.
4. By the number of episodes (one-act or multi-act).
5. By character of coitus.
6. By peculiarity of motivation (erotic or non-erotic).

However, the varieties of situations as well as the types of motivation of sexual aggression don't allow to make a synonymous conclusion about its nature.

For example, Z. Lew-Starowicz points out the criminological significance of juvenile hypersexuality (Lew-Starowicz, 1991, in Russian); according to Vasilev (Vasilev, 2000, in Russian) one of the reasons of juvenile sexual crimes is the prevalence of some types of accentuations, aggression tendencies and an imbalance of nerve processes.

The aforesaid shows the necessity of a comprehensive approach to the problem of juvenile sexual aggression.

*Diego A. Manjarrez,
David Trejo,
Avril J. Nuche,
Daruni Vázquez,
F. Javier Moreno,
Ana L. Velasco*

Performance in a category-specific naming task in temporal lobe epilepsy patients

BACKGROUND: Lexical access (retrieval and processing of lexical concepts and word forms) involves anterior temporal regions. There is evidence that naming ability is more sensitive to the word-finding problems associated with Temporal Lobe Epilepsy (TLE).

AIM: To characterize the performance in a naming task in three groups of epilepsy patients in order to determine selective difficulties in two semantic domains [Living (L) and Non-living Things (NL)], which are associated to the brain regions affected in TLE.

METHODS: Twenty seven consecutive patients with TLE (14 patients with left TLE, 13 patients right TLE) were assessed using a set of category-specific items (L and NL). Four patients with left frontal lobe epilepsy were included as controls.

RESULTS: All groups exhibited a naming accuracy score lower than 65%. Patients with left frontal lobe epilepsy had the best results ($p < 0,05$). Patients with left TLE exhibited significantly worse naming dysfunction for L domain as compared to patients with right TLE. On the other hand, patients with right TLE had a lower naming score in the NL domain ($p < 0,05$). Correlation analysis indicated a strong association between seizure frequency and naming outcome ($R = -0,75$).

CONCLUSIONS: The L and NL conceptual categories represent domain-specific knowledge systems that are subserved by distinct neural mechanisms, thereby allowing for their selective impairment in epilepsy patients. The deficits in naming ability could be a predictor of the development of cognitive impairment. These results suggest that epilepsy may lead to a specific disruption in semantic knowledge characterized by a difficulty in differentiating between items within the same semantic category, concurrent with the relative preservation of broader categorical information.

Агаркова В.В.

Мухамедрахимов Р.Ж.

Поведение детей в связи с возрастом перевода из учреждения в семью

Еще в первой половине XX века за рубежом стали появляться исследования развития детей, имеющих опыт проживания в учреждениях (Goldfarb, 1943; Spitz, 1945; Tizard, 1977). До настоящего времени исследовано множество аспектов, влияющих на развитие детей с опытом институционализации (ОИ): возраст на момент прибытия в детское учреждение, время, проведенное в детском учреждении (Gunnar, 2001; MacLean, 2003), возраст на момент выхода из детского учреждения (Merz, McCall, 2010), возраст на момент обследования (Groza, Chenot, 2004), опыт ребенка до детского учреждения, условия детского учреждения (Rutter, 2000) и особенности семьи, воспитывающей ребенка после жизни в детском учреждении (Duyme et al., 1999). Однако все исследования были проведены за рубежом и касаются детей, усыновленных преимущественно в США из различных стран, в том числе из Восточной Европы и России.

В связи с вышеизложенным в данной работе исследуется поведенческое развитие детей с ранним опытом институционализации, помещенных в семьи российских граждан, в зависимости от возраста на момент выхода из детского учреждения. Предполагается, что дети, помещенные в семьи после 18 месяцев, будут иметь худшие показатели нарушения поведения, чем дети, помещенные в семьи до 18 месяцев. В исследовании принял участие 31 ребенок в возрасте 5–8 лет с ОИ в одном из домов ребенка г. Санкт-Петербурга, РФ, 10 детей из которых после учреждения были переведены в семьи биологических родителей или родственников (ОИ—БС), а 21 ребенок — в семьи, не имеющие с ребенком родственной связи (ОИ—НБС). Для изучения эмоциональных и поведенческих проблем у детей в данном исследовании использовался опросник Т. Ахенбаха — методика CBCL (Child Behavior Check List) (Achenbach, Rescorla, 2001).

Исследование проводилось в несколько этапов. Дети каждой группы были разделены на подгруппы по возрасту на момент выхода из детского учреждения (старше/младше 18 месяцев). Затем сравнивалось количество детей с клиническими показателями нарушения поведения между подгруппами внутри групп ОИ, ОИ—НБС и ОИ—БС. Далее количество детей с клиническими показателями поведения внутри каждой подгруппы сравнивалось с нормативными данными методики Т. Ахенбаха.

Сравнение показало, что дети из групп ОИ, ОИ—НБС и ОИ—БС, помещенные в семью до 18 месяцев, не имеют значимых отличий от выборки стандартизации методики Т. Ахенбаха (14%). Дети из группы ОИ, помещенные в семью после 18 месяцев, имеют показатели значимо хуже выборки стандартизации по четырем шкалам: «Социальные проблемы» (40,9%, $p = 0,0006$), «Нарушение правил поведения» (36,4%, $p = 0,004$), «Агрессивное поведение» (40,9%, $p = 0,0006$), «Экстернализация» (45,5%, $p = 0,0001$). Такие результаты прежде всего связаны с показателями детей из группы ОИ — БС. Дети, помещенные после 18 месяцев в БС, значимо отличаются от выборки стандартизации также по четырем шкалам: «Социальные проблемы» (62,5%, $p = 0,0001$), «Нарушение правил поведения» (62,5%, $p = 0,0001$), «Агрессивное поведение» (50%, $p = 0,004$), «Экстернализация» (50%, $p = 0,004$). Дети, помещенные после 18 месяцев в небиологические семьи (ОИ — НБС), имеют показатели значимо хуже выборки стандартизации по двум шкалам: «Агрессивное поведение» (35,7%, $p = 0,02$) и «Экстернализация» (42,9%, $p = 0,003$).

Дети из группы ОИ — НБС, помещенные в семьи до 18 месяцев, имеют значимо меньше проблем экстернализации по сравнению с детьми, помещенными в семьи после 18 месяцев (0% по сравнению с 42,9% соответственно; $p = 0,040$).

Такие результаты подтверждают ранее полученные данные о позитивной взаимосвязи возраста на момент усыновления и тяжести поведенческих проблем у детей, усыновленных в английские и американские семьи (Gunnar, 2001; Kreppner et al., 2007; Bruce et al., 2009; Merz, McCall, 2010; Rutter et al., 2010; Hawk, McCall, 2011). Дети, возвращенные в биологические семьи, находятся в зоне особого риска возникновения проблем поведения, что может быть связано с низким уровнем образования биологических родителей и низким социально-экономическим статусом биологических семей.

Полученные результаты могут быть использованы с целью разработки более эффективных программ подготовки и сопровождения замещающих семей (особенно биологических). Также они могут быть использованы сотрудниками сиротских учреждений с целью организации жизни ребенка и взаимодействия с ним таким образом, чтобы свести к минимуму вероятность проявления вышеописанных проблем ребенка при переходе в семью.

Антонова Е.А.

Позитивное функционирование и психологическое благополучие

Позитивное функционирование является сложным и многогранным концептом. Существует достаточно много научных трудов и исследований, направленных на изучение отдельных аспектов и характеристик данного концепта (М. Селигман, Э. Динер, Л.А. Головей, А.А. Реан), однако не существует точного определения и однозначного понимания этого понятия.

Сам термин «позитивное функционирование» активно разрабатывался в рамках направления «позитивная психология», в рамках которого психологическое здоровье рассматривается через развитие и реализацию личностного потенциала, а конфликты и кризисы — как возможное следствие трудностей его реализации.

Также существует определение позитивного функционирования для периода старости: А.А. Реан определяет данный концепт как «ощущение психологического благополучия в различных видах деятельности, которое позволяет пожилому человеку быть удовлетворенным своей жизнью в старости» (Реан, 2002).

Позитивное функционирование в отечественной психологии является относительно молодым конструктом, однако можно выделить ряд понятий, близких и отчасти входящих в понятие позитивного функционирования. Так, многие исследования опираются на представление о психологическом благополучии К. Рифф, где концепт психологического благополучия отражает вовлеченность в экзистенциальные жизненные цели

и определяется через автономию, самопринятие, позитивные отношения с окружающим миром и людьми, жизненное предназначение и личностный рост.

Согласно другим исследованиям (Н. Брэдбёрн и Э. Динер) субъективное благополучие является гедонистической характеристикой и, в свою очередь, включает в себя высокий позитивный и низкий негативный аффект, а также высокую удовлетворенность жизнью. В своих работах Э. Динер говорит о том, что общий показатель складывается из когнитивной оценки в терминах «хорошо — плохо» и соответствующего чувства (которое можно свести к настроению). Согласно другой точке зрения (Р.М. Шамионов, 2008) субъективное благополучие — это «собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности (собой, жизнью, деятельностью, социальными отношениями и др.)». Ближким к данному представлению является подход Л.В. Куликова (2004), который считает, что субъективное благополучие необходимо интерпретировать как обобщенное и относительно устойчивое переживание, имеющее особую значимость для личности, которое складывается из частных оценок различных сторон жизни человека и является составной частью доминирующего психического состояния. Также существует ресурсный подход (Ширяева, 2008), согласно которому психологическое благополучие является «совокупностью личностных ресурсов, которая обеспечивает субъективную и объективную успешность личности в системе «субъект — среда»».

Если обобщить представления о благополучии, то можно сказать, что исследователи рассматривают психологическое благополучие личности как позитивную оценку себя и собственной жизни (Г.Л. Пучкова, М.В. Соколова, Р.М. Шамионов), доминирующее психическое состояние (Л.В. Куликов), совокупность необходимых личностных ресурсов, обеспечивающих успешность личности в системе «субъект — среда» (О.С. Ширяева), направленность личности на позитивное функционирование и результат этой направленности, выражающийся в переживании счастья и удовлетворенности собственной жизнью (П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова).

Опираясь на представление о том, что позитивное функционирование можно определить как процесс, обеспечивающий психологическое благополучие, в нашей работе мы хотим доказать, что для позитивного функционирования важны, во-первых, такое качество личности, как направленность на саморазвитие, обеспечивающее личностный рост человека; во-вторых, сформированность временной перспективы, которая позволяет строить долгосрочные жизненные планы и видеть зависимость результатов от дей-

ствий, предпринятых человеком; в-третьих, увлеченность деятельностью как фактор, определяющий как наличие такого занятия, так и конструктивность увлеченности; а также вспомогательные факторы, среди которых мы выделяем удовлетворенность жизнью и самопринятие, обеспечивающие, соответственно, достаточный эмоциональный уровень и саму возможность личностного роста.

Асрибабаян Е.С.

Специфика отношения к раку у работников онкологической сферы

Деятельность любого медицинского работника насыщена различными стрессовыми ситуациями. Для работников сферы онкологии прибавляются некоторые специфические стрессоры. Важнейшим из них является сравнительно высокая смертность пациентов, что может вызывать чувство беспомощности или бесполезности (Новиков и др., 2008). Онкологи более, чем иные специалисты, наделяются «функцией Бога» больными и их близкими: они часто являются последней инстанцией, отделяющей человека от смерти. С другой стороны, низкая онкологическая осведомленность населения вызывают дополнительные проблемы в процессе лечения: боязнь операции, которая якобы может ускорить процесс развития опухоли, или же полный отказ от лечения в свете его «бесполезности». На постсоветском пространстве существует дополнительная проблема для работников сферы онкологии — это общая тенденция скрывать от пациента его истинный диагноз. Работа с человеком, который догадывается о своем диагнозе, но с которым нельзя об этом говорить, может стать ощутимой проблемой (Чиссов, Дарьялова, 2007). На плечи же среднего и младшего медперсонала ложится обязанность непосредственного ухода за больными: в период стационарного лечения средний и младший медперсонал общается с больными даже чаще, чем их близкие.

Исходя из вышеизложенного, мы сформулировали гипотезу: предполагаем, что специфика отношения работника сферы онкологии к раковому заболеванию зависит от типа профессиональной деятельности. В ходе исследования применялись методы опросника и свободных ассоциаций. Был разработан авторский опросник, который состоит из 8 основных блоков, цель которых — определить: 1) представления об этиологии и эпидемиологии болезни; 2) представления о течении и исходе болезни; 3) отношение к больным раком; 4) отношение к родным больных; 5) отношение к онкологии и врачам; 6) отношение к раку в контексте социума; 7) отношение к раку в контексте собственной личности; 8) отношение к раку в контексте своих близких.

Выборка состояла из двух групп: врачи-онкологи, 20 человек в возрасте от 20 до 40 лет, 10 из которых мужчины, а 10 — женщины. Вторая группа включала также 20 человек, работников среднего и младшего медперсонала в возрасте от 20 до 40 лет, все женщины, что объясняется спецификой профессии. Исследование проводилось в Национальном центре онкологии имени В. Фанарджяна.

В результате исследования были выявлены яркие различия в отношении к раку в двух рассматриваемых группах. Данные, полученные с помощью метода свободных ассоциаций, выявили в первую очередь специфику эмоционального отношения. Так, в группе среднего и младшего медперсонала преобладали эмоционально окрашенные ассоциации (80%) со словом «рак», которые несут отрицательный характер, связанные в основном с чувством страха. В условиях отсутствия налаженного психологического сервиса эта группа работников часто берет на себя роль некоего эмоционального медиатора, разделяя с больными их страхи и эмоции. В специфике отношения к раку в данной группе большую роль играет также база знаний, которая, естественно, намного ниже, чем у онкологов. Данные, полученные с помощью опросников, помогли выявить высокий уровень отрицательных стереотипов у данной группы — более высокий, чем в группе онкологов, страх перед раковыми заболеваниями и неверие в эффективность лечения (52%, а в группе онкологов — 10%). Общее отношение к больным окрашено эмоциональной заботой и желанием защитить больных. В частности, в данной группе большинство поддерживает тенденцию скрывать от пациента правду о диагнозе (95%), в отличие от онкологов (35%). Такая позиция более походит на реакции близких больных (Асрибабаян, Геворкян, 2012).

Если у среднего и младшего медперсонала преобладают эмоционально окрашенные ассоциации, то у онкологов не выявлено ни одной эмоции в ряде 5 самых часто встречающихся ассоциаций. Это свидетельствует о некой эмоциональной отстраненности: болезнь рассматривается как проблема, которую необходимо решить. Как свидетельствуют результаты, в группе онкологов ярко выражены научный подход к профессии, желание осмысления деятельности и повышения продуктивности. С другой стороны, вытеснение эмоционального компонента отношения к раку не может не скрывать под собой ряд психологических проблем.

Результаты исследования показывают, как специфика формы отношения с больными воздействует на особенности отношения к болезни, и могут быть полезны при построении психологической работы с данными группами.

Астапенко Д.В.

Потребностно-мотивационная сфера склонных к игровой компьютерной зависимости

Изучение такого явления, как компьютерная зависимость, началось достаточно давно, однако научные исследования не систематизированы и немногочисленны. Безусловно, данная проблема представляет для современного общества значительный интерес.

Теоретический анализ психолого-педагогической литературы показал, что особый интерес представляет исследование потребностно-мотивационной сферы склонного к игровой компьютерной зависимости юношества, когда образование важнейших составляющих личности и самосознания человека во многих аспектах только начинается и далеко от своего завершения. Все это определило предмет исследования: особенности потребностно-мотивационной сферы юношей и девушек, склонных к игровой компьютерной зависимости. Был подобран следующий инструментарий: шкала интернет-зависимости А.Е. Жичкиной; методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей Г.В. Лозовой; методика исследования мотивационно-потребностной сферы личности Н.В. Зоткина.

Выборочную совокупность составили 40 студентов первых курсов, из них 20 юношей и 20 девушек. На первом этапе исследования нами была проведена диагностика интернет-зависимости у исследуемых нами испытуемых с помощью шкалы интернет-зависимости А.Е. Жичкиной. Анализ результатов исследования показал, что абсолютно все исследуемые нами юноши и девушки имеют склонность к интернет-зависимости. 75% юношей и 70% девушек имеют высокую склонность к интернет-зависимости, которая характеризуется постоянными мыслями о происходящем в Интернете, стремлением и доминированием общения в Интернете, поиском информации в Интернете, а не в реальном мире. 25% юношей и 30% девушек продемонстрировали склонность к интернет-зависимости.

На следующем этапе исследования с помощью методики диагностики склонности к 13 видам зависимостей Г.В. Лозовой была изучена склонность испытуемых к компьютерной зависимости. Анализ результатов исследования уровня склонности к компьютерной зависимости у юношества показал, что 60% испытуемых имеют высокий уровень склонности к компьютерной зависимости; 15% юношей и девушек имеют средний уровень склонности к компьютерной зависимости и лишь 25% исследуемых юношей и девушек имеют низкий уровень склонности к компьютерной зависимости.

Завершающим этапом исследования было изучение потребностно-мотивационной сферы личности склонных к зависимости молодых людей. У юно-

шей и девушек со средним и высоким уровнем склонности к компьютерной зависимости наиболее выражена потребность в отдыхе и развлечениях, которая проявляется в желании отдохнуть, увеличении личного свободного времени, стремлении поиграть на компьютере в игры, зайти в Интернет, пообщаться в социальных сетях, развлечься, слабо выражена потребность в аффилиации, потребность в достижениях, профессиональные потребности, потребности саморазвития, самореализации, проявления опеки.

В предпочтениях (мотивации) юношей и девушек, склонных к среднему и высокому уровню компьютерной зависимости, оказываются отдых и развлечения, а также направленность на себя; принятие опеки, доминирования. Слабо выражена мотивация познания, проявления опеки. Различия потребностно-мотивационной сферы юношей и девушек, не склонных и склонных к компьютерной зависимости, были выявлены при помощи критерия Фишера (уровень значимости $\alpha = 0,05$). Степень удовлетворенности потребностей юношей и девушек не является оптимальной, вследствие чего предпринимаются попытки реализации себя через виртуальное пространство.

На сегодняшний день проблема игровой компьютерной аддикции юношества требует дальнейшего изучения и постоянного совершенствования средств ее профилактики и коррекции.

Все это актуализирует организацию психологического сопровождения склонного к игровой компьютерной зависимости юношества, основными формами которого являются индивидуальные консультации и беседы, групповые коррекционно-развивающие тренинги, психо-просветительские социально значимые мероприятия.

Ахматханова Х.Х.

Изучение особенностей внимания у лиц с никотиновой зависимостью

Проблема никотиновой зависимости стоит в настоящее время чрезвычайно остро. Особенно широкое распространение табакокурение получило среди молодежи.

Табакокурение — это хроническая интоксикация организма. Никотин, содержащийся в табаке, относится к классу наркотических соединений. В Международной классификации болезней табачная зависимость наряду с алкогольной и наркотической включена в категорию «Умственные и поведенческие расстройства, обусловленные использованием психоактивных соединений». Специальные исследования показывают, что выраженная табачная зависимость, требующая медицинской помощи, отмечается у 20–25 % курильщиков (Гоголева, 2003).

Вызывает интерес вопрос о том, отличается ли уровень развития внимания у лиц с никотиновой зависимостью от нормы. Для начала определим, что понимается под вниманием. Внимание — это направленность сознания на определённые объекты. Вопросами развития внимания занимались Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, Е.Д. Хомская и др. По их мнению, от внимания зависит успех любой деятельности.

Объектом исследования является внимание как психический процесс. Предмет исследования: особенности внимания у лиц с никотиновой зависимостью. Цель исследования: произвести сравнительный анализ особенностей внимания лиц с никотиновой зависимостью и нормы. Гипотеза исследования: люди с никотиновой зависимостью характеризуются достоверно более низким уровнем устойчивости (а также концентрации, избирательности, переключаемости) внимания, чем люди без никотиновой зависимости.

Характеристика выборки: в нашем исследовании приняли участие 60 человек в возрасте 25–30 лет, среди них 30 — с высокой никотиновой зависимостью (женщин — 15, мужчин — 15; по тесту К. Фагерстрема степень зависимости 8–10 б.) и 30 человек из группы нормы (15 женщин и 15 мужчин). Методы исследования: наблюдение, сбор анамнеза, клиническая беседа, экспериментально-психологическое исследование, обработка данных. Методическое обеспечение: 1) тест К. Фагерстрема «Степень никотиновой зависимости»; 2) «Корректирующая проба» Б. Бурдона; 3) методика «Счет по Крепелину»; 5) методика Х. Мюнстерберга. Для получения достоверных результатов исследование проводилось строго индивидуально, в отсутствие внешних помех.

По результатам исследования по методике «Корректирующая проба» Б. Бурдона у 80 % испытуемых (24 чел.) с никотиновой зависимостью был выявлен низкий уровень концентрации, переключения и устойчивости внимания (показатель правильности — 45 %). 20 % респондентов показали средний результат. По данной методике 90 % обследуемых из группы нормы показали высокий результат. Показатель правильности равен 1: количество зачеркнутых и подчеркнутых букв — 365, пропущенных и ошибочно зачеркнутых, подчеркнутых букв нет. Из этой же выборки у 10 % участников был выявлен средний уровень. Схожие результаты были получены по методике «Счет по Крепелину»: у 80 % испытуемых с зависимостью был выявлен низкий результат устойчивости, переключаемости внимания, а у 20% — средний. Наименьшие результаты получены в первых пяти интервалах. Скорее всего, это говорит о несобранности, неумении быстро «включаться» в работу. Что касается нормы, 27 человек показали высокий результат, а 3 — средний. По методике Х. Мюнстерберга за ограниченное время (2 мин.) все респонденты с зависимостью смогли найти среди буквенного текста 9 слов, что свидетель-

ствуется о низком уровне избирательности внимания. При этом 30 человек из группы нормы показали высокий результат (найдено 22–25 слов).

Таким образом, в ходе исследования были получены сильные различия между сравниваемыми группами: люди с никотиновой зависимостью характеризуются более низким уровнем устойчивости, избирательности, переключаемости внимания.

Необходимо отметить, что внимание — это процесс, тесно связанный с состоянием нервной системы, с общим самочувствием человека. Люди с никотиновой зависимостью отличаются повышенной нервной напряженностью, в связи с чем они и курят. Психоэмоциональное состояние (тревожность, волнение) участников, по наблюдению экспериментатора, могли стать факторами, повлиявшими на результаты исследования. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при анализе механизмов предупреждения никотиновой зависимости и в практическом применении для рекомендаций, оказания помощи психологам. Теоретическая значимость заключается в укреплении знаний о влиянии табакокурения на психологическое развитие, а именно, на развитие внимания.

Ахмедханов М.А.

Андреевский Е.В.

Психологический отбор и прогноз успешности военно-профессиональной деятельности

В данной статье описана методика совершенствования профессионального психологического отбора военнослужащих-контрактников на основании внедрения прогнозирования успешности профессиональной деятельности военнослужащих по специальностям «Младший командир» и «Механик инженерно-технических средств охраны». Исследования проводились на базе учебного центра внутренних войск МВД России и в воинских частях по охране важных государственных объектов и специальных грузов. Были использованы следующие психологические методики: многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность»; многофакторный личностный опросник Р. Кетелла (16PF); КОС-2 «Коммуникативные и организаторские склонности»; Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудачи Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса. Исследование проводилось в три этапа: 1. в начале обучения (по прибытии в учебный центр), 2. по окончании обучения (перед сдачей выпускных экзаменов), 3. по истечении трёх месяцев с момента окончания учебного центра (в процессе выполнения служебно-боевых задач по обеспе-

чению безопасности порученных под охрану объектов). Объем выборки — 235 человек, из них 129 курсантов военно-учётной специальности «Младший командир», 106 курсантов военно-учётной специальности «Механик инженерно-технических средств охраны» учебного центра ВВ МВД России. Для определения прогноза успешности профессиональной деятельности военнослужащих-контрактников был проведен множественный регрессионный анализ методом Stepwise (пошаговый). Уравнение линейной регрессии для военнослужащих по специальности «Младший командир» выглядит следующим образом. Y (успешность прогнозируемая) = $0,41 * Q2 + 0,16 * AC - 0,21 * N - 0,09$ где : $X1$ — «нонконформизм» ($Q2$); $X2$ — «адаптивные способности» (AC); $X3$ — «дипломатичность» (N); интервал показателей высоко успевающих военнослужащих по специальности «Младший командир»: $3,0 \leq Y \leq 5,0$. Для военнослужащих военно-учетной специальности «Механик ИТСО»: Y (успешность прогнозируемая) = $2,72 - 0,21 * E - 0,17 * НПУ + 0,08 * \text{мотивация к избеганию неудач}$, где: $X1$ — «подчиненность» (E); $X2$ — «нервно-психическая устойчивость» ($НПУ$); $X3$ — «мотивация к избеганию неудач» ($МИН$). Интервал показателей высоко успевающих военнослужащих по специальности «Механик инженерно-технических средств охраны»: $3,0 \leq Y \leq 5,0$. Точность прогноза была определена путем соотнесения количества оправдавшихся прогнозов в каждой группе испытуемых (контрольная группа). В первую группу испытуемых вошли военнослужащие, которые распределялись по специальностям без использования методики совершенствования профессиональной деятельности, а во вторую — те, которые были распределены на основе применения данной методики (экспериментальная группа). В первой группе испытуемых из 125 обследуемых у 62 оправдался прогноз успешности профессиональной деятельности, что составило 49,1%, а у второй группы из 110 обучаемых — у 72, что составило 65,4%. Успешность профессиональной деятельности личности в учебном центре на основе внедрения методики совершенствования профессиональной деятельности военнослужащих-контрактников ВВ МВД России повысилась у младших командиров с 44,1 до 65,3%, а у механиков ИТСО с 45,7 до 68,4%. В целом успешность обучения по специальностям «Младший командир» и «Механик ИТСО» достигла 67,2%. После получения результатов психодиагностического обследования параллельно проводится прогнозирование успешности профессиональной деятельности, имеющее следующую структуру: 1. регрессионный анализ, 2. выявление профессионально важных качеств для данной специальности, 3. получение результатов прогнозирования. Таким образом, методика прогнозирования успешности профессиональной деятельности включает в себя: изучение индивидуальных особенностей и морально-деловых качеств прибывших на военную службу

в учебный центр ВВ МВД России; экспресс-диагностику дифференцированного распределения по военно-учетным специальностям, прогнозирование успешности профессиональной деятельности военнослужащих по специальностям «Младший командир» и «Механик ИТСО».

Предложенная методика совершенствует существующую во внутренних войсках МВД России систему профессионального психологического отбора и позволяет провести качественный подбор военнослужащих-контрактников по специальностям на основе прогнозирования успешности профессиональной деятельности.

Бабакова Л.В.

Некоторые аспекты жизненной удовлетворенности в пожилом и старческом возрасте

Проблема жизненной удовлетворенности имеет длинную историю в социальной геронтологии. В историческом плане некоторые исследователи рассматривают удачное старение как следствие хорошего здоровья и долголетия. В настоящее время считается, что другие факторы, такие как семейные отношения, физическое здоровье, уровень инвалидности и процент смертности, тоже связаны с удовлетворенностью жизнью. Другие исследования обнаружили, что финансовая ситуация, социальные отношения и социальная поддержка положительно взаимосвязаны с благополучием в поздней зрелости. Большинство исследователей в психогеронтологии считают, что удовлетворенность жизнью является основным фактором для успешного совладания со стрессом, адаптации и благополучия в этой возрастной группе. Целью исследования являлось изучение удовлетворенности жизнью лиц пожилого и старческого возраста. Мы предположили, что для лиц, проживающих в домах-интернатах, будут характерны более низкий уровень удовлетворенности по сравнению с теми, которые живут вместе со своими родственниками или одни. Объект исследования — 680 людей в возрасте от 60 до 96 лет. Для достижения цели настоящего исследования нами была использована методика Ньюгартена (LSI). С помощью дисперсионного анализа мы установили, что люди в старческом возрасте имеют более высокий уровень удовлетворенности по сравнению с людьми в пожилом возрасте. Авторы социоэмоциональной селективной теории полагают, что адаптивная система личности оптимизируется с возрастом, помогая людям справиться с переменами и трудностями. Можно полагать, что люди в пожилом возрасте испытывают проблемы с выходом на пенсию, ухудшением здоровья, снижением доходов и пр., и как следствие, у них наблюдается низкий уровень удовлетво-

ренности и благополучия. Результаты показывают также, что люди, проживающие в домах престарелых, являются в меньшей степени удовлетворенными жизнью по сравнению с теми, которые живут одни или вместе со своими родственниками.

Беляева Д.Е.

Развитие познавательной активности младшего школьника в зависимости от детско-родительских взаимоотношений

Семья для ребенка не может быть заменена никаким другим социальным институтом, так как именно здесь формируются система ценностей, базовая структура личности, в которую входит отношение ребенка к самому себе и к окружающему миру, его познавательный интерес. Для развития познавательного интереса и в целом познавательной активности немалую роль играет социально-психологический климат семьи, который закладывается в процессе воспитания и взаимодействия между родителями и детьми (Прихожан, Толстых, 2007).

Если воспитание происходит в дисгармоничных семьях, развитие многих сторон психики и личности ребенка затормаживается и искажается. При обращении ребенка к родителям с вопросами он зачастую получает отказ. У него формируется ощущение ненужности окружающему миру и собственным родителям.

Если воспитание идет в благополучной семье, родитель обращает внимание на интересы ребенка, помогает ему в его начинаниях. Со стороны ребенка идут ответные действия и чувства, такие отношения благоприятно влияют на развитие психологического, физического и духовного плана.

Если рассматривать детей, отвергаемых в семье, и детей-сирот, то их познавательная активность будет находиться на низком уровне вследствие слабого развития у них познавательного интереса. Такие дети, как правило, проявляют аутичные черты, у них слабо выражена потребность в общении, наблюдается интеллектуальная задержка (Толстых, 2004).

Общая гипотеза исследования: показатели познавательной активности младших школьников, находящихся в семьях с различными типами благополучия, будут отличаться от показателей познавательной активности у детей из благополучных семей.

Частная гипотеза: такие компоненты познавательной активности, как вопросительно-исследовательская активность, любознательность, познавательная потребность, познавательный интерес, будут различаться у детей-сирот, детей из благополучной семьи и детей, отвергаемых в семье.

Сведения об участниках исследования: 96 детей (9–11 лет), их родители (62 человека). Место проведения: детский дом, школа № 27, город Таганрог.

Процедура исследования. Чтобы выявить благополучные семьи и семьи с эмоциональным отвержением ребенка, опрашиваются родители детей на предмет эмоционального климата в семье. Используемые методики при обследовании детей: оценка мотивационных предпочтений в выборе деятельности («Волшебный цветок», Е.Э. Кригер), уровня вопросительно-исследовательской активности детей («Вопрошай-ка», Н.Б. Шумакова), степени выраженности любознательности («Сказка», Н.И. Ганошенко, В.С. Юркевич), напряженности познавательной потребности («Таинственное письмо», А.М. Прихожан); выявление особенностей отношений ребёнка в семье («Рисунок семьи»).

Методики, применяемые в работе с родителями: оценка вопросительных проявлений у детей (Т.А. Серебрякова), познавательной потребности дошкольника (методика В.С. Юркевич); опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин).

Проведя исследование познавательной активности детей младшего школьного возраста из благополучных семей, мы выявили следующее. Уровень выраженности любознательности и вопросительно-исследовательской активности, напряженность познавательной потребности, познавательный интерес находятся на высоком уровне. Как известно, элементарные научные знания формируются именно в этот период. При этом развиваются учебные навыки, ребенок вступает на путь становления субъектом учебной деятельности. Поэтому организация и направление познавательной активности младшего школьника особенно актуальны. Приходя в школу, ребенок стремится к познанию, все для него новое становится интересным. Если этот интерес активно подкрепляется семейным окружением, то решение возрастных задач младшим школьником происходит успешно.

Следующим этапом исследования станет изучение познавательной активности социальных сирот и детей из семей с эмоциональным отвержением ребенка родителями. Мы предполагаем, что эмоциональная депривация в семье и в целом семейная депривация являются факторами, тормозящими познавательную активность ребенка в силу того, что фрустрация базовой потребности в общении, принятии и любви будет тормозить познавательную активность в тех проявлениях, которые характерны для младшего школьного возраста.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13–36–01006.

Березина А.А.
Трусова А.В.

Опыт использования русскоязычной версии опросника чувства связности А. Антоновски

В настоящее время увеличивается количество отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблемам теоретической и практической разработки концепта психологического здоровья. Одним из направлений работы является разработка и адаптация инструментов измерения психологического здоровья. Таким инструментом может служить «Опросник чувства связности» (SOC-29) А. Антоновски.

Согласно данному автору чувство связности можно определить как «глобальную ориентацию личности, выражающую меру, в которой человек испытывает устойчивое динамическое чувство уверенности в том, что его внутренний и внешний мир предсказуем и что существует большая вероятность того, что окружение будет вести себя разумно, ожидаемым человеком образом» (Antonovsky, 1987).

На данном этапе целью нашей работы было изучение взаимосвязей показателей SOC с такими характеристиками личности, как диспозиционный оптимизм, временная перспектива, эмоциональная оценка времени, а также сравнительный анализ различий по изучаемому показателю у условно здоровых людей и у наркопотребителей, находящихся на лечении.

Были использованы следующие методы исследования: опросник чувства связности 29 пунктов (А. Антоновски в адаптации Е.Н. Осина (2007)), опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (1999), опросник диспозиционного оптимизма (ОДО) М. Шейера и Ч. Карвера в адаптации Е.Н. Осина (2010), семантический дифференциал времени (СДВ) Л.И. Вассермана, Е.А. Трифоновой, К.Р. Червинской (2009), клинико-анамнестический метод.

В исследовании приняли участие 27 человек, которые составили 2 группы: 13 наркопотребителей (ср. возраст = $35,1 \pm 7,4$, 5 женщин), 14 здоровых обследуемых (ср. возраст = $34,6 \pm 7,6$, 6 женщин). Работа проводилась на базе НИПНИ им. Бехтерева.

По результатам сравнительного анализа различия между выборками по показателям SOC-29 не достигают уровня статистической достоверности. В рамках изучения взаимосвязей показателя методики SOC-29 со схожими шкалами других методик были обнаружены следующие значимые взаимосвязи.

Для экспериментальной выборки были получены следующие корреляции. Между показателями СДВ и суммой по пунктам SOC-29 статистически значимые корреляции r -Пирсона были получены с факторами структуры

времени: для прошлого он составляет 0,644 ($p = 0,018$), настоящего 0,717 ($p = 0,006$), будущего 0,766 ($p = 0,002$), а также с фактором оптимизма ОДО коэффициент γ -Спирмена составил 0,706 ($p = 0,007$).

В контрольной выборке полученные результаты достаточно сильно отличаются. Корреляции были получены по следующим факторам СДВ: для активности будущего γ -Пирсона составил 0,668 ($p = 0,009$), ощущаемости настоящего 0,551 ($p = 0,041$), с суммой показателей факторов оценки будущего 0,615 ($p = 0,019$). По факторам ОДО: для показателя оптимизма γ -Спирмена 0,588 ($p = 0,027$), суммарного показателя 0,627 ($p = 0,017$).

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы об особенностях использования SOC. Одновременно для контрольной и экспериментальной выборки наблюдается связь с факторами оптимизма, что может быть объяснено направленностью обоих использованных опросников на измерение позитивного отношения к будущему времени. Это можно наблюдать по результатам нашего корреляционного анализа, преимущественно для контрольной выборки (фактор активности будущего и сумма по данному периоду). Для наркопотребителей характерна связь показателей SOC со структурой времени, то есть понятностью и прогнозируемостью жизненных событий.

Подводя итоги данного этапа исследования, можно говорить о том, что использованная адаптация опросника в целом измеряет именно те показатели, которые она должна измерять, а именно психологического здоровья как позитивного отношения к будущему и понятности жизненных событий. Однако отсутствие различий между экспериментальной и контрольной группами указывает на необходимость доработки системы шкальных оценок изучаемого показателя.

Бобылева Е.В.

Индивидуально-психологические особенности представлений о старости у людей разного возраста

Большой интерес к социально-геронтологическим проблемам сегодня можно объяснить увеличением доли пожилых людей в обществе. Актуальность проблемы определяется ориентацией современного мира на молодость, активный образ жизни, силу, энергичность (это касается и нашей страны). За последние годы было выполнено большое количество зарубежных исследований стереотипов старения; в России таких исследований намного меньше. Некоторые авторы, такие как М. Кермис, Ж. Бодрийяр, М. Елютина, делают выводы о доминировании в современной культуре негативных стереотипов о пожилых. Поэтому необходимым остается про-

яснение специфики конструирования образа старости и причин её боязни у разных возрастных категорий в российской действительности.

В нашем исследовании мы предприняли попытку изучить представления о старости на разных этапах взрослости, обнаружить и проанализировать взаимосвязи страха старости и отдельных индивидуально-психологических характеристик. Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей представлений о старости и причинах страха старости на разных этапах взрослости. В качестве методов исследования использовались: специально разработанная анкета, включающая вопросы, связанные с выявлением основных представлений людей о старости, выходе на пенсию; шкала одиночества Д. Рассела; тест жизнестойкости, адаптированный Д.А. Леонтьевым; временные децентрации (Е.И. Головаха, А.А. Кроник); шкала психологического благополучия К. Риффа (в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Данные авторской анкеты были проанализированы с помощью метода контент-анализа, а результаты методик — с помощью методов статистической обработки. В исследовании приняли участие 60 человек из Санкт-Петербурга и Ленинградской области с высшим или незаконченным высшим образованием, проживающих в семьях, которые были разделены на три возрастные группы на основании периодизации Б.Г. Ананьева. Возраст испытуемых 1-й группы — 18–25 лет, 2-й группы — 30–40 лет, 3-й группы — 48–60 лет.

В ходе работы были получены следующие результаты: представления о старости и её страх статистически не связаны с возрастом, страх старости на определенном уровне есть на разных этапах взрослости. В ходе контент-анализа было обнаружено, что представления о старости различаются по содержанию, группа ранней взрослости ассоциирует старость с внешними изменениями, физическим изнашиванием организма, покоем, опытом, болезнями. Группа средней взрослости связывает старость с покоем, мудростью, свободным временем, периодом переосмысления жизни. У группы поздней взрослости самыми распространенными ответами были болезни, внешние изменения, подведение итогов, очередной этап жизни, мудрость.

При сравнении трех исследуемых возрастных групп по показателям индивидуально-психологических характеристик были обнаружены следующие различия: у группы ранней взрослости — самый низкий уровень общей жизнестойкости, а самый высокий — у людей среднего возраста. У респондентов из группы ранней взрослости по сравнению с остальными группами более низкие показатели отношения ко времени по таким характеристикам, как эмоциональное и ценностное отношение к настоящему, личностный контроль настоящего. В ходе исследования не было выявлено связи между страхом старости и одиночеством. Были обнаружены отрицательные взаи-

мосвязи между страхом старости с общей жизнестойкостью и таким компонентом, как контроль. В целом, люди с высоким уровнем жизнестойкости боятся старости меньше, чем люди с низким уровнем. Было также обнаружено, что чем выше эмоциональное, ценностное отношение к настоящему и чувство его подконтрольности, тем ниже страх перед старостью. Исследовав такие характеристики субъективного благополучия, как позитивное отношение с окружающими, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни и самопринятие, мы установили, что чем выше как общий фактор благополучия, так и отдельные его компоненты, тем ниже страх перед старостью.

Результаты нашей работы в этом направлении могут стать серьезным подспорьем для деятельности психологов-консультантов разной специализации. Знания об особенностях представлений и отношений к старости, о причинах страха старости могут усовершенствовать сферу работы с пожилыми людьми и их семьями, могут помочь при решении конфликтов между поколениями, при психотерапевтической работе со страхами старости и смерти у молодых людей, помочь адаптироваться к старости людям.

Богачева О.И.

Иванов М.В.

Дефицит пространственных представлений у подростков при ДЦП

Научно-практический интерес вызывают нарушения пространственных представлений при различных формах нервно-психической патологии в ситуации развития головного мозга и его относительной стагнации (Симерницкая, 1985; Микадзе, Корсакова, 1994; Семенович, 2012). При разных формах нервно-психической патологии пространственные представления могут приобретать различные признаки нарушений, что важно для решения вопросов дифференциальной диагностики и коррекционного образования.

Одно из ведущих значений в нарушении психического развития у детей с детским церебральным параличом (ДЦП) отводится недостаточности (дефициту) пространственного гнозиса, что обусловлено нарушением развития зрительного восприятия в связи с двигательными расстройствами, а также поражениями теменных отделов головного мозга и пр. (Семенович, Умрихин, 1998; Левченко, 2001; Мамайчук, 2006). Важно отметить, что внимание исследователей ДЦП главным образом сосредоточено на детском контингенте, и это обусловлено безотлагательностью организации абилитационной помощи и построением специальных образовательных программ. Представляется интересным исследовать пространственные представления

в более старших возрастных группах с ДЦП, что, в свою очередь, может способствовать расширению имеющейся информации о степени сформированности пространственных представлений, а также оптимизации специального образовательного маршрута.

Цель исследования: выявить особенности пространственных представлений у подростков с ДЦП. Выборка: 20 подростков в возрасте 15–20 лет (10 — подростки с ДЦП, 10 — контрольная группа, норма развития). Исследование проведено на базе ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», ГБОУ ВПО МГПУ Департамента образования г. Москвы. Методики: пробы Хеда, рисунок человека, кубики Кооса, разрезные картинки (2–5 составные), фигура Рея—Остеррица, копирование трехмерных изображений, статистические U-критерии различий Манна — Уитни.

Выявлено, что у подростков с ДЦП отмечаются недостаточность представлений о схеме собственного тела, трудности выделения ведущей (доминантной) руки, ошибки при дифференциации право-левосторонних частей тела, в том числе относительно предметов окружающего пространства. Рисунок человека выстроен правильно (состоит из всех частей тела и лица), но имеются неточности в изображении составных элементов лица и рук (кисти). Отмечаются нарушения оптико-пространственной деятельности, которые проявляются в виде неправильной передачи пространственных отношений между предметами или их составными элементами, неправильным соотношением размеров фигур и их частей. Большинство участников исследования с ДЦП имели трудности в воспроизведении формы объекта, соотношении между собой элементов в пространстве, трудности соблюдения пропорций и трехмерной перспективы (структурно-топологический и проекционный дефицит). Данные ошибки были свойственны большинству больных (при сравнении с контрольной группой), за исключением нескольких, которые были активно вовлечены в коррекционную программу, занимались спортивным ориентированием. Было установлено, что подростки с ДЦП с критичностью подходили к допускаемым ошибкам, при помощи стимуляции со стороны экспериментатора они достаточно успешно справлялись с большей частью заданий. Вербальный уровень пространственных представлений («квазипространство») характеризуется недостаточной возрастной завершенностью, так как именно этот уровень формируется последним в онтогенезе и имеет относительную завершенность к подростковому возрасту (Симерницкая, 1985; Семенович, 2012; Иванов, 2013). Подростки с ДЦП с трудом определяют удаленность предметов в пространстве, так, например: «далеко», «близко», «слева», «справа» заменялись определениями «там», «тут». Одновременно с этим пациенты подросткового возраста с ДЦП могли усваивать пространственные понятия («первый», «вто-

рой», «последний» и др.) в процессе специально организованного развивающего обучения.

Данное исследование выявило несформированность представлений о схеме своего тела (соматогнозиса), структурно-топологический и проекционный дефицит у подростков с ДЦП при сравнении с показателями сверстников группы контроля (при $p < 0,05$). Данные наблюдения могут внести вклад в развитие представлений об уровне организации пространственных представлений при дефицитарном варианте дизонтогенетического развития (на примере ДЦП) и использоваться при выборе специальных образовательных программ.

Бреус М.С.

Ценностные корреляты представлений студентов о моббинге

Для современной психологической теории и практики чрезвычайно актуальным представляется изучение моббинга (психологического насилия) в среде школьников и студентов. Известно, что дети и молодежь являются наиболее уязвимыми в плане психологического насилия. Для значительной части современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам (Волков, 2002). Поэтому неудивительно, что возрастает число ситуаций, которые нарушают нормы отношений и взаимодействий между людьми, что с особой остротой ставит перед психологией проблему изучения психологического насилия во всех его формах и видах.

Целью нашего исследования выступило изучение содержания представлений о моббинге у школьников и студентов в связи с их ценностными ориентациями. Предметом исследования явилась взаимосвязь между содержанием представлений о психологическом насилии школьников и студентов и их ценностными ориентациями. Объектом исследования выступили материалы анкетирования и тестирования студентов, обучающихся на факультетах психологии ЮФУ и экономики ДГТУ (55 человек — 13 юношей и 42 девушки), а также учащихся одной из общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону (исследованием были охвачены 160 человек из трех 11-х классов и трех 5-х классов).

В качестве методов исследования использовались сочинение, контент-анализ, психологическое тестирование (методика «Ценностные ориентации» М. Рокича), методы математической статистики.

Результаты контент-аналитического исследования свидетельствуют о том, что у учеников 5-х и 11-х классов психологическое насилие (моббинг) проявляется в таком явлении, как «лошение». Кроме того, можно сделать

вывод о том, что для школьников 5-х классов наиболее актуальной формой моббинга выступает оскорбление («обзывать матом», «прикалывать», «издеваться» и т. д.). Часто психологическое насилие реализуется через манипуляцию («унижение», «издеваться» и т. д.) и реже — через психологическое давление («опускать при всем коллективе», «унижение» и т. д.). Для старшеклассников «лошение» тоже раскрывается прежде всего через действия оскорбительного характера. Однако они значительно реже применяют психологическое насилие по отношению к своим товарищам, чем пятиклассники.

Студенты (психологи и экономисты) характеризуются более широкими представлениями о психологическом насилии, чем школьники. У студентов-психологов и экономистов спектр показателей психологического насилия выражен значительно шире, чем у школьников 5-х, 11-х классов, по таким категориям, как: давление на человека, моральное унижение, навязывание мнения, унижение человека, манипуляции, агрессивное отношение по отношению к другим людям, навязывание своего мнения, психологическое и моральное воздействие на человека, оскорбление, воздействие невербального характера.

Результаты изучения ценностных коррелятов представлений студентов-экономистов о моббинге свидетельствуют о том, что студенты с высокой значимостью ценностей материально обеспеченной жизни, счастливой семейной жизни и любви под психологическим насилием понимают прежде всего моральное унижение, оказываемое давление на человека и агрессивное поведение по отношению к нему. Студенты с такими ценностями реже сами подвергались моббингу, но чаще применяли психологическое насилие по отношению к другим студентам, ощущая при этом злость.

Студенты-психологи, высоко ценящие здоровье, любовь, творчество и свободу, считают, что психологическое насилие по отношению к другому человеку проявляется в оскорблении и манипуляции прежде всего невербального характера. Студенты с такими ценностями и представлениями о психологическом насилии чаще, чем другие, сами оказывались жертвами моббинга, испытывая при этом чувства тревоги, злости и обиды. Выступая в качестве инициаторов психологического насилия, они испытывали желание сделать больно, а также чувства наслаждения, удовольствия и удовлетворения.

Полученные в настоящем исследовании результаты расширяют имеющиеся в психологической науке представления о феномене психологического насилия и востребованы в разработке профилактических и реабилитационных мероприятий, связанных с преодолением психологических и социально-психологических последствий моббинга в образовательной среде.

Будакова А.В.

Интеллектуальные и личностные предикторы экзаменационной результативности

Психологический анализ факторов, определяющих отсутствие у современной молодежи интереса к математике и низкую мотивацию к её изучению, в настоящее время становится актуальной проблемой. Возникает противоречие: развитие приоритетных направлений науки требует от молодых ученых эффективного овладения математическими знаниями, но многие школьники и студенты всячески их избегают. В российском образовании в последние годы основным индикатором усвоения знаний по математике является сумма баллов Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Она оказывается своеобразной «путевкой в жизнь» для многих юношей и девушек, поскольку учитывается при поступлении в вуз и может определять дальнейшую траекторию обучения.

В связи с этим целью нашего исследования стало выделение личностных и интеллектуальных факторов, которые могут предсказать успешность школьников в ЕГЭ по математике. Гипотезой исследования стало предположение о том, что предикторами экзаменационных результатов первокурсников являются аналитический интеллект, способность пользоваться эффективными способами преодоления межличностных конфликтов и характеристики личностного потенциала.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено исследование с участием 147 человек (60 юношей и 87 девушек) в возрасте от 16 до 18 лет, студентов первого курса технических, естественнонаучных и гуманитарных специальностей. Для изучения аналитического интеллекта был использован тест «Прогрессивные матрицы Дж. Равена», для изучения параметров личностного потенциала использовались Шкала базисных убеждений (ШБУ) (Янов—Бульман, 2006), опросник самоорганизации деятельности (ОСД), (Мандрикова, 2006), методика дифференциальной диагностики рефлексии (Леонтьев, 2009), шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, (Леонтьев, Осин, 2007). Социальный интеллект молодых людей мы диагностировали с помощью методики «Оценки выбора в конфликтной ситуации» (Щербаков, 2010). Для проверки наших гипотез был проведен многофакторный регрессионный анализ, чтобы выявить вклад интеллектуальных и личностных факторов в результативность ЕГЭ.

Для девушек ($n = 80$) модель оказалась значима: $F(8,78) = 4,1444$, $p < 0,000$, она объясняет 22% дисперсии баллов ЕГЭ, хотя всего два показателя внесли вклад в результативность: сумма баллов за выполнение заданий теста Равена ($r(80) = 0,408$, $p = 0,00$) и убеждение в собственной ценности

ШБУ ($r(80) = 0,248$, $p = 0,015$). Для юношей также получена значимая модель: $F(13,16) = 4,4678$, $p < 0,002$. Предикторы объясняют 60% дисперсии, вероятно, из-за небольшой величины выборки. Положительный вклад в результативность ЕГЭ вносят убеждение «Доброта людей» ШБУ ($r(60) = 0,616$, $p = 0,00$) и показатели «Планирование деятельности» ($r(60) = 0,359$, $p = 0,03$); «Рефлексия» ($r(60) = 0,505$, $p = 0,00$), «Самокопание» ($r(60) = 0,483$, $p = 0,00$). Отрицательный вклад вносят убеждение «Справедливость мира» ($r(60) = 0,402$, $p = 0,03$) и убеждение в собственной ценности ($r(60) = 0,577$, $p = 0,03$).

Для девушек предикторами экзаменационной результативности оказались только аналитический интеллект и убеждение в ценности Я. Другими словами, уверенность в собственной ценности и общий интеллект повышают успешность на экзамене по математике. Полученные результаты показывают, что личностные факторы менее значимы при выполнении экзаменационных заданий, чем интеллект.

Для юношей получилась другая картина — во многом баллы ЕГЭ по математике определялись личностными характеристиками. Важными для успешности на экзаменах стали убежденность в доброте людей, способность к рефлексии и планированию своей деятельности, склонность к самокопанию и к избеганию конфликтов. При этом убежденность в справедливости мира и ценности Я стали отрицательными факторами для ЕГЭ. Эта закономерность представляется на первый взгляд неожиданной: менее уверенные в себе молодые люди и менее убежденные в том, что мир устроен справедливо, лучше сдают ЕГЭ. Объяснение может иметь типологические причины: высокая интеллектуальность юношей, успешно выполняющих задания ЕГЭ, может быть типологически «сцеплена» с заниженной убежденностью в ценности Я и сниженной убежденностью в справедливости мира (Богомаз, 2013). Если это предположение верно, то для высокоинтеллектуальных юношей необходимо организовывать специальное психологическое сопровождение, направленное на коррекцию их картины мира и картины Я.

*Бызова В.М.
Перикова Е.И.*

Представления младших школьников о себе

Актуальность нашего исследования обусловлена значимостью изучения и формирования самосознания в детском возрасте. Как известно, в детских рисунках и высказываниях находят отражение особенности представлений о себе как о будущем взрослом.

В исследовании приняли участие 99 детей Санкт-Петербурга и Ленинградской области: младшие школьники от 8 до 12 лет, среди них 45 девочек

и 54 мальчика. Большинство детей были единственными детьми из благополучных полных семей. Цель исследования: выявление представлений о себе и о своей телесности. Методика и процедура исследования: рисуночные тесты на темы: «Моя семья — мама, папа, я», «Я — взрослый (взрослая) и хочу стать...»; эссе на темы: «Кто я?»; «Какой я (Какая я)?»; «Моя жизнь...». Для работы предоставлялись цветные мелки, бумага А4, карандаши и ручки для записей. Затем был проведен качественный анализ представлений школьников о себе. В ходе работы учитывались спонтанные высказывания детей и поддерживалась их творческая направленность. После окончания работы с каждым ребенком проводилась беседа о содержании рисунков и текстов. Обращалось внимание на почерк, направление строк, нажим.

Во всех рисунках детей в той или иной мере проявился телесный образ, причем наиболее полно он был представлен в рисунках на тему «Я — взрослый(-ая) и хочу стать...». В рисунках проявилась профессиональная направленность и проекция телесного образа, причем полнота представления собственной телесности определяется возрастом. Уже с 8-летнего возраста как мальчики, так и девочки начинают проявлять интерес к своей внешности. Обращает на себя внимание, что в рисунках мальчиков акцентируется предметный мир и окружающее пространство, а в рисунках девочек подчеркивается подробная прорисовка собственного тела, лица, одежды. В текстах эссе четко обозначились ценностные ориентации и характерологические особенности детей. В выборке мальчиков это прежде всего учеба, друзья, спортивные занятия (футбол, дзю-до) и вождение автомашины. В некоторых текстах мальчиков обнаружено стремление к военной профессии (танкист). В качестве примера приведем выдержку из эссе мальчика 12 лет: «Я позитивный человек. Я не пью и не курю, этим я горжусь. Всегда хотел, чтобы в мире не было войн и чтобы он был чище. И еще мне очень жалко бездомных животных. Мой девиз: любите друг друга!» В выборке девочек подчеркивается важность семейных ценностей, стремление к достижениям и активный досуг. Приведем примеры: «Я очень люблю свою семью», «Моя семья состоит из 11 человек...», «У меня большой дом», «Моя жизнь чудесная. Бывают неудачи, но я их терплю», «У меня сбылась мечта всей моей жизни. У меня появилась собака», «Моя мечта — стать чемпионкой», «Я очень ответственная и добрая девочка». Как у мальчиков, так и у девочек обратило на себя внимание направление строк и характер письма. При движении руки слева направо направление строк тяготеет вниз градусов на 30–35, а также обнаружено «волнистое письмо» (ряд слов написаны со смещением уровня и размера букв). Полученные данные могут свидетельствовать об эмоциональной заряженности написанного и требуют более тщательного осмысления. В целом, полученные рисунки и тексты отражают

наиболее важные ценностные ориентации и особенности самосознания. В перспективе планируется осуществить сравнительный анализ телесного самосознания и образа Я с учетом возраста и пола.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект №13–06–00131а.

Ван С.М.

Адаптация к обучению в вузе за рубежом и на родине у китайских студентов

В настоящее время проблема адаптации китайских студентов к обучению в зарубежных вузах занимает одно из значимых мест в социально-психологических исследованиях китайских аспирантов и специалистов-психологов и социологов, обучающихся и работающих за границей. Так, В. Юэн, преподаватель Kean University (USA), в прошлом студент из Китая, описал особенности социально-психологической адаптации китайцев, обучающихся в США, и выделил трудности, с которыми они сталкиваются в обучении и вне учебной программы. Устный английский и трудности коммуникации являются для них основными проблемами (Юэн, 2011). В ранее выполненных исследованиях барьеров адаптации у китайских студентов, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга, было показано, что на разных этапах вузовского обучения для китайских студентов значимыми становятся разные проблемы. Наибольшие психологические сложности возникают у китайских студентов на первом этапе обучения за границей. Так, для 57% первокурсников из Китая, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга, характерен высокий уровень психического напряжения, низкие показатели адаптированности, низкий уровень психического здоровья и неопозитивные представления о себе (Ван Сяо, 2014).

Целью данного исследования было сравнить феноменологию, сопровождающую адаптацию китайских первокурсников к вузовскому обучению в Китае и в России. Проблема исследования определяется необходимостью разработки программ сопровождения для первокурсников из Китая. Выборку составили 160 китайских студентов первого года обучения в вузе. Из них 97 являлись студентами китайских вузов, 63 — студентами вузов Санкт-Петербурга. Со всеми респондентами психодиагностика проводилась по одной психодиагностической программе на китайском языке. В исследовании использовались психодиагностические методики, адаптированные в Китае. Интегральный показатель по методике «Big five» (адаптирована на кит. яз. Тзанг Ж.С.), который позволяет выявить общий уровень адаптированности личности. Изучение системы представлений индивида о самом себе выполнялось посредством методики «Self-concept» (адаптирована на

кит. яз. Синг Ц.Г.). Локус контроля личности изучался посредством методики «Rotter test» (адаптирован на кит. яз. Ванг Д.Ф.). Проведен первичный статистический анализ полученных данных.

Средние показатели психодиагностики двух сравниваемых групп будут представлены попарно, при этом первый показатель отражает данные студентов, обучающихся в Китае, второй — данные китайских студентов, обучающихся в России. Далее приведены средние значения по четырем изученным характеристикам. 1) Интегральный показатель, отражающей уровень функциональной активности пяти свойств личности (практичность, коммуникативность, экстравертированность, альтруизм, нравственность): $79,09 \pm 4,81$ и $66,41 \pm 5,075$ ($p < 0,01$). 2) Уровень психического здоровья: $2,25 \pm 0,78$ и $1,00 \pm 0,0$ ($p < 0,01$). 3) Уровень позитивности представлений о себе: $227,76 \pm 10,66$ и $251,00 \pm 12,54$ ($p < 0,001$). 4) Уровень экстернальности $1,54 \pm 0,5$ и $1,59 \pm 0,5$ (различия не выявлены). Статистически значимые различия между показателями, полученными в двух сравниваемых группах, выявлены по уровню выраженности адаптированности, психического здоровья и позитивности представлений о себе. Заслуживает внимания и требует дополнительного анализа информация о том, что при более низких показателях общей адаптированности и уровня психического здоровья, у китайских студентов, адаптирующихся к образовательной среде российских вузов, средний уровень показателей по «позитивности представлений о себе» выше, чем у первокурсников, обучающихся на родине. Это можно объяснить как проявление защитной регуляторной функции самосознания или рассматривать позитивное представление о себе как ресурс для реализации задач адаптации и учебной успешности китайских студентов, обучающихся в России. Выявленную феноменологию можно рассматривать как значимую для разработки рекомендаций и программ по психологическому сопровождению китайских студентов, обучающихся за рубежом.

Василенко Ю.А.

Поток как оптимальное переживание у подростков интернет-аддиктов

Интернет оказывает значительное влияние на жизнь людей. Одни люди используют его для работы, другие — как средство поиска материала, общения и развлечений. Деятельность профессионала в Интернете характеризуется перспективами и целями в жизни, в то время как для других людей, зачастую для подростков, погруженность в интернет-среду и удовольствие от этого здесь и сейчас без перспективы приводит к бессмысленности существования, к интернет-аддикции. Данный феномен схож с описанием феномена переживания потока (Войскунский, 2010).

В рамках исследования изучался поток как специфичное оптимальное переживание у подростков интернет-аддиктов.

Гипотеза исследования: переживание опыта потока в подростковом возрасте различается в зависимости от уровня выраженности интернет-аддикции, что проявляется во взаимосвязи между уровнем киберкоммуникативной зависимости и элементами переживания потока.

Объектом исследования выступили 130 подростков. Методический инструментарий: шкала интернет-зависимости С.Х. Чена в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова; опросник «Киберкоммуникативная зависимость» А.В. Тончевой; адаптированный вариант опросника количественной оценки переживания элементов потока М. Чиксентмихайи; статистический критерий U-Манна — Уитни, корреляционный анализ Спирмена.

Первоначально были получены результаты по шкале интернет-зависимости С.Х. Чена. Выделены 3 группы подростков: первая — с минимальным риском возникновения интернет-аддикции — 42%, вторая — со склонностью к возникновению интернет-аддикции — 47%, третья — с устойчивой интернет-аддикцией — 11%.

В дальнейшем были обработаны результаты опросника «Киберкоммуникативная зависимость», выделены три группы подростков. Первая — с низким уровнем киберкоммуникативной зависимости — 67%, вторая — со средним — 28%, третья — с высоким уровнем — 5%.

Мы установили статистически значимые различия подростков с минимальным риском возникновения интернет-аддикции и со склонностью к интернет-аддикции, а также подростков со склонностью к интернет-аддикции и с устойчивой интернет-аддикцией по показателям: «шкала компульсивных симптомов» ($p \leq 0,01$), «шкала симптомов отмены» ($p \leq 0,01$), «шкала толерантности» ($p \leq 0,01$), «шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем» ($p \leq 0,01$), «шкала управления временем» ($p \leq 0,01$).

Установили значимые различия по адаптированному варианту опросника количественной оценки переживания М. Чиксентмихайи подростков с минимальным риском возникновения интернет-аддикции и подростков, склонных к интернет-аддикции по показателю «получение удовольствия от деятельности» ($0,1 \leq p \leq 0,5$). Были выявлены значимые различия подростков со склонностью к интернет-аддикции и подростков с устойчивой интернет-аддикцией по показателям: «поддержание концентрации внимания» ($0,1 \leq p \leq 0,5$), «не испытывают тревогу» ($0,1 \leq p \leq 0,5$), «получение удовольствия от деятельности» ($p \leq 0,01$). Были выявлены значимые различия подростков с минимальным риском возникновения интернет-аддикции и подростков с устойчивой интернет-аддикцией по показателям: «поддержание concentra-

ции внимания» ($0,1 \leq p \leq 0,5$), «сосредоточенность» ($0,1 \leq p \leq 0,5$), «время движется быстро» ($0,1 \leq p \leq 0,5$), «высокие умения в онлайн» ($0,1 \leq p \leq 0,5$), «не испытывают тревогу» ($p \leq 0,01$), «получение удовольствия от деятельности» ($p \leq 0,01$).

Были выявлены корреляционные связи у подростков с низким уровнем киберкоммуникативной зависимости между уровнем киберкоммуникативной зависимости и элементом потока «сосредоточенность во время работы в социальных сетях» ($r = 0,22$); выявлены отрицательные корреляционные связи между уровнем киберкоммуникативной зависимости и факторами «владение ситуацией» ($r = -0,29$), «время движется быстро» ($r = -0,22$); «получение удовольствия от деятельности» ($r = -0,27$).

У подростков со средним и высоким уровнями киберкоммуникативной зависимости существуют значимые положительные связи между уровнем киберкоммуникативной зависимости и элементами потока «обратная связь, поддержка» ($r = 0,7$), «получение удовольствия от деятельности» ($r = 0,77$), «высокие умения в онлайн» ($r = 0,7$).

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы: у подростков, предрасположенных к киберкоммуникативной зависимости, взаимодействие с партнером в Интернете имеет эмоциональный характер и характеризуется получением удовольствий, эти подростки отличаются высокими умениями владения интернет-средой. Подростки с низким уровнем киберкоммуникативной зависимости в социальных сетях работают сосредоточенно, при этом не получают радости от успеха в процессе деятельности и недостаточно владеют ситуацией.

Гаврилова М.В.

Удовлетворенность профессиональной деятельностью врачей с разным уровнем мотивации

Сегодня вопрос удовлетворенности врачей своей профессиональной деятельностью особо актуален, так как данный феномен напрямую взаимосвязан с показателями квалифицированной помощи, оказываемой пациентам, а следовательно, и показателями заболеваемости и смертности населения (Недуреева, 2013).

Удовлетворенность профессиональной деятельностью по праву является одним из критериев эффективности профессиональной деятельности. Согласно Пряжникову Е.Ю. (2003) важнейшим условием развития профессионального самосознания является удовлетворенность трудом, а осознание себя в качестве признаваемого обществом эффективного работника по значимой для общества профессии — условие принятия этой профессии как

основного дела своей жизни и, следовательно, принятия человеком своей жизнедеятельности и самого себя.

Психологический анализ удовлетворенности профессиональной деятельностью должен быть сосредоточен на определении психологических механизмов, которые позволили бы понять природу данного явления. Таким механизмом является процессуально-содержательная (или интринсивная) мотивация. Профессия врача, обладающая параметрами стрессогенности, интенсивности, ответственности и включенности в содержание и процесс деятельности, только тогда обладает высоким мотивационным потенциалом, когда есть эффективность и удовлетворенность профессией.

Целью нашей работы стало исследование удовлетворенности профессиональной деятельности врачей с разным уровнем мотивации деятельности.

Методы исследования: клинико-психологический метод, методика «Удовлетворенность работой» (Л.А. Верещагина), методика «Мотивация профессиональной деятельности» (А.А. Реан).

Гипотеза исследования состоит в том, что врачи с разным уровнем мотивации деятельности имеют различные характеристики удовлетворенности профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие врачи терапевтического профиля городских (46 человек) и районных (45) учреждений здравоохранения города Курска и Курской области.

Исследование профессиональной мотивации дало следующие результаты. Значимые различия в исследуемых группах врачей были получены по показателю «внешняя положительная мотивация» ($p = 0,01$). У врачей городских медицинских учреждений данный показатель оказался выше. Исследование структуры профессиональной мотивации врачей показало, что в группе врачей городских медицинских учреждений мотивационный комплекс наиболее оптимальный и ресурсный ($BM < BPM > BOM$), чем в группе врачей районных медицинских учреждений ($BM > BPM > BOM$).

В результате исследования удовлетворенности профессиональной деятельностью врачей городских и районных медицинских учреждений мы получили значимые различия по критерию Манна — Уитни в исследуемых группах по показателю удовлетворенность работой ($p = 0,01$). Удовлетворенность профессиональной деятельностью выше у городских врачей, на это влияет адекватность поощрения затраченным усилиям и результативность работы врача.

В результате корреляционного анализа (критерий Спирмена) показателей удовлетворенности и мотивации деятельности в исследуемых группах мы получили следующие связи. В группе врачей городских медицинских

учреждений: удовлетворённость работой и удовлетворенность достижениями в работе ($R = 0,36$), общая удовлетворенность трудом и внешняя положительная мотивация ($R = 0,37$).

В группе районных медицинских учреждений обнаружены такие связи, как удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками и удовлетворенность условиями труда ($R = 0,41$), общая удовлетворенность трудом и внешняя отрицательная мотивация ($R = 0,35$).

Таким образом, удовлетворенность профессиональной деятельностью врачей связана с мотивацией их деятельности. Врачи районных медицинских учреждений имеют низкие значения мотивации в структуре мотивационного комплекса, что свидетельствует о деформации содержательно-процессуальных мотивов и отражается на снижении удовлетворенности деятельностью. Для врачей городских медицинских учреждений характерны высокие показатели мотивации деятельности, что обеспечивает удовлетворенность профессией.

Отсутствие здоровой внутренней мотивации деятельности врачей районных медицинских учреждений, удовлетворенности в профессии влияет на всю систему здравоохранения, делая отрасль неэффективной, существенно ограничивая приток молодых специалистов, особенно в сельские больницы.

Гнедько Е.С.

Особенности ценностно-смысловой сферы, телесного опыта людей с заболеваниями ЖКТ

Первым психологом, в работах которого встречается упоминание и толкование «телесного Я» в структуре психического, был У. Джеймс. Он рассматривает три элемента личности: «физическое Я», «социальное Я» и «духовное Я» (Джемс, 2000). А.Ш. Тхостов декларирует психосоматическое единство человека и рассматривает «нормальную» телесность и патологию телесности. В состоянии нормального функционирования тело как бы «прозрачно», оно не осознается. В случае соматического заболевания тело становится собственным объектом сознания (Тхостов, 2002).

Один из самых распространенных и наиболее неприятных способов обнаружения телесности — болезни, когда тело проявляет себя в совокупности болезненных интрацептивных ощущений. В последнее время в нашей стране и во всем мире наблюдается тенденция к росту случаев развития желудочно-кишечных заболеваний. По данным Министерства здравоохранения РФ, гастроэнтерологические заболевания занимают 3–4-е место в структуре всех заболеваний по Российской Федерации.

Таким образом, проблемой нашего исследования является вопрос: как влияет ситуация заболевания ЖКТ на образ внутренней телесности? Объект исследования: ценностно-смысловая сфера и телесный опыт. Предмет исследования: особенности ценностно-смысловой сферы и телесного опыта под влиянием заболеваний ЖКТ.

Мы рассматриваем телесность как психологическое образование, включающее в себя образ тела, ощущения, ценностно-смысловую сферу, рефлексивность, саморефлексию телесного потенциала. Цель нашего исследования: изучить влияние заболеваний ЖКТ на образ внутренней телесности. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить особенности ценностно-смысловой сферы, телесного опыта у людей с заболеваниями ЖКТ.
2. Изучить особенности ценностно-смысловой сферы, телесного опыта у людей без заболеваний ЖКТ.
3. Сравнить параметры образа внутренней телесности у людей с заболеваниями ЖКТ и людей без заболеваний ЖКТ.

На основе теоретических предположений была выдвинута следующая гипотеза: если у людей есть заболевание ЖКТ, то их образ внутренней телесности имеет специфические особенности.

Исследование проводилось на базе ОБУЗ «Курская горбольница №3» в период с 10 по 20 декабря 2013 года. Общее количество участников исследования составило 28 человек. 1-я группа — экспериментальная — 14 человек в возрасте от 38 до 84 лет с заболеваниями ЖКТ, находящиеся на стационарном лечении в ОБУЗ «Курская горбольница №3», из них 6 женщин и 8 мужчин. 2-я группа — контрольная — 14 человек без заболеваний ЖКТ в возрасте от 40 до 68 лет, из них 7 женщин и 7 мужчин.

Для проведения исследования были использованы следующие методы: анкета для выявления отношения к заболеванию, методика «Незаконченные предложения», «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (А.Ш. Тхостов), опросник саморефлексии телесного потенциала (Г.В. Ложкина и А.Ю. Рождественского), методика «Тип отношения к болезни», методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова.

В ходе проведения исследования были получены высокосignификантные различия по следующим критериям: ценностно-смысловая сфера ($p\text{-level} = 0,000008$, среднее значение в группе людей с заболеваниями ЖКТ — 16,7; среднее значение в контрольной группе — 5,8), образ тела ($p\text{-level} = 0,004717$, среднее значение в группе людей с заболеваниями ЖКТ — 10,1; среднее значение в контрольной группе — 5,1), ощущения ($p\text{-level} = 0,000479$, среднее значение в группе людей с заболеваниями ЖКТ — 11,4; среднее значение в контрольной группе — 5,2).

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что существует значимая связь между особенностями образа внутренней телесности и заболеваниями ЖКТ. Происходит анализ, оценка и осмысление собственных ценностей и смыслов, задающих направленность жизнедеятельности. Различия в ценностно-смысловой сфере, образе тела и ощущениях могут быть обусловлены возрастом испытуемых, поэтому при интерпретации данных необходим качественный анализ. В группе больных преобладает конформный (просоциальный) тип, который отражает представление опрашиваемых о телесных возможностях человека, которые ограничиваются задачей соответствия существующим представлениям и возможностям. Различия ощущений, в отличие от ценностно-смысловой сферы, обнаружены по отрицательному типу: в группе людей, имеющих заболевания ЖКТ, уровень опасных ощущений выше, чем в группе здоровых людей.

Голованова И.В.

Горбунов И.А.

Щербакова О.В.

Использование методики «Решение метаграмм» в психофизиологическом исследовании*

В условиях современного кризиса психологии интеллекта перспективным видится поиск новых методик и методических приёмов для исследования интеллектуальных ресурсов человека. Особый интерес в данном случае представляют методики, содержащие задания, сходные с теми, которые могут встречаться в повседневной жизни людей. Такой стимульный материал является более «экологичным», поскольку дает возможность выявить качественную сторону работы интеллекта в реальных, а не лишь в экспериментальных условиях. Данный подход позволяет существенно расширить методический инструментарий, не ограничиваясь традиционными психометрическими методами изучения интеллекта (Щербакова, 2009; Осорина, Щербакова, Аванесян, 2011).

Особым типом задач, используемых для изучения интеллекта, являются метаграммы, которые представляют собой рифмованные загадки, где зашифровано несколько слов-ответов (Щербакова 2009, 2010). Загадан-

* Исследование поддержано НИР из средств бюджета СПбГУ № 8.38.303.2014 «Психофизиологические маркеры ментальных пространств, актуализующихся в ходе разных видов интеллектуальной деятельности» и грантом Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук № МК-6069.2014.6 «Структуры субъективного ментального опыта как факторы, опосредующие интеллектуальную продуктивность».

ные слова сходны между собой по звучанию, но различаются одной буквой. Например: «С — «З» нужна в бильярде я, С «Ж» я — след после дождя, С «П» — я видеть помогаю, С «Н» — путь ночью освещаю» (Ответ: луза — лужа — лула — луна). В настоящем варианте методики «Решение метаграмм» испытуемому предлагается 8 стимульных заданий со следующей инструкцией: «Сейчас Вам будут предъявлены загадки, в которых зашифровано не одно, а сразу несколько слов. Угадав одно из этих слов, Вы можете заменить в нем всего одну букву — первую или последнюю — и получить другое слово, также являющееся ответом. Когда Вы угадаете все ответы загадки, назовите их». Ответы испытуемого оцениваются в 2, 1 или 0 баллов: 0 б. — отсутствие ответа («Не знаю») или его пропуск либо неверный ответ (например, «радуга» вместо «лужа»); 1 б. — неполный ответ, где испытуемый назвал не все необходимые слова, а только одно или несколько; 2 б. — полный ответ, когда испытуемый называл все искомые слова; за измененный порядок слов балл не снижается.

Успешное решение таких стимульных заданий требует конкретного ответа (т. к. необходимо назвать чётко определенные слова), для нахождения которого испытуемому необходимо совершить ряд когнитивных операций. Эти операции должны характеризоваться точностью внутрипсихического словесно-образного перевода (Веккер, 2001); одновременным удерживанием в психике нескольких ментальных пространств при условии необходимости дать несколько ответов; способностью работать с многозначностью.

В нашем исследовании у испытуемых ($n = 39$), которые предварительно были обследованы с помощью методики «Стандартные прогрессивные матрицы Дж. Равена» (СПМ), в процессе решения метаграмм регистрировалась ЭЭГ. Предполагалось, что испытуемые с высоким уровнем интеллектуальных ресурсов будут справляться с решением стимульных задач с меньшими психическими затратами за счет сформированности понятийных структур и лучшей метакогнитивной регуляции. После вычисления фрактальной размерности ЭЭГ (как меры упорядоченности работы мозга и показателя энергопотребления в процессе мозговой активности) и последующего дисперсионного анализа было показано ($F = 6,6335$; $p = 0,0052$), что при успешном ответе у группы испытуемых со сравнительно более высокими баллами (группа 1) по СПМ наблюдается повышение мозговой активности в начале решения стимульного задания и ее снижение в конце, а для группы со сравнительно низкими (для данной выборки) баллами по СПМ (группа 2) характерно повышение мозговой активности к концу решения задачи. Напротив, при неуспешном ответе в группе 1 наблюдается повышение активности мозговых структур к концу решения стимульных заданий,

а в группе 2 — относительное снижение нейрональной активации к концу задания. Т. о., для испытуемых с высоким уровнем интеллектуальных ресурсов характерна сформированность концептуальных структур и зрелость метакогнитивной регуляции, что выражается в снижении мозговой активации по мере продвижения к нахождению верного ответа. В то время как участники с более низким уровнем интеллектуальных ресурсов демонстрировали метакогнитивные дефициты в решении стимульных задач, что отражалось в отсутствии эффекта, полученного в группе 1: по мере продвижения от начала решения задачи к ее концу не наблюдалось снижения мозговой активности.

При использовании методики «Решение метаграмм» открывается возможность не только зафиксировать факт совершения последовательных когнитивных операций, но и сделать выводы о метакогнитивной регуляции испытуемого, что позволяет выявить индивидуальные паттерны функционирования его интеллектуальных ресурсов.

Горбунова О.В.

Опыт проведения тренинга социальных навыков для больных шизофренией

Нарушение общения и социального поведения в целом является характерной чертой клинической картины и личности больных шизофренией и проявляется прежде всего в дефиците потребности в общении, обуславливающим недостаточность социальной направленности и социальной регуляции деятельности. Все это приводит к тому, что больной, даже находясь в состоянии ремиссии, не приспособлен к самостоятельной и полноценной жизни в обществе (Критская, Мелешко, Поляков, 1991).

В рамках проведения психокоррекционной работы с больными шизофренией был разработан вариант тренинга социальных навыков, основанный на принципах проведения подобных тренингов Т.В. Гончарской и В.С. Ястребовым (Вид, Воловик, Гончарская, Днепровская, 1982; Ястребов с соавт., 2012). Основные принципы коррекционных воздействий заключаются в повышении мотивации к приобретению новых знаний и навыков, развитии социально-перцептивных способностей личности, включении больных в специально организованную совместную деятельность с четко обозначенной целью. Этой целью является формирование, восстановление и оптимизация навыков общения больного в сложных для него ситуациях межличностного взаимодействия, а также приобретение социальных установок и опыта социального функционирования. Программа тренинга состоит из 12 занятий продолжительностью 60 минут, которые проводятся

1–2 раза в неделю. Так как реализация тренинга осуществляется на базе стационара, следует отметить важность соблюдения структуры групповой работы: время и место проведения не должны меняться от занятия к занятию, поскольку это способствует снижению тревожности участников. С этой же целью занятия должны проводиться в закрытой группе, включающей 10–12 человек. При наборе участников в группу психолог, выступающий ведущим тренинга, проводит беседу с каждым из них с целью выявления степени социальной дезадаптации и создания положительной установки на участие в тренинге. К участию не допускались больные, находящиеся в остром психогическом состоянии и имеющие выраженные дефекты в когнитивной и эмоционально-личностной сферах.

Целью эмпирического исследования являлось изучение влияния разработанного тренинга на ряд клинико-психологических характеристик больных шизофренией. До и после проведения тренинга была обследована группа пациентов (12 человек), находящихся на лечении в дневном стационаре ПНД Фрунзенского района. В исследовании использовались следующие методики: «Шкала тревоги» Ч.Д. Спилбергера, «Диагностика самооценки» Т.В. Дембо — С.Я. Рубинштейн, «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, «САН», «Диагностика социально-психической адаптации» (К. Роджерс, Р. Даймонд), «Тест фрустрационных реакций» С. Розенцвейга, «Список чувств». Гипотеза исследования: развитие социальных навыков больных шизофренией способствует повышению их самооценки, снижению тревожности, применению более адаптивных копинг-механизмов и в целом улучшает социальную адаптацию.

Для проведения статистических расчетов была использована программа SPSS 22. По результатам оценки на уровне статистической значимости обнаружены достоверные различия между группой лиц до тренинга и после по следующим показателям: ситуативная и личностная тревожность ($p < 0,01$), самооценка ($p < 0,001$), самочувствие ($p < 0,05$), активность ($p < 0,05$), настроение ($p < 0,001$), стратегия социальной поддержки ($p < 0,05$). Согласно результатам методики «Список чувств» после тренинга больные меньше испытывают тревожность ($p < 0,001$) и указывают больший процент времени, когда они чувствуют себя счастливыми ($p < 0,05$).

Приведенные данные дают основания полагать, что проведенный тренинг положительно влияет на динамику эмоционально-поведенческих характеристик больных, а именно: снижает тревожность, улучшает самочувствие и настроение, повышает самооценку, способствует общей активации. Больные чаще используют стратегию социальной поддержки как способ совладания со стрессом, что говорит о большей социальной раскрепощенности. По завершении тренинга участникам предлагалось заполнить анкету

и оценить степень эффективности курса занятий. Все участники ответили, что тренинг был для них полезен, 9 из 12 отметили, что стали более уверены в себе и считают, что навыки, приобретенные на тренинге, пригодятся им в жизни; двое затруднились с ответом. Таким образом, целесообразно продолжить исследование для оценки достоверности полученных предварительных результатов.

Горн А.С.

Солодунова М.Ю.

Особенности выражения эмоций у детей в доме ребенка с семейным окружением

Идея Ч. Дарвина о том, что способность человека выражать свои эмоции является врожденной и эволюционно обусловлена, была продолжена такими исследователями, как С. Томкинс, П. Экман, У. Фризен, которые доказали универсальность выражений эмоций, описали «правила выражения» той или иной эмоции (Tomkins, 1963; Izard, 1971; Ekman, Frisen, Ellsworth, 1972). К.Э. Изард акцентировал внимание на дискретности эмоций, подчеркивал их социальную природу, закрепившуюся в ходе эволюции на уровне биологического рефлекса (Izard, 1977). Несмотря на консервативность эмоциональных выражений, оказалось, что окружающая социальная среда способна модифицировать существующие врожденные паттерны эмоционального реагирования, о чём говорят появляющиеся в настоящее время работы по этой теме. Так, к примеру, известно, что у детей, воспитывающихся в семье и в учреждении, эти модели различаются (Конькова, 2006).

В последние годы в Российской Федерации активно обсуждается вопрос организации семейного окружения для детей, лишенных заботы родителей и воспитывающихся в учреждениях. Предпосылкой такого рода размышлений стала внедренная на базе одного из домов ребенка (г. Санкт-Петербург) модель семейного окружения. Основная идея преобразований заключалась в том, чтобы изменить традиционную систему заботы о детях, которая предполагала проживание детей в группах по 12–14 детей одного возраста и уровня развития, переводы детей из группы в группу по возрасту, частую смену персонала. Главной целью изменений являлось приближение характеристик развития и психического здоровья воспитанников домов ребёнка к показателям семейных детей. Новые группы состоят из 6–7 человек, в них происходит интеграция по возрасту и уровню развития, происходит стабилизация состава ухаживающих за детьми взрослых (St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

24 мая 2014 г. было принято Постановление Правительства РФ №481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», согласно которому все учреждения должны быть реорганизованы по семейному типу. Однако до сих пор нет научных данных о том, насколько изменение социального окружения способствует модификации паттернов эмоционального реагирования у детей, проживающих в домах ребенка нового типа, по сравнению с детьми из традиционных учреждений. В связи с этим исследование выражения эмоций на лицах детей, проживающих в условиях семейного окружения, является актуальным. Кроме того, на наш взгляд, характеристики выражения эмоций детей могут являться индикатором их эмоционального развития и психического здоровья в целом (Мухамедрахимов, 2003).

Данное исследование выполняется в рамках научно-исследовательского проекта «Влияние ранней депривации на био-поведенческие индикаторы развития ребёнка», поддержанного грантом Правительства РФ №14.Z50.31.0027. Мы предполагаем, что характеристики выражения эмоций у детей в учреждениях семейного типа отличаются от паттернов детей в традиционных учреждениях. Дети в доме ребенка семейного типа, предположительно, демонстрируют больший спектр эмоций, в меньшей степени используют стереотипные действия и повышенную моторную активность при взаимодействии с близкими взрослыми, интенсивность их эмоций выше, чем у детей в традиционном доме ребенка. В рамках исследования изучаются типично развивающиеся дети раннего возраста из двух домов ребенка г. Санкт-Петербурга — с традиционным и семейным окружением. В качестве метода исследования эмоций используется «Оценка эмоций матери и ребёнка» (DAM, Dyadic Affect Manual, Osofsky, Muhamedrahimov, Hammer, 1998), которая позволяет изучить качественные и количественные характеристики эмоций на лице ребёнка в процессе взаимодействия со взрослым. Производится видеозапись взаимодействия ребёнка и близкого взрослого с последующей оценкой 8 эмоций с учетом их интенсивности. Дополнительно методика позволяет фиксировать показатели крупной и мелкой моторики, дезадаптивное поведение (Конькова, 2006). К настоящему моменту произведена видеосъемка взаимодействия детей и воспитывающих их взрослых и происходит анализ видеозаписей. Мы ожидаем, что результаты математико-статистического анализа позволят показать, что семейно-ориентированный подход к заботе о детях, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, благоприятно сказывается на способности полноценно выражать эмоции, а следовательно, и на психическом здоровье детей в целом.

Господарева Н. В.

Динамика психического здоровья студентов университета

В любом возрасте здоровье выступает необходимым условием успешной самореализации. Однако существует социальная группа, находящаяся в процессе интенсивного саморазвития и личностного роста, — это студенческая молодежь. В начале обучения в вузе происходит изменение социальной роли студента, корректировка его потребностей и ценностей, возникает необходимость более гибко регулировать свое поведение, устанавливать взаимоотношения в новом коллективе; для иногородних — необходимость обустроить быт (Брагина, 2003). Актуальность исследования определяется тем, что при неблагоприятном стечении обстоятельств эти трудности могут вызвать нервно-психическое напряжение, негативно отразиться на состоянии здоровья.

С целью установления особенностей состояния психического здоровья и его динамики у студентов младших курсов было проведено лонгитюдное исследование на базе ГГУ им. Ф. Скорины. Выборка составила 40 студентов-первокурсников (муж. — 3 чел., жен. — 37 чел.). Исследование проводилось посредством следующих методик: методика экспресс-диагностики невроза К. Хека — Х. Хесса (Райгородский, 1998), методика диагностики самооценки тревожности Ч. Спилбергера — Ю. Ханина (Райгородский, 1998), опросник А. Бека для оценки депрессии (Малкина-Пых, 2005); опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова — С. В. Чермянина (Никифоров, 2003).

Этапы исследования:

- исследование состояния психического здоровья студентов 1-го курса с выделением группы здоровых студентов и студентов с особенностями состояния здоровья: группа с невротизацией; группа с субдепрессией; группа тревожных; группа малоадаптивных; группа с вегетативной симптоматикой; группа с хроническими заболеваниями, в т. ч. психосоматическими;
- проведение лонгитюдного исследования этих студентов на 2-м курсе;
- выделение вышперечисленных групп среди студентов 2-го курса;
- выявление динамики психического здоровья в выделенных группах.

Кроме того, была разработана паспортчика, включающая в себя данные, касающиеся пола респондента и наличия у него хронического заболевания.

Для обработки данных по динамике психического здоровья студентов младших курсов был использован критерий Стьюдента. Статистическая обработка производилась посредством программы «Statistica» 5.0.

При определении динамики психического здоровья студентов было установлено:

- в группе малоадаптивных на 2-м курсе отмечается большее количество студентов с благоприятным состоянием активности ($p \leq 0,05$) по сравнению с 1-м курсом;
- в группе с вегетативной симптоматикой ко второму курсу увеличилось количество студентов с умеренным уровнем личностной тревожности ($p \leq 0,05$).

В группу малоадаптивных вошли студенты с низким уровнем личностного адаптационного потенциала (ЛАП) (Никифоров, 2003). А.Г. Маклаков разработал концепцию ЛАП, согласно которой уровень ЛАП позволяет определить степень устойчивости к психоэмоциональным стрессам (Маклаков, 2001).

С позиции В. Поликарпова, не следует ограничивать стресс биологической адаптацией организма к вредным воздействиям, игнорируя поведенческий уровень. Сущность стресса, по его мнению, состоит в мобилизации ресурсов организма для активного преодоления стрессоров на уровне поведения (Поликарпов, 2002). Возможно, респонденты из группы малоадаптивных на поведенческом уровне, проявляя активность, пытаются приспособиться к условиям учебной деятельности.

Согласно полученным данным количество первокурсников с низким уровнем адаптационного потенциала составляет 47,5%. Из них все респонденты отмечают у себя вегетативную симптоматику, а число лиц с умеренным уровнем тревожности составляет 26,3%.

В исследовании психического здоровья студентов медицинского вуза, проведенном О.А. Идобаевой, приняли участие студенты 1–2-го курсов (81 чел., из них юношей — 30 чел., девушек — 51 чел.). В результате она пришла к выводу о том, что психическое состояние студентов характеризуется высоким уровнем тревожности и напряжением адаптационных ресурсов (Идобаева, 2013).

Увеличение числа респондентов с умеренным уровнем личностной тревожности в группе с вегетативной симптоматикой свидетельствует об общем снижении высокого уровня тревожности, что впоследствии может способствовать и уменьшению вегетативных проявлений.

Данное исследование открывает возможность для проведения более целенаправленных мер психопрофилактики.

*Гришина К.И.
Павлов Ю.Г.*

Асимметрия мощности ЭЭГ при решении вербальных и пространственных задач у мужчин и женщин

Для выявления нейрофизиологических основ половых различий было проведено множество эмпирических исследований, ряд которых выявил

более полное взаимодействие между полушариями мозга у женщин, в то время как у мужчин наблюдается более выраженная асимметрия полушарий. В последние десятилетия был выполнен ряд исследований половых различий в изменениях мощности и когерентности ЭЭГ, связанных с выполнением вербальных и образно-пространственных задач.

Гипотезы:

1. Асимметрия ритмической активности ЭЭГ у женщин во время когнитивной нагрузки менее выражена, чем у мужчин.
2. Решение задач разной направленности будет провоцировать изменения в распределении мощности ЭЭГ, обусловленные сменой доминирующего полушария.

В эксперименте приняли участие 35 студентов вузов (17 мужчин и 18 женщин) в возрасте от 20 до 25 лет. Использовался набор когнитивных стимулов, разработанных в Институте ВНД и нейрофизиологии РАН (Иваницкий, Роик, 2011). Испытуемым было предъявлено 60 задач (30 вербальных, 15 образных и 15 пространственных). Регистрация ЭЭГ проводилась в фоновом состоянии с закрытыми и открытыми глазами и во время решения задач. Electroды ЭЭГ располагались согласно международной системе «10–20».

Обработка записей осуществлялась для следующих диапазонов ритмов ЭЭГ: тета (4–8 Гц), альфа1 (8–10,5 Гц), альфа2 (10,5–13 Гц), бета (13–30 Гц).

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с использованием пакета программ SPSS Statistics.

По результатам статистической обработки не было выявлено достоверных различий по показателям успешности решения вербальных ($p = 0,54$), образных ($p = 0,89$) и пространственных ($p = 0,75$) заданий у представителей разных полов. Не было выявлено достоверных половых различий в показателях распределения мощности ЭЭГ-ритмов при решении всех типов задач ($p = 0,95$).

Было обнаружено влияние типа решаемой задачи на уровень мощности ритмов ЭЭГ в разных полушариях. Получены достоверные различия между средними величинами мощности для альфа1 ($p = 0,00$), альфа2 ($p = 0,00$) и бета ($p = 0,04$).

При решении вербальных заданий уровень мощности в бета-диапазоне в обоих полушариях значимо выше, чем при решении образных или пространственных задач ($p = 0,042$).

Были выявлены множественные зональные различия в ЭЭГ между разными когнитивными состояниями в тета ($p = 0,01$) и альфа1 ($p = 0,00$). Для ритмов альфа2 ($p = 0,07$) и бета ($p = 0,08$) различия значимы на уровне тенденции.

Полученное отсутствие половых различий в успешности решения задач, а также отсутствие влияния пола на асимметрию электрической активности мозга согласуется с основным выводом метаанализа Дж.С. Хайд и М. Линн: при изучении многих когнитивных способностей и их физиологической основы половых различий меньше, чем внутриполовых, и они ситуационно специфичны (Hyde, Linn, 1988). В нашем случае такой результат может объясняться особенностями выборки: постоянное развитие вербальных и пространственных способностей на протяжении учебной деятельности могло отразиться на сходстве механизмов работы мозга у испытуемых обоих полов.

У всех испытуемых при решении вербальных задач наблюдается подавление альфа1-активности в левом полушарии, что говорит о его большей активации. Выполнение образных и пространственных заданий активизирует преимущественно правое полушарие, в связи с чем уровень мощности альфа1 выше в левом полушарии. Данная модель десинхронизации альфа1 соответствует результатам многих исследований (Шишкин, 1997).

Альфа2-ритм топографически более ограничен. Десинхронизация альфа2 связана со специфическими способами обработки информации (Klimesch et al., 2007). Выявленная нами десинхронизация альфа2 в левом полушарии связана с вовлечением речевых зон в обработку вербальной информации (зоны Брока и Вернике). При решении образных задач наблюдалось равномерное распределение альфа2-активности, что отражает согласованную работу полушарий.

Мощность в бета-диапазоне положительно коррелирует с метаболической активностью в соответствующей корковой области (Hanslmayr et al., 2005). Полученные нами данные свидетельствуют, что обработка вербальной информации требует большего уровня активации коры головного мозга. Увеличение мощности бета-ритма связано с большей трудностью заданий и повышенным вниманием испытуемых.

Было выявлено увеличение мощности тета-ритма при переходе от фонового состояния с открытыми глазами к решению задач. Согласно литературным данным мощность тета-ритма возрастает в ответ на когнитивную нагрузку (Klimesch, 1999).

Давыденко А.В.

Психологические особенности одаренной личности в юношеском возрасте

Изучение одаренности является комплексной проблемой, стоящей на стыке различных дисциплин. Специалисты особое внимание уделяют выяв-

лению признаков одаренности, обучения и развития одаренных людей. Свой неоценимый вклад в разработку данной проблемы внесли работы А. Бине, Дж. Гилфорда, Е. Торренса, В.Н. Дружинина, Н.С. Лейтеса, Д.Б. Богоявленской, А.М. Магюшкина и др. Раннее выявление, обучение и воспитание одаренных детей составляет одну из главных задач совершенствования системы образования. Многие зарубежные исследователи пришли к выводу о том, что потенциально одаренные дети составляют не 1–3%, а 15–30% от общей возрастной выборки, высокий уровень достижений которых обнаруживается лишь при соответствующем обучении. Обществу нужны люди с самыми разнообразными видами одаренности, и это разнообразие подготавливается, проявляется уже в детские годы. К юношескому возрасту эти особенности достигают своего расцвета. Юноши с незаурядным интеллектом отличаются от многих сверстников не столько по степени, сколько по своеобразию своих возможностей. Одаренные личности часто оказываются неудобными, требующими слишком много внимания, слишком отличающимися от остальных людей и потому часто бывают отвергаемыми — учителями, одноклассниками, сокурсниками, родителями. Может создаться впечатление, что одаренность — процесс аномальный и ему всегда сопутствуют различного рода трудности. Самосознание одаренных людей имеет ряд особенностей. Оно характеризуется высокими показателями самоуважения личности, самопонимания и, одновременно, высокими показателями самообвинения. Самоотношение одаренной личности признается исследователями как важнейшее условие реализации интеллектуального потенциала. Здесь существует множество точек зрения, которые в итоге сводятся к одной: выборка одаренных юношей неоднородна и особенности, присущие одной группе, нельзя распространять на всех (Колышко, 2004). Актуальность темы обусловлена все возрастающим интересом к выявлению и развитию одаренных детей, а также малой изученностью признаков одаренности в юношеском возрасте. Несмотря на имеющиеся многочисленные исследования в области психологии одаренности, очень малое количество из них посвящено исследованию особенностей одаренности в юношеском возрасте.

Гипотеза исследования: между среднестатистическими студентами и студентами с признаками одаренности существуют различия в личностных особенностях. На базе ГГУ имени Ф. Скорины было проведено исследование особенностей одаренной личности в юношеском возрасте при помощи опросника изучения самооценки творческого потенциала личности (Туник, 2002), методики изучения личностных креативных способностей (Туник, 2002) и тест-опросника самоотношения (Столин, Пантелеев, 1988). Выборка исследования составила 100 человек. Главным критерием подбора испытуемых являлась их активная творческая деятельность — участие в выступле-

ниях театральной студии университета, вокально-хореографической студии, постоянное участие в выставках и различных конкурсах. В результате применения критерия Стьюдента были выявлены различия особенностей личности у одаренных и неодаренных студентов (уровень значимости $\alpha = 0,05$) и, следовательно, гипотеза подтвердилась. Таким образом, было выявлено, что современная одаренная личность — это юноша, идущий на риск, с высоким уровнем любознательности, способный к решению задач повышенной сложности, активно использующий свое воображение. Он относится к себе положительно, одобряет свое поведение, уверен в своей интересности для самого себя, но сомневается в интересности для других. Итоговые данные свидетельствуют о том, что одаренная личность юношеского возраста имеет высокую положительную самооценку и достаточно сформированную, дифференцированную Я-концепцию. Научная новизна исследования заключается в уточнении и расширении имеющихся в психологии данных о личностных особенностях одаренной личности юношеского возраста, практическая — состоит в том, что данные исследования могут быть использованы педагогами-психологами, работающими в школах, учреждениях образования, социальных учреждениях с целью психопросвещения и консультирования родителей и педагогов, а также лучшего понимания личностных особенностей молодых людей, отличающихся по различным показателям от своих сверстников.

Данелия И.В.

Особенности ранней диагностики нервной анорексии

Патологические болезненные переживания, касающиеся внешности, являются наиболее характерными для подросткового периода. Это связано с повышенным вниманием к себе и мнению окружающих (Коркина и др., 1986). Недовольство чертами лица или фигуры — частое явление среди психически здоровых лиц, но эти мысли не занимают доминирующего положения в иерархии ценностей. В других случаях убежденность в наличии физического недостатка может носить характер дисморфомании (Коркина, 1984).

С дисморфоманией тесно связана нервная анорексия (НА). В данном случае на первое место выступают болезненные мысли об «излишней полноте» и стремление «похудеть любым путем». Клиническая картина НА складывается из сознательного отказа от пищи в связи со сверхценными убеждениями в чрезмерной полноте, повышенной двигательной активности, более или менее быстрого похудения и ряда вторичных соматических изменений (Ковалев, 1979). В настоящее время все больше возрастает заболеваемость НА среди девушек в возрасте 15–19 лет (Занозин, 2002; Lucas et al., 2013).

М.В. Коркина (1986) выделяет несколько этапов НА: инициальный, аноректический, кахектический, этап редукции. Диагноз НА чаще всего ставится больным, когда у них уже имеется выраженный дефицит массы тела. Это объясняется тщательной диссимуляцией отказа от пищи. В связи с тем, что проходит несколько лет с момента возникновения заболевания до обращения к врачу, мы считаем актуальной проблему изучения особенностей ранней диагностики НА.

Мы предположили, что инициальный период НА будет характеризоваться в первую очередь дисморфоманией, проявляющейся в патологическом недовольстве собственным телом и настойчивым стремлением коррекции недостатков, депрессивными проявлениями и низким уровнем волевой саморегуляции.

Нами было проведено эмпирическое исследование, которое носило комплексный характер и проводилось с использованием следующих методов: наблюдение, беседа, анкетирование, тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, шкала депрессии А. Бека (BDI) и статистический пакет STATISTICA 6.0. Анкета была составлена с учетом критериев диагностики НА, предложенных в МКБ-10 (проявления дисморфофобических и субдепрессивных переживаний, указаны различные способы борьбы с «лишним весом» и др.).

В исследовании принимали участие девушки подросткового возраста (14–17 лет), общее количество испытуемых составило 30 человек. В основную группу вошли девушки с дисморфоманией, а в контрольную группу — без ее проявлений (по 15 человек).

В ходе исследования нами учитывался индекс массы тела, но этот признак оказался неинформативным, так как у 53% респондентов с дисморфоманией он находился в пределах нормы, у 24% — превышал норму, у 23% — был незначительно снижен.

Изучая различия у лиц с выраженной дисморфоманией и без ее признаков с помощью критерия U Манна — Уитни, мы выяснили, что в первом случае значительно выше уровень недовольства собой ($p\text{-level} = 0,0009$), стремления к похудению ($p\text{-level} = 0,00006$) и субдепрессивных проявлений ($p\text{-level} = 0,00008$), но при этом уровень самообладания ($p\text{-level} = 0,00007$) и настойчивости ($p\text{-level} = 0,00007$) ниже, чем у лиц второй группы. Различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости.

Исследование методом ранговой корреляции Спирмена выявило значимую среднюю положительную связь между недовольством собой и депрессией ($r = 0,5$; $p\text{-level} = 0,01$), высокосignificantную сильную положительную связь между недовольством собой и стремлением похудеть ($r = 0,8$; $p\text{-level} = 0,0001$), а также высокосignificantную сильную отрицательную связь «настой-

чивость — стремление похудеть» ($r = -0,7$; $p\text{-level} = 0,00007$) и «настойчивость — депрессия» ($r = -0,8$; $p\text{-level} = 0,000006$).

Полученные результаты можно объяснить следующим образом: основной причиной депрессивных тенденций в инициальном периоде НА выступает недовольство собственным телом и низкий уровень настойчивости. Недостаточность волевой регуляции усиливает стремление похудеть любым способом. Таким образом, чем ниже у девушки уровень волевой регуляции, тем сильнее она стремится «корректировать» свою внешность.

Так, для инициального периода НА характерны не только проявления дисморфомании, субдепрессии, но и низкий уровень волевой саморегуляции (настойчивость, самообладание), использование различных способов снижения веса. Предложенные методы можно использовать для скрининга НА в подростковом возрасте и своевременной психологической коррекции.

Двойнин А.М.

К вопросу о кризисе в психологии: дискуссии в российской и зарубежной науке

Если посмотреть на состояние психологии, как его описывают современные российские методологи, то общий диагноз, который при этом вырисовывается, — кризис психологической науки. Симптомы кризиса указываются разные: разрыв психологической теории и практики, отсутствие единой объяснительной модели психической реальности и методологический «беспредел», легализация парапсихологии и проникновение в науку псевдонаучных знаний и мн. др. (Аллахвердов, 2005; Василюк, 1995; Гусельцева, 2006, 2011; Мазилев, 2006, 2007; Соколова, 2008; Хомская, 1997; Юревич, 1999, 2005 и мн. др.)

Картина глубокого системного кризиса мировой психологии, рисуемая российской психологической элитой, выглядит парадоксальной. С одной стороны, отечественные психологи берут на себя ответственность утверждать, что в кризисе находится мировая психология в целом, а с другой стороны, практически не ведут диалог по поводу данного предмета с зарубежными коллегами.

Существуют значимые различия между обсуждениями кризиса психологии в российской литературе и зарубежной. Во-первых, интенсивность, с которой в отечественной психологии, переживающей настоящий методологический «бум», обсуждается проблема кризиса, значительно выше, чем в зарубежной англоязычной психологии, где вопросы методологии сейчас явно не стоят во главе угла. Во-вторых, дискуссии о кризисе, ведущиеся в зарубежной психологии, лишены той остроты и эмоциональности, которые

характерны для отечественных дискуссий. В-третьих, в отличие от почти единодушных оценок состояния психологии как кризисного, даваемых российскими психологами, оценки иностранных коллег более вариативны и не столь однозначны.

Анализ работ зарубежных психологов показывает, что основные обсуждения общего кризиса в психологии идут по линии «единство — разобщенность» психологической науки. Основным индикатором кризиса, по мнению ученых, разделяющих данный диагноз, является фрагментация и отсутствие единства теорий, методологии, терминологии и т. п. (Bakan, 1996; Goertzen, 2008; Mos, 1996; Staats, 1983; Sternberg, 2005; Yanchar, Slife, 1997 и мн. др.). Сам кризис есть результат «сверхразвития» (Bakan, 1996), «неверного направления» развития психологии (Sarason, 1981). Ряд исследователей считают, что психология — заложница социокультурного кризиса, заключающегося во фрагментации человеческого общества, культуры в целом (Salzinger, 1996; Sarason, 1981).

Однако некоторые ученые обращают внимание, что сам термин «кризис» применительно к состоянию современной психологии не совсем удачен, так как означает острое состояние, а понятие «хронический кризис», по сути, — оксюморон (Gruber, Gruber, 1996; Goertzen, 2008; O'Connell, 1996). Д. О'Коннелл, несмотря на ряд проблемных аспектов современной психологии, считает диагноз кризиса антиисторическим, характеризуя нынешнее состояние психологии как «недомогание» (*malaise*) (O'Connell, 1996).

Другие исследователи (Bower, 1993; Dixon, 1983; Kelly, 1998; Neisser, 1995; Zittoun et al., 2008) полагают, что фрагментация психологии есть, по сути, ее здоровая дифференциация в процессе развития. Ощущения кризиса нет, а сама психология самодостаточна, социально отзывчива и находится в расцвете (McKenzie-Mohr, Oskamp, 1995; Stam, 2004; Ward, 2002). Г. Грубер и З. Грубер говорят: «Существует ли кризис внутри психологии? В стагнации ли она? Изолирована? Агонизирует? В целом, наш ответ — «нет» (Gruber, Gruber, 1996).

Как видим, зарубежные психологи не столь единодушны в оценке состояния современной психологии. Поэтому можно предположить, что острые дискуссии современных российских психологов о состоянии, конечных целях и путях развития психологии не случайны. Диагноз кризиса, который ставится российскими учеными, отражает не столько реальное положение дел в мировой психологической науке и практике, сколько их собственные переживания в связи с проблемами отечественной науки на фоне конкретно-исторических условий бытия нашего общества. Эти переживания есть проявления кризиса идентичности российских психологов. В самом общем виде кризис идентичности заключается в неясности представлений о том, кто мы,

российские психологии, сегодня. С какими мировоззренческими идеями и психологическими течениями следует себя отождествлять? К каким эталонам и ценностным ориентирам в науке и практике следует стремиться?

Таким образом, при обсуждении проблемы кризиса в психологии необходимо учитывать психологические особенности и социокультурные условия бытия конкретного профессионального сообщества.

*Двойнин А.М.
Знаменская И.И.*

Вера как когнитивный механизм морального выбора: теоретические гипотезы

Изучение механизмов морального выбора приобретает актуальность в связи с расширением в последнее время спектра исследований морального поведения. В соответствии с интуитивистской концепцией морали (см. подробнее в: Хаузер, 2008) моральные суждения генерируются автоматическими когнитивными процессами, и только после осуществления интуитивного выбора происходит его рациональное обоснование, то есть каждый человек сначала интуитивно решает, как поступит, как оценит тот или иной поступок, а трудность возникает именно на этапе рационального объяснения своего выбора. Таким образом, моральные суждения рассматриваются как *post hoc* обоснования бессознательного (интуитивного) морального выбора (Cushman, 2006).

Возникает вопрос о тех неосознаваемых механизмах, которые регулируют моральный выбор. Исследования веры как феномена психики, проведенные нами ранее (Двойнин, 2005, 2011, 2013, 2014), показали, что термин «вера» часто применяется для обозначения психологических феноменов, которые могут быть объяснены наличием у субъекта неосознаваемого когнитивного механизма, верифицирующего воспринимаемую им на уровне индивидуального сознания информацию. Можно предположить, что данный механизм является тем самым неосознаваемым регулятором морального выбора, который затем формулируется в моральном суждении.

Анализ проблемы веры показывает, что среди исследователей (Братусь, 1997; Платонов, 1972, 1982; Скрипкина, 2000; Угринович, 1986; Черняева, 2007; Fowler, 1995; Smith, 1977, 1998; Wulff, 1997 и мн. др.) нет согласия во взглядах на психологическую природу феномена веры, ее психологические особенности, следствием чего является теоретическая неопределенность данного феномена.

Однако все многообразие проявлений человека, описываемых термином «вера», можно обобщить в две группы психологических феноменов,

которые при всем своем внешнем сходстве с эмпирической точки зрения, с теоретической позиции следует рассматривать как различные по своей психологической природе.

1. Первая группа феноменов, традиционно обозначаемых как «вера», связана с когнитивными операциями установления истинности некоей информации, например, когда преподаватель сообщает студентам некоторую информацию, которую им предстоит «усвоить» как истину. Часто в рамках теоретического анализа подобных феноменов из философии заимствуется гносеологическое понимание веры (заложенное Платоном и развитое И. Кантом). Вера при этом определяется как признание истинности суждения при достаточном субъективном и недостаточном объективном основании.
2. Вторая группа феноменов, обозначаемых как «вера», — это феномены глубокой личностной убежденности в чем-либо, например, вера в идеи коммунизма, собственные силы при стремлении добиться поставленной цели, высшую справедливость или победу футбольной команды. Здесь главным признаком веры выступает смысловая вовлеченность человека: то, насколько предмет его веры наполняет его жизнь смыслом. Такая вера базируется на личностных смыслах и относительно автономна от какой-либо рациональной аргументации.

В качестве предположения выдвинем следующие утверждения. В случае установления истины той или иной информации (первая группа феноменов) верой называется некий когнитивный механизм сознания, который проверяет информацию на противоречивость, согласованность, обоснованность и т. д., — назовем его верификационным механизмом сознания (ср. с концепцией сознания В.М. Аллаhverдова (Аллаhverдов, 2000, 2003), где сознание рассматривается как логический аппарат принятия решений, составления гипотез об окружающем мире и их проверке). В основе второй группы феноменов лежит вера как особое внутреннее отношение человека к миру, наполняющее его жизнь смыслом, мобилизующее волю. Это уже не когнитивный механизм, а устойчивое психическое образование в форме отношения (см.: Мясищев, 2011).

Таким образом, в качестве теоретической гипотезы нами выдвигается следующее предположение. В ситуации морального выбора его условия подвергаются оценке верификационным механизмом сознания по различным когнитивным критериям (истинно — ложно, очевидно — неочевидно, разумно — неразумно и др.). Информация проверяется также на соответствие собственным установкам, убеждениям и т. п. Данная психическая «работа» осуществляется без контроля сознания, и именно на ее основе человек осуществляет интуитивный моральный выбор, который в дальнейшем рационально им обосновывается.

Доценко А.С.
Камнева Е.В.
Анненкова Н.В.

Взаимосвязь отношения к деньгам и профессионального выгорания госслужащих

Деньги как социальное явление изучаются многими общественными науками, в том числе и психологией. По мнению психологов, поведение и установки по отношению к деньгам являются неотъемлемой частью личности в целом. В исследованиях выделяются психологические характеристики денежно удовлетворенных людей, которым свойственны контроль своих финансов, умение распоряжаться деньгами, отсутствие долгов и наличие сбережений, внутренний локус контроля и меньшая подверженность стрессу, и неудовлетворенных, характеризующихся внешним локусом контроля, частым наличием стрессовых ситуаций, позволяющих деньгам управлять своим поведением. Деньги могут сосредоточивать на себе страхи, фантазии, желания, а также стать объектом искажения, вытеснения, защиты (Фенько, 2000; Семенов, 2011; Камнева и др., 2013).

Профессиональное выгорание является симптомом, который рассматривается в аспекте профессиональных стрессов, оказывающих негативное влияние на самочувствие, работоспособность, самовосприятие и отношение субъекта к профессиональной деятельности (Водопьянова, Старченкова, 2008; Камнева и др., 2014). В модели К. Маслач выгорание включает в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию, уменьшение личных достижений (Maslach et al., 1996). Симптомы выгорания проявляются через снижение трудовой мотивации, резко возрастающую неудовлетворенность работой, конфликты в профессиональном коллективе, хроническую усталость, скуку, истощение, раздражительность, нервозность, беспокойство, дистанцирование от клиентов и коллег, опоздания и др. В синдром выгорания входит ряд симптомов, тем не менее они все не проявляются одновременно, имеются индивидуальные вариации, потому что выгорание — это индивидуальная реакция. Наибольшее влияние на развитие выгорания оказывают личностные особенности. В работах, посвященных выгоранию, отмечается, что такой личностный конструкт, как экстраверсия, то есть свойство, определяющееся через высокую внешнюю реактивность и низкую интрапсихическую активность, отражающее обращенность личности к реальной атрибутике окружающего мира, является наиболее важным предиктором для показателей профессионального выгорания. Сильнее выгорают сотрудники, имеющие интровертированный характер, особенности которого не согласуются с профессиональными тре-

бованиями коммуникативных профессий (Лебедев и др., 2012; Камнева и др., 2013).

Целью исследования стало выявление взаимосвязи профессионального выгорания и отношения к деньгам. В исследовании приняли участие 48 респондентов, занятых в госслужбе. В исследовании применялись: опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач и С. Джексона, адаптированный Н.Е. Водопьяновой, и опросник для изучения отношения к деньгам М.Ю. Семенова. Анализ результатов проведенного исследования показал, что профессиональное выгорание в той или иной степени присутствует у всех респондентов. Наиболее сформирована деперсонализация: у 66,6% испытуемых выявлен очень высокий и высокий уровень, у 42% — очень высокий и высокий уровень эмоционального истощения, наименее деформировалась профессиональная успешность (4%). Анализируя полученные результаты по опроснику для изучения отношения к деньгам, следует отметить, что значительной части респондентов характерно адекватное и рациональное отношение к деньгам (83 % респондентов), пренебрежительное и иррациональное отношение присуще лишь 17 % испытуемых. Переоценивание значимости денег присуще 17% респондентов, мотив экономии отсутствует также у 17% испытуемых, которым свойственно зачастую недооценивание значимости денег. Часто тревожатся из-за денег 9% респондентов, 33% — спокойны в финансовом плане. Негативное отношение к деньгам испытывают 9% респондентов, 17% — с деньгами связывают нейтральные или положительные эмоции. 25% испытуемым деньги дают ощущение свободы, они используют деньги как лекарство от скуки, для 9% — деньги редко находятся в центре внимания. Проведенный корреляционный анализ полученных результатов показал наличие взаимосвязей отношения к деньгам и компонентов выгорания. Позитивное и рациональное отношение к деньгам имеет взаимосвязь с редукцией личных достижений ($r = 0,68$, $p \leq 0,01$) и обратно пропорциональную зависимость с эмоциональным истощением ($r = -0,66$, $p \leq 0,01$). Следовательно, ощущению эмоционального перенапряжения и понижению ощущения компетентности в работе более подвержены респонденты, иррационально относящиеся к деньгам.

Евграфова Е.М.

Психологические факторы, влияющие на отношение к беременности у беременных женщин

Среди различных характеристик, влияющих на психофизиологическое развитие плода, важнейшую роль играет отношение к нему матери (Захаров, 1998; Мещерякова, 2000; Бертин, 2003; Добряков, 2010 и др.). Изучение отно-

шения матери к плоду является важным также в связи с тем, что оно, как правило, сохраняется после рождения ребенка (Захаров, 1998; Мещерякова, 2000 и др.). В связи с этим практически значимым является изучение факторов, детерминирующих отношение женщины к беременности и ребенку в период беременности. Однако можно отметить, что эти факторы к настоящему времени недостаточно изучены.

Целью нашего исследования является изучение влияния таких факторов, как отношения с супругом, отношения с родителями в детстве, профессиональная самореализация на отношение к беременности и ребенку у беременных женщин. В исследовании приняли участие 40 беременных женщин со сроком беременности от 17 до 33 недели. В работе использовались методы прикладной статистики (анализ средних, корреляционный анализ) и эмпирические психологические методы (стандартизованные и проективные): анкета; для определения отношения к беременности и ребенку — «Тест отношений беременной» (ТОБ) (И.В. Добряков), методика изучения установок на воспитание PARI (Е. Шеффер и Р. Белла), «Цветовой тест отношений» (ЦТО), методика «Рисунок семьи»; для изучения семейных отношений — методика «Рисунок семьи», ЦТО, тест РОП (А.Н. Волкова); для изучения отношений с родителями — тест ООРО (модификация Е.В. Романовой методики А.Я. Варга, В.В. Столина), ЦТО; для изучения отношения к профессиональной самореализации — методика «Факторы профессионального развития» (FPR).

При анализе средних значений было выявлено, что у большинства испытуемых проявляется оптимальный тип отношения к беременности. По методике ЦТО выявлена высокая значимость ребенка для будущих мам. Отношения с родителями в детстве оценивались преимущественно позитивно. Уровень эмоционального контакта с партнером у беременных женщин — высокий, хотя значимость супруга — средняя. Уровень профессионального развития и самореализации находится в области средних значений. Корреляционный анализ показал, что принятие женщины в детстве со стороны родителей положительно связано с формированием оптимального типа отношения к беременности и отрицательно — с тревожным типом, тогда как при восприятии отношения родителей в детстве к ней как неудачнику, неуспешной и неприспособленной характерны обратные связи — более низкий уровень оптимального типа и более высокий — тревожного. Авторитаризм со стороны родителей в детстве положительно связан с установками блока излишней дистанции с ребенком и блока излишней концентрации на ребенке. Отношения с супругом оказались отрицательно связаны с установками на излишнюю концентрацию на ребенке, т. е. при нарушенных отношениях с супругом женщина переключается на ребенка. При эмоцио-

нально близких отношениях с супругом наблюдается высокая значимость понятия «материнство». При восприятии отношений в семье как тревожных и конфликтных выявляется низкая значимость ребенка. Общий показатель профессионального развития положительно связан с эйфорическим переживанием беременности и отрицательно — с тревожным и депрессивным. При высокой удовлетворенности профессиональной деятельностью отмечается меньшая выраженность тревожного типа отношения к беременности и меньшая выраженность установок излишней концентрации на ребенке. Женщины, отмечающие свою реализованность в профессии, реже демонстрируют игнорирующий (гипогестогнозический) тип, но при этом у них более выражен эйфорический тип переживания беременности.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о большом значении опыта отношений с родителями в детстве, отношений с супругом в настоящее время и степени профессионального развития и самореализованности. Эти данные согласуются с данными зарубежных исследований, демонстрирующих связь привязанности к родителям и пренатальной привязанности у женщин. О значимости поддержки со стороны супруга для беременных женщин пишут многие перинатальные психологи-практики, что подтвердилось и в нашем исследовании. Роль фактора профессионального развития в меньшей степени исследована, и наши данные свидетельствуют о его позитивном влиянии на формирование отношения к беременности и ребенку у беременных женщин.

Ерицяя К.Ю.

Стигматизация глазами людей, живущих с ВИЧ

Предубеждения и негативные установки по отношению к членам какой-либо социальной группы являются одним из важнейших объектов изучения социальной психологии уже около сотни лет. Для их описания по отношению к людям с различными заболеваниями часто используется понятие «стигматизация», которое в целом может рассматриваться как содержательный эквивалент вышеперечисленных понятий (Phelan et al., 2008).

Одним из наиболее высоко стигматизированных сегодня в российском обществе заболеваний является ВИЧ-инфекция. Опросы общественного мнения показывают, что значительная часть россиян имеют негативные установки и заявляют о готовности к дискриминации людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ) (ВЦИОМ, 2014; ФОМ, 2012). С позиций социальной психологии особый интерес представляет то, как ЛЖВ воспринимают отношение к себе со стороны общества, ведь именно восприятие этого отношения будет оказывать влияние на поведение и характеристики социальной адаптации ЛЖВ.

В 2014 году было проведено опросное исследование, охватившее 482 ВИЧ-инфицированных пациента, проживающих в Ленинградской области. Восприятие отношения к ЛЖВ оценивалось с помощью шкалы воспринимаемой стигмы в связи с ВИЧ, значение которой могло варьироваться от 0 (воспринимаемое отсутствие негативных установок к ЛЖВ) до 100 (максимальное воспринимаемое отвержение ЛЖВ) (Visser et al., 2008). Статистическая обработка осуществлялась с использованием программы SPSS 20.0 и заключалась в расчете процентных распределений, мер центральной тенденции и оценке взаимосвязей с помощью критериев χ^2 , U Манна — Уитни и коэффициента корреляции r Спирмена. Предполагалось, что восприятие ВИЧ-позитивными людьми распространенности в обществе негативных установок к людям с данным заболеванием будет зависеть от их социально-групповой принадлежности и может меняться по мере увеличения стажа жизни с ВИЧ-инфекцией.

Исследование показало, что ЛЖВ воспринимают отношение общества к себе как крайне негативное: среднее значение по шкале воспринимаемой стигмы — 75,2 ($\sigma = 28,4$). При этом распределение не имеет характеристик нормального и смещено вправо: значение моды (M_0) составляет 100 баллов, немногим менее половины опрошенных (39,7%) оценивают отношение общества к ЛЖВ как максимально негативное. Склонны оценивать стигматизацию ЛЖВ как относительно невысокую (≤ 30 баллов из 100) лишь восьмая часть опрошенных (12,4%). Статистический анализ не выявил связи субъективно воспринимаемого ЛЖВ негативного отношения к ним общества ни с их половозрастными характеристиками, ни с принадлежностью к социально неодобряемым группам риска по ВИЧ-инфекции (например, наркопотребители), ни с уровнем интеграции в сообщество ВИЧ-позитивных и стажем жизни с ВИЧ-инфекцией. Наиболее высокая воспринимаемая стигматизация была характерна для лиц с более низкими уровнем образования ($p \leq 0,05$) и уровнем дохода ($p \leq 0,01$), нетрудоустроенных ($p \leq 0,01$), сталкивавшихся в последний месяц с нехваткой средств на предметы первой необходимости ($p \leq 0,001$). Кроме того, мужчины — ЛЖВ, характеризующие себя как непринужденные к какой-либо религии, склонны воспринимать отношение к себе общества более негативно (для женщин подобной связи не наблюдается). В итоговой регрессионной модели ($r^2 = 0,63$) значимыми остались такие факторы, как уровень дохода, проявления бедности (отсутствие средств на предметы первой необходимости) и религиозность.

Таким образом, можно заключить, что более высокий социальный статус оказывает для ЛЖВ протективное воздействие, защищая их от негативного отношения общества. Схожим образом воздействует принадлежность к религиозному сообществу. В то же время в связи с общим невысоким

уровнем влияния на воспринимаемый уровень стигматизации социально-групповых характеристик факторы воспринимаемой стигматизации ЛЖВ следует искать скорее на уровне особенностей их индивидуального опыта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12–06–91447-НИЗ_а и национальных институтов здоровья США (проект № 3R01MH078756–05S1 REVISED).

Жукова М.А.

Корнилов С.А.

Языковое развитие детей раннего возраста в условиях дома ребенка

В отечественной психологии существует большое количество исследований, посвященных вопросам речевого развития детей, однако формулировка «языковое развитие» встречается крайне редко (Ушакова, 2009). Отчасти это связано с тем, что в отечественных исследованиях понятия «язык» и «речь» часто используются как синонимы. В то же время в мировой научной литературе и клинической практике понятия «язык» (как когнитивная система репрезентаций и правил оперирования ими) и «речь» (как физическая манифестация языка в коммуникативных и иных контекстах) четко разграничиваются. Проведенный нами обзор литературы выявил практически полное отсутствие эмпирических исследований развития русского языка у детей, воспитывающихся как в семьях, так и в домах ребенка. Имеются данные, свидетельствующие о важном участии матери в формировании у ребенка фонетического и лексико-грамматического слоев языковой компетенции (Устинова, 2009; Александрова, 2010). Это связано с тем, что при общении с ребенком речь матери (т. н. *motherese*) имеет ряд отличительных характеристик: повышение частоты основного тона; использование повторов; утрированность интонационного контура; удлинение пауз между высказываниями; постоянная обратная связь. Отмечается, что чувствительные матери строят общение с ребенком по принципу диалога задолго до появления у младенца осмысленной речи (Артамонова, Мухамедрахимов, 2007). Однако дети, воспитывающиеся в домах ребенка, имеют иной опыт взаимодействия со взрослыми. В ряде исследований показано, что нахождение ребенка в условиях депривации оказывает негативное влияние на его эмоциональное и когнитивное развитие (Мухамедрахимов, 2007).

Настоящее исследование посвящено изучению языкового развития детей от 2 до 4 лет, воспитывающихся в домах ребенка г. Санкт-Петербурга. Дизайн исследования предполагает сравнение особенностей языкового развития детей, воспитывающихся в домах ребенка и в биологических семьях. Согласно нашей гипотезе языковое развитие детей в условиях депривации

будет количественно (например, в контексте снижения роста словарного запаса) и качественно (например, в контексте организации нейрональных ансамблей, поддерживающих обработку лингвистической информации) отличаться от сверстников, проживающих в биологических семьях. Оценка развития русского языка будет проводиться с помощью методики ОРРЯ (Kornilov et al., 2012), состоящей из 7 субтестов, которые позволяют оценить границы пассивных и активных знаний ребенка в различных языковых областях. Методика построена по принципу тестов множественного выбора. Также нами будет использована методика McArthur CDI (Fenson et al., 1994), которая предоставляет информацию о коммуникативных навыках ребенка, основываясь на отчете родителя или воспитателя. Наряду с вышеописанными методами в исследовании будет проведено сравнение групп детей по психофизиологическим показателям. Для этого будут использованы метод регистрации ЭЭГ и вызванных потенциалов при предъявлении лингвистических стимулов (в кросс-модальной парадигме, позволяющей оценить такой вызванный потенциал, как N400). Исследование проводится в рамках научного проекта «Влияние ранней депривации на био-поведенческие показатели развития ребенка», поддержанного грантом Правительства РФ №14.Z50.31.0027.

Звягин И.М.

Динамика акцентуаций и их влияние на социометрический статус подростка

Выявление динамики личностных и характерологических особенностей в подростковом возрасте и влияния этих факторов на статус подростка в группе сверстников является актуальной задачей педагогической и психолого-педагогической практики (Коробкина, 2014). Будучи сосредоточенным на динамике своего психологического склада, подросток стремится проявить эти особенности и проявить их в социальной среде (Неймарк, 1975). С точки зрения клинико-психологического подхода, акцентуированные состояния рассматриваются как крайний вариант нормы (Личко, 1977). П.Б. Ганнушкин ввел ряд понятий, отражающих динамику психопатий, ключевыми среди них являются понятия «компенсация» и «декомпенсация» (Ганнушкин, 1933). Декомпенсации возникают в результате срыва компенсирующих воздействий. В подростковом возрасте это связано с тем, что компенсаторные механизмы еще недостаточно сформированы.

Цель данного исследования — определить динамические аспекты акцентуированных состояний, влияющие на социометрический статус подростков в группе сверстников. В исследовании участвовало 89 подростков двух

возрастных групп — от 11 до 12 лет, от 14 до 15 лет. Из них в первой группе мальчиков — 21, девочек — 28, во второй группе мальчиков — 19, девочек — 21. Выборка набиралась в МОУ СОШ №10 г. Курска среди учащихся 4-х и 9-х классов. Для достижения поставленной цели был использован следующий диагностический инструментарий: опросник характерологических особенностей К. Леонгарда — Г. Шмишека, тест межличностных отношений Т. Лири, социометрический тест Дж. Морено, методика диагностики самооценки Т.В. Дембо — С.Я. Рубинштейн. Для анализа полученных эмпирических данных были использованы следующие статистические методы: меры центральной тенденции и факторный анализ.

Таким образом, в результате факторного анализа психологических особенностей учебных групп школьников были выделены следующие факторы. Факторы для возрастной группы 11–12 лет: 1. Отстраненные с переоценкой. 2. Демонстративные со стремлением к адаптации. 3. Неадаптированные с чувством недовольства собой. 4. Неуравновешенные с агрессивными реакциями. 5. Адаптированные с переоценкой. Факторы для возрастной группы 14–15 лет: 1. Неадаптивные с переоценкой. 2. Тотально контролирующие с переоценкой. 3. Гиперконтролирующие с острыми реакциями. 4. Адаптированные с позитивной установкой. 5. Адаптирующиеся с конформной установкой.

В результате сравнения двух групп были сделаны следующие выводы (в скобках указывается факторная нагрузка переменной): 1. Для 1-й возрастной группы (11–12 лет) характерна переоценка (самооценка (,891)) своих возможностей, недовольство, раздражительность, агрессия (возбудимость (,830); агрессивный (,622)) по отношению к другим и самому себе. Склонны к крайним проявлениям в поведении: демонстративность (,501), агрессия, отстраненность. Даже адаптивный вариант связан с переоценкой возможностей. 2. Для 2-й возрастной группы (14–15 лет) переоценка характерна для неадаптивных вариантов. Адаптивные варианты характеризуются наличием позитивной установки, когда адаптация наступила и внутреннего конфликта нет (дружелюбный (,349); уровень притязаний (,881)), либо установкой конформизма (подчиняемый (,543); зависимый (,862)). 3. Можно отметить сходство между фактором 1-й группы «Неуравновешенные с агрессивными реакциями» (возбудимость (,830); неуравновешенность (,676); агрессивный (,622)) и фактором 2-й группы «Гиперконтролирующие с острыми реакциями» (возбудимость (,581); неуравновешенность (–,463); самооценка (,816)). Для них характерны острые, агрессивные реакции, при этом у возрастной группы 11–12 лет эти тенденции сочетаются с неуравновешенностью, т. е. потерей контроля, а у возрастной группы 14–15 лет — с гиперконтролем. 4. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что с возрастом черты

сглаживаются, снижается декомпенсаторное влияние, которое дезадаптирует подростка в группе. Это открывает для него менее радикальные способы адаптации, чем отстранение, демонстративное поведение, агрессия. Например, как конформное поведение, авторитарный контроль (тенденция к лидерству) и даже позитивная адаптация. Выявлена следующая закономерность: при взрослении и сглаживании характерологических черт происходит увеличение адаптивных возможностей, что способствует групповым предпочтениям и является проявлением конформизма у подростков.

Зинченко О.О.

Принятие решения в ситуации неопределенности больных с опухолями головного мозга

Процесс принятия решения в ситуации неопределенности в последние десятилетия является предметом научного изучения психологов как исследовательская задача, позволяющая оценить особенности мышления в динамике. Актуальной выступает также проблема оценки роли регуляторных функций, их общего вклада с эмоциональным компонентом в процесс принятия решения.

В исследовании принимали участие здоровые участники и пациенты НИИ нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко РАМН с конвексительными опухолями больших полушарий головного мозга. Согласно гипотезе предполагалось, что на выборке пациентов с лобными поражениями будет обнаружено специфическое сочетание когнитивных и эмоциональных нарушений, отличающееся от характеристик пациентов с поражениями задних отделов головного мозга, а также участников выборки нормы. Размеры выборки больных с локальными поражениями головного мозга: 23 человека, возраст от 18 до 58 лет — 13 мужчин, 10 женщин (16 больных с поражениями лобных отделов — 10 мужчин, 6 женщин, 7 — височных, теменных, затылочных отделов, 3 мужчин, 4 женщины), выборки нормы — 15 человек (9 мужчин, 6 женщин), возраст — от 18 до 54 лет. Исследование процесса принятия решения проводилось с помощью методики игровой задачи / Iowa Gambling Task. Данная методика является моделью принятия решения в ситуации неопределенности (Bechara, Damasio et al., 1994, 2005). Оценка эмоционального интеллекта у больных проводилась с помощью секций А и Е «оценка и идентификация эмоций», В и F «использование эмоций в мышлении и деятельности» теста MSCEIT V2.0. Исследование когнитивных функций выполнено с помощью Висконсинского теста сортировки карточек и Словесно-цветового интерференционного теста из батареи D-KEFS CWIT.

Выполнение игровой задачи значимо различается у групп нормы и патологии ($M = 29,733$, $SD = 23,66$; $M = 8,5217$, $SD = 13,76$, $p < 0,001$). Существуют различия средних у групп нормы и больных с поражениями задних отделов мозга ($M = 29,73$, $SD = 23,66$; $M = 3,7$, $SD = 13,38$) и групп нормы и больных с поражениями передних отделов ($M = 29,73$, $SD = 23,66$; $M = 10,62$, $SD = 13,81$). Продуктивность выполнения игровой задачи имеет различия и между группами больных с поражениями передних и задних отделов головного мозга ($M = 10,625$, $SD = 13,81$, $M = 3,71$, $SD = 13,38$, $p < 0,05$). Обнаружена связь на выборке пациентов с патологиями между интегральным показателем успешности в игровой задаче и секциями теста на эмоциональный интеллект ($\rho = 0,154$; $\rho = 0,683$, $p < 0,05$). На подгруппе больных с поражениями лобных отделов связь с секциями А и Е присутствует как тенденция ($\rho = 0,210$), а с секциями В и F — как стойкая положительная корреляция ($\rho = 0,662$, $p < 0,05$). Выявлена тенденция к положительной корреляции параметра использования прошлого опыта для построения стратегии по Висконсинскому тесту и продуктивности в игровой задаче на выборке больных с лобными поражениями ($r = 0,271$), в то время как тенденции к корреляции результатов когнитивных методик и игровой задачи у больных с поражениями задних отделов отрицательные (WSCT, $r = -0,356$, Stroop test, $r = -0,280$, $p < 0,01$). На выборке нормы показано наличие тенденции к положительной корреляции продуктивности в игровой задаче и параметров когнитивных методик (WSCT, $r = 0,122$, Stroop test $r = 0,225$) и положительной корреляции с секциями В и F MSCEIT V2.0 ($\rho = 0,420$).

Анализ имеющихся данных позволяет предположить, что у больных с поражениями задних отделов мозга может наблюдаться специфическое влияние когнитивной переработки на продуктивность решения игровой задачи — дополнительное вовлечение рационального анализа поступающей информации может подавлять реакции на эмоциональные сигналы «предвосхищения», в связи с чем экспериментально обнаруживается ухудшение их результатов по сравнению с выборкой нормы. У больных же с поражениями передних отделов мозга, чьи результаты также ниже результатов выборки нормы, может быть выражен и дефицит когнитивной регуляции в рамках сниженной способности планировать действия на основе прошлого опыта и нарушенной антиципации соматических маркеров вследствие первичного поражения мозговых областей, отвечающих за обработку подобной информации. Таким образом, результаты позволяют квалифицировать особенности принятия решения в ситуации неопределенности у групп больных с мозговой патологией различной локализации.

Знаменская И.И.

Развитие нравственного отношения человека к «чужим»: системно-эволюционный подход

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (грант №14–28–00229). Актуальной психологической проблемой являются особенности взаимодействия людей со «своими» и «чужими», то есть с членами интруппы и аутгрупп. Противопоставление «своих» и «чужих», категорий «мы» и «они» является базовым, фило- и онтогенетически ранним, а следовательно, характеризующим актуализацию систем сравнительно низкой дифференциации (Поршнева, 1979; Cohen et al., 2006; Hamlin et al., 2009). С позиций системно-эволюционного подхода структура отражает историю ее становления, и для того чтобы понять явление, необходимо изучать его в развитии (Анохин, 1968; Швырков, 2006; Пономарев, 1983; Александров, 2005 и др.). Поэтому важно исследовать динамику становления нравственного поведения по отношению к «чужим», начиная с раннего возраста и на протяжении дальнейшего индивидуального развития.

С помощью авторской методики «Моральные дилеммы «свой–чужой»» (Созинова и др., 2013) исследовалась динамика нравственного отношения детей 3–11 лет ($N = 176$), живущих в городе и селе, к «чужим» — представителям других биологических видов. Конфликт в дилеммах заключается в столкновении представителей «своей» и «чужой» группы из-за ресурса, который «своему» необходим для получения выгоды, а «чужому» — жизненно важен. Таким образом, возникает противоречие между интересами «своей» группы и необходимостью помочь «чужому», руководствуясь высшими нравственными ценностями. В исследовании с участием детей, живущих в Москве (см. Созинова и др., 2013, Знаменская и др., 2013), нами было выявлено, что к 5–6 годам дети уже начинают поддерживать «жертв»-животных в дилеммах, но стратегия поддержки инопланетян формируется значительно позднее, к 10–11 годам. В исследовании с участием детей, живущих в селе, была выявлена та же динамика формирования стратегий при решении моральных дилемм. Обнаружены достоверные различия между группами 3–4 и 5–6 лет в дилеммах «Собаки» и «Белки» ($p < 0,05$): в 3–4 года нет преобладания стратегии поддержки «своих» или «жертв», а в 5–6 лет наблюдается существенный перевес в сторону стратегии поддержки «жертв». По дилемме «Инопланетяне» таких различий не обнаружено, более того, преобладание стратегии поддержки «жертв» наблюдается только в группах 7–9 лет и 10–11 лет, причем доля этой стратегии нарастает с возрастом. Внутри всех возрастных групп обнаружены достоверные различия в распределениях стратегий ($p < 0,05$) между дилеммами «Инопланетяне» и «Белки», «Инопла-

нетяне» и «Собаки», причем в группе 7–9 лет уровень достоверности достигает $p < 0,01$. Предполагаемые различия между выбором стратегий у городских и сельских детей обнаружены только по дилемме «Собаки»: городские дети уже в 3–4 года чаще предпочитают стратегию поддержки собак, нежели человека-агрессора, у сельских такое преобладание появляется только в группе 5–6 лет; различия достоверны на уровне тенденции ($p < 0,07$).

Таким образом, у городских и сельских детей наблюдается сходная динамика формирования нравственного отношения к «чужим»: от предпочтения «своих» в 3–4 года — к реализации стратегии поддержки жертвы. С помощью модифицированной методики с моральными дилеммами нами также была проведена первая серия эксперимента с участием взрослых в нормальном состоянии и при кратковременном стрессе ($N = 26$, 20–46 лет, $M = 28$ лет). Выявлено, что в экспериментальной группе (со стрессом) значимо чаще (хи-квадрат = 5,735, $p < 0,05$), чем в группе без стресса, актуализируется стратегия поддержки агрессора-человека («своего»). В дилемме «Инопланетяне» различия между группами достигают уровня достоверности ($p < 0,01$). Она является наиболее абстрактной из шести предлагаемых дилемм: в остальных дилеммах описываются ситуации взаимодействия с дикими и домашними животными, которые могли иметь место в субъективном опыте испытуемых. В экспериментах, проведенных с участием детей, дилемма «Инопланетяне» также была показательной: если преобладание стратегии поддержки «жертвы» в дилеммах о животных наблюдалось уже у детей 5–6 лет, то в дилемме об инопланетянах такое преобладание появлялось только к 10–11 годам и не было столь явным. Отсюда можно сделать вывод о том, что в реализацию нравственного поведения к членам наиболее чуждой «биосферной» аутгруппы вовлекаются более поздно сформированные (соответственно, более дифференцированные) системы.

Иляшевская Д.Д.

Проблема профессионального выбора и удовлетворенность жизнью у подростков

Выбор профессии — важный шаг в жизни человека, сложный и ответственный. Проблема профессионального самоопределения в разной степени освещена в работах отечественных (И.С. Кон, Л.И. Божович, К.А. Абульханова-Славская, Е.А. Климов и др.) и зарубежных исследователей (Д. Сьюпер, А. Маслоу, В. Франкл и др.). Большинство авторов определяют профессиональное самоопределение как сложный и многомерный процесс. Они не противоречат друг другу в том, что сделать социально и глубоко личностный выбор в профессиональном самоопределении — непростая задача.

Во-первых, это серия задач, которые общество ставит перед формирующейся личностью и которые она должна разрешить за определённый ограниченный период времени. Во-вторых, это процесс формирования собственного индивидуального стиля жизни, частью которого является профессиональная деятельность. В-третьих, на профессиональное самоопределение влияет много факторов, что делает выбор будущей профессии старшеклассником ещё сложнее.

Успешное профессиональное самоопределение повышает удовлетворённость жизнью, которая активно изучается в России и за рубежом (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, И.А. Джидарьян, М. Аргайл, Ф. Герцберг). Удовлетворенность жизнью, в свою очередь, тесно связана с повышением самооценки, самопринятия, уверенности в себе и с расширением позитивных отношений с другими людьми. Подобные исследования не теряют своей актуальности в связи с постоянным движением жизни общества, социально-экономическими изменениями, достижениями в различных сферах науки и техники, которые позволяют разрабатывать и внедрять новые технологии психологической помощи подросткам в процессе профессионального самоопределения.

Эмпирическое изучение связи удовлетворённости жизнью у старшеклассников и уровня их профессионального самоопределения проводилось на базе ДОЛ «Оранжевая Планета». Испытуемыми стали учащиеся 8–11 классов в возрасте от 13 до 17 лет. Тестирование испытуемых проводилось на основе методик, изучающих уровень удовлетворённости жизнью (Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и модификация методики Т.В. Дембо — С.Я. Рубинштейн), сформированность профессионального плана (анкета оптанта) и готовность к выбору профессии (методика «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской). По данным, полученным в результате анализа методик, можно сделать вывод о том, что в целом у старшеклассников частично сформирован профессиональный план: сформированы основные интересы, но не определена будущая желаемая профессия и не намечены пути её получения. Удовлетворённость жизнью в целом — среднего уровня, отмечается высокий уровень притязаний в сферах «внешний вид», «жизненные перспективы», «любовь» и «отношения с родителями».

Чтобы отследить микровозрастные особенности взаимосвязи параметров профессионального самоопределения и удовлетворенности жизнью у подростков старших классов, выборка была разделена на 2 подгруппы. В первую вошли респонденты 13–14 лет (учащиеся 8–9 классов), во вторую — учащиеся 15–17 лет (10–11 классы). Исследование показало, что у подростков 13–14 лет удовлетворённость жизнью по шкалам Э. Динера коррелирует

с уровнем сформированности профессиональной готовности по шкалам «принятие решений» и «планирование». Т. е. наблюдается связь между удовлетворённостью жизнью и умением планировать этапы выбора будущей профессии, развития в ней и способностью принимать решения, основанные на внутренних установках, и отвечать за их последствия. Для группы 15–17 лет такой связи не обнаружено. В группе старших подростков обнаружена большая удовлетворённость сферами жизни, связанными с учёбой. Возможно, у старших подростков связи параметров готовности к выбору профессии и удовлетворенности жизнью распадаются вследствие того, что удовлетворенность жизнью уже зависит в большей мере от таких факторов, как решение ближайших задач, связанных непосредственно с текущей учебной успешностью. Об этом свидетельствует то, что в этой группе респондентов выявлены показатели высокой удовлетворенности сферами жизни, связанными с учёбой. Таким образом, исследование показало неоднозначность проявления удовлетворенности своей жизнью у подростков разных возрастных групп. Однако можно сделать вывод, что при профессиональном консультировании младших подростков стоит делать упор на формировании базовых умений планирования и решения задач, а в старшем подростковом возрасте более продуктивно определение конкретных шагов в выборе профессии, что может положительно повлиять на успешность принятия решения о профессиональном выборе.

Карпова В.В.

Дикая Л.А.

Функциональная организация коры мозга у художников в процессе творчества

Изучение мозговой организации творческой активности находится сегодня на пике интереса психофизиологов (Дикая, Карпова, 2013; Нагорнова, Шемякина, 2014; Bowden, Jung-Beeman, 2007; Fink, Benedek, 2014).

Понимание мозговых механизмов художественного творчества может способствовать развитию гармоничной личности профессионала, предотвращению быстрого профессионального выгорания, даст возможность проводить психофизиологическую диагностику с целью профориентации.

Целью настоящего исследования стало изучение функциональной организации коры мозга у художников на разных этапах творческого процесса.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что различия в функциональной организации коры мозга у художников на этапах творческого процесса могут быть обусловлены уровнем их профессиональной подготовки.

В исследовании приняли участие 60 человек, которые в зависимости от уровня профессиональной подготовки были разделены на две группы: художники и нехудожники.

Для моделирования художественной творческой деятельности использовалась техника монотипии. Техника заключается в формировании композиции из случайного отпечатка краски на бумаге.

Участникам исследования предлагалось мысленно в одной из предложенных монотипий создать художественный образ, продумать детали будущей композиции.

При выполнении творческого задания регистрировали ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи энцефалографа в 21 отведении, расположенном по стандартной системе 10–20. Была использована монополярная схема с референтными ушными электродами.

Показатели ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии с открытыми глазами и на разных этапах решения невербальной творческой задачи:

- 1) на этапе подготовки (просмотра монотипий);
- 2) на этапе фрустрации;
- 3) на этапе инсайтного решения, непосредственно перед его осознанием;
- 4) на этапе проверки найденного решения.

Анализировались отрезки ЭЭГ длительностью 10 секунд, не имеющие артефактов. Рассматривались когерентные связи биопотенциалов коры мозга между отведениями в диапазонах частот: дельта (0,5–4 Гц), тета (4–8 Гц), альфа1 (8,0–10,5 Гц), альфа2 (10,5–13,0 Гц), бета1 (13–24 Гц) и бета2 (24–35 Гц).

Для статистической обработки данных применялся многофакторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA и сравнительный post hoc анализ по критерию Фишера. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 6.0.

Достоверные различия во взаимодействии факторов Группа (художники, нехудожники) × Этап решения задачи (спокойное состояние, этап подготовки, этап фрустрации, этап инсайтного решения, этап проверки найденного решения) × Вид когерентной связи (12 видов) были обнаружены во всех анализируемых частотных диапазонах.

На этапе спокойного бодрствования у художников сила когерентности достоверно выше в коротких передних внутриполушарных связях ($p \leq 0,05$) в тета, бета1, бета2 диапазонах. На этапе просмотра монотипий у художников уровень когерентности в межполушарных передних связях ($p \leq 0,01$) достоверно ниже группы нехудожников в альфа2 диапазоне. Высокий уровень когерентности у художников наблюдается в длинных внутриполушар-

ных связях левого полушария и в симметричных взаимодействиях в дельта, тета, альфа1 диапазонах. На этапе фрустрации во всех исследуемых диапазонах наиболее сильные когерентные связи отмечаются у художников в симметричных межполушарных взаимодействиях, однако относительно группы нехудожников их уровень достоверно ниже ($p \leq 0,05$). На этапе нахождения образа в группе художников отмечается увеличение силы когерентности в внутрислошарных связях (дельта, альфа1 диапазоны). На этапе продумывания деталей композиции у художников отмечается снижение силы когерентности в длинных внутрислошарных и межполушарных взаимодействиях во всех исследуемых диапазонах.

На основе обобщения полученных нами результатов были сформулированы выводы об особенностях функциональной мозговой организации художников на разных этапах творческого процесса:

- на этапе спокойного бодрствования выраженными являются короткие передние внутрислошарные связи;
- на этапе подготовки (просмотра монотипий) — симметричные межполушарные и длинные внутрислошарные связи в левом полушарии;
- на этапе фрустрации — симметричные межполушарные связи;
- на этапе инсайтного решения — длинные внутрислошарные связи;
- на этапе проверки найденного образа — снижение силы когерентности в длинных внутрислошарных и межполушарных связях.

Карташёва Ю.В.

Экзистенциальные корреляты психологического благополучия

Тема счастья, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью является одной из фундаментальных тем психологии. Большинство вопросов, которыми интересуется психология, так или иначе связаны со стремлением человека к благополучию. Быть счастливыми хотят все люди, но каждый описывает своё понимание счастья по-разному. Мы предположили, что люди, которые значительно различаются в своем субъективном понимании счастья и его интерпретациях, имеют разный уровень психологического благополучия.

На данный момент существует два основных подхода к изучению и пониманию природы психологического благополучия. На их основе нами были определены основные понятия, используемые в исследовании, такие как «психологическое благополучие» и «экзистенциальное благополучие». «Психологическое благополучие» основано на самоактуализации, личностном росте и гармонии с собой и окружающими. «Экзистенциальное бла-

гополучие» основано на ценностных и смысловых структурах и связано с экзистенциальной исполненностью как новым пониманием качества жизни человека. В нашем исследовании мы сделали попытку сопоставить эти подходы.

В исследовании приняли участие 80 человек в возрасте 18–25 лет. Первый этап исследования был организован с целью сопоставления показателей «психологического благополучия» («Шкалы психологического благополучия» К. Рифф) и «экзистенциального благополучия» («Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер, «Шкала жизнестойкости» С. Мадди) респондентов. На втором этапе была предпринята попытка проверить гипотезу о наличии различий в субъективном понимании счастья людьми с разным уровнем «психологического» и «экзистенциального благополучия» с помощью методики «Незаконченные предложения» в авторской модификации. Полученный массив информации был обработан с помощью кодировочных таблиц Д. Макадамса, а также с помощью авторских кодировочных таблиц.

Результаты исследования продемонстрировали, что, как правило, более высокому уровню «экзистенциального благополучия» респондентов соответствует более высокий уровень «психологического благополучия», т. е. наличие ценностно-смысловых оснований отношений человека с окружающим миром сопровождается более высоким уровнем психологического благополучия человека в целом.

Также результаты исследования показали, что люди, описывающие своё понимание счастья в терминах близости и отношений, чаще имеют более высокий уровень психологического благополучия, чем люди, описывающие своё понимание счастья в терминах саморазвития, автономии, доминирования и овладения. Полученные результаты перекликаются с результатами исследования, проведенного Э. Динером и М. Селигманом, которое показало, что счастливые люди отличаются от остальных тем, что их жизни максимально наполнены межличностными отношениями (Diener, Seligman 2002). Помимо основных результатов нами были обнаружены некоторые интересные закономерности. Во-первых, было выявлено, что люди, связывающие счастье с достижением поставленных целей и результатов, чаще видят себя развивающимися личностями, что способствует повышению их психологического благополучия. Во-вторых, было обнаружено, что люди, для которых счастье заключается по большей степени в спокойствии и комфорте, чаще обладают более низким уровнем экзистенциальной исполненности по сравнению с людьми, стремящимися к более активному времяпрепровождению. Наконец, было выявлено, что люди, которым для счастья важно отсутствие каких-либо обязательств, менее остальных готовы к получению нового опыта, а также обладают менее позитивным самоотношением.

В целом, результаты исследования продемонстрировали значимость ценностно-смысловых оснований отношений человека с миром для достижения им психологического благополучия, а также специфику понимания счастья людьми с разным уровнем «экзистенциального» и «психологического» благополучия. Подводя итоги, можно говорить о том, что проведенное исследование подтвердило перспективность исследований в данной области, позволило поставить новые вопросы и увидеть новые возможности изучения проблемы психологического благополучия и счастья человека.

Кибальченко И.А.

Плаксиенко А.И.

Диагностика страхов студентов

Все множество человеческих переживаний можно разделить на две противоположные группы, содержащие положительные и отрицательные эмоции. Важнейшей эмоцией второй группы является страх. Проблема страхов существовала всегда. Однако в связи с разнообразием политических, экономических и жизненных ситуаций она стала еще более актуальной. Важен также тот факт, что эмоция страха часто служит пусковым механизмом к возникновению многих соматических и психических заболеваний. Это отмечали зарубежные ученые (З. Фрейд, Г. Каплан, Б. Сэдок) и отечественные (И.М. Балинский, Б.Д. Карвасарский, С.Н. Давиденков, А.В. Снежневский, А.М. Свядош).

Особый интерес вызывают социальные страхи. Они порождаются установками, ядром которых может стать оценка, собственная или значимого другого. Среди социальных страхов выделяют страх перед экзаменом. Общественная жизнь человека постоянно ставит его в ситуации «экзаменов» — тех или иных испытаний, где ему приходится доказывать свою социальную состоятельность, материальное благополучие, физическое самочувствие или уровень интеллекта. Проведенные в последние годы исследования показали, что страх перед экзаменами затрагивает все системы организма человека: сердечно-сосудистую, иммунную, нервную и др. Поэтому необходимость изучения страхов студентов для формирования у них компетенций распознавания признаков страхов, коррекции и управления ими становится социально значимой и актуальной.

Однако проблема исследования страхов остается малоразработанной, когда речь заходит об их диагностике. В связи с этим по результатам теоретического анализа было подготовлено содержание диагностических блоков для изучения страхов студентов. Первый блок направлен на изучение рефлексивной оценки страхов в ситуациях, наиболее актуальных для студентов.

Для этого им предлагается инструкция: «Если Вы обратитесь к своей памяти, то наверняка вспомните ситуации, когда Вам приходилось испытывать страх. Перечислите, пожалуйста, эти ситуации и выберите из них две наиболее значимые для Вас: 1) ... 2) ...» Далее студентам предлагается: «Отметьте, пожалуйста, те признаки, которые сопровождали Ваш страх в двух ситуациях: 1) наиболее значимой для Вас; 2) неожиданного появления чего- или кого-либо. Оцените каждый признак страха по силе проявления в одной и другой ситуациях в баллах: 1 балл — слабо выражен; 2 балла — средне выражен; 3 балла — сильно выражен. Признаки страха: колотится сердце; прерывается дыхание; дрожат руки; ноги становятся «ватными»; бледнеет лицо; глаза широко раскрываются; брови приподнимаются; останавливаюсь как вкопанный; задерживаю дыхание; пригибаюсь к земле, как бы стараясь инстинктивно остаться незамеченным; холодный пот; появляется сильное желание зевать; во рту пересыхает; волосы на коже становятся дыбом; дыхание становится учащенным; заикаюсь; рот широко раскрывается; текут слезы; холодеют руки; появляются неприятные ощущения в желудке». Второй блок направлен на изучение словесно-образного перевода содержания понятия страха у студентов. Для этого используется модификация упражнения «Рисуем страх» Ю.В. Щербатых в аспекте словесно-образного перевода понятий М.В. Осориной. Студентам предлагается инструкция: «Нарисуйте и опишите, пожалуйста, свой страх (в наиболее значимой для Вас ситуации) на предложенном листе бумаги формата А4. Художественные способности не учитываются. Рисуйте как умеете!» И третий блок направлен на изучение экзаменационных страхов студентов. Им предлагаются различные утверждения об экзаменах, которые могут относиться к их экзаменационным ситуациям. Для этого необходимо выбрать один из вариантов ответов: «нет», «скорее нет, чем да», «затрудняюсь сказать», «скорее да, чем нет», «да». Отвечать следует быстро, не задумываясь надолго. Утверждения отобраны в соответствии с классификацией мыслей, вызывающих и сопровождающих страх: в связи с подготовкой к экзамену; относительно экзаменационной ситуации; перед экзаменатором; перед последствиями в случае провала — потерей уверенности в себе, ощущением позора; относительно успешной сдачи экзаменов. Каждая из групп сопровождается утверждениями как критериями истинности/ложности оценки собственных страхов студентами. После проведения пилотажного исследования и проверки разрабатываемой методики на надежность и валидность планируется проведение тренингов со студентами по управлению собственными страхами.

Климова Д.В.

Саакян О.С.

Эмоциональное выгорание у врачей скорой медицинской помощи

Профессия врача принадлежит к группе наиболее подверженных синдрому эмоционального выгорания (СЭВ). Это связано с её спецификой: с необходимостью частого межличностного взаимодействия с пациентами и их родственниками; с регулярным проявлением альтруизма и постоянным наблюдением за страданиями людей. Так, в исследовании И.А. Бердяевой и Л.Н. Войт, посвященном изучению синдрома эмоционального выгорания у врачей разных специальностей (2012), при обследовании 500 респондентов было установлено, что 35,4% опрошенных имеют СЭВ, при этом у 8,6% – полностью сформированный по ключевой симптоматике.

В рамках данной проблемы наше внимание привлекли врачи скорой медицинской помощи. Актуальность данной проблемы обуславливается тем, что чаще всего синдром эмоционального выгорания у врачей исследовался при использовании методик, не обладающих, на наш взгляд, достаточной специфичностью. Одни методики используются в общем виде у представителей всех профессий, другие, хоть и отличаются большей вариативностью и специфичностью, объединяют всех врачей в одну группу. В то время как, по нашему мнению, степень СЭВ у врачей разных специальностей будет различна. Служебные обязанности врача, осуществляющего плановые приемы в поликлинике, и врача, работающего в скорой помощи, сильно различаются. Так, врачи в скорой помощи вынуждены быстро, в экстремальных условиях принимать решения о спасении жизни пациента, при этом часто не имея необходимой полноты сведений о его самочувствии.

Цель нашего исследования заключается в создании теоретической платформы для более глубокого изучения синдрома эмоционального выгорания у представителей ургентной медицины и создания максимально объективной методики диагностики СЭВ. Задачи:

- 1) изучить теоретические аспекты феномена эмоционального выгорания;
- 2) выявить специфику работы врачей скорой медицинской помощи;
- 3) ознакомить участников исследования с определением и инструментарием, позволяющим справляться с СЭВ в их профессиональной деятельности;
- 4) выявить общие связи и закономерности на основании полученных результатов;
- 5) сравнить показатели выгорания у врачей разных специальностей;
- 6) создать теоретическое основание для дальнейших исследований.

Объект исследования: врачи МБУЗ «Городская больница скорой медицинской помощи № 2 г. Ростова-на-Дону». Всего: 50 врачей, среди которых — хирурги, нейрохирурги, травматологи и реаниматологи. Из них 31 мужчина и 19 женщин, стаж работы которых колеблется в рамках от 10 до 20 лет. Средний возраст участников исследования — 40 лет. Предмет исследования — синдром эмоционального выгорания и факторы работы в скорой помощи, влияющие на его формирование. Методы: кластерный анализ, анкетирование, опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание», разработанный на основе трехфакторной модели выгорания К. Маслач и С. Джексон, адаптированный Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой.

Исследование проходило в два этапа: первый этап включал теоретическое ознакомление респондентов с заданной тематикой (описание синдрома, симптомов, профилактики и т. д.). На втором этапе мы провели тестирование. Время тестирования — 20 минут.

У врачей ургентной практики наблюдается выраженный синдром эмоционального выгорания. Средний показатель выгорания по всем участникам исследования составил 7,2%. У 46% врачей наблюдается «высокая» степень выгорания (среднее значение $M = 8,4$), у 26% «средняя» степень ($M = 5,6$), у 18% «крайне высокая» ($M = 11,3$) и лишь у 10% степень выгорания «низкая» ($M = 3,2$).

Из обследуемых нами специальностей наиболее подверженными СЭВ оказались хирурги и реаниматологи. Средний показатель выгорания врачей данных специальностей приближен к 8 (7,9 — хирурги и 7,8 — реаниматологи), что соответствует высокой степени выгорания. У травматологов и нейрохирургов средний показатель выгорания — 6,6 (промежуточное значение между «средней» и «высокой» степенями выгорания).

В заключение можно сказать, что, как показало исследование, проблема «выгорания» у врачей скорой медицинской помощи действительно актуальна и нуждается в решении, а преимущественно высокие показатели определяют остроту данной проблемы. Различия данных в разных категориях врачей подтверждают нашу гипотезу о необходимости создания методик определения синдрома эмоционального выгорания, обладающих большей специфичностью по сравнению с существующими на данный момент, что определяет перспективы нашего дальнейшего исследования по данной проблеме.

Ковальчук Д.Н.

Стратегии преодоления чувства вины и стыда в период ранней взрослости

Взгляды на роль и функции чувства вины и стыда в психологии с течением времени претерпевали многочисленные изменения, начиная с рассмо-

тения преимущественно деструктивного аспекта данных эмоций, раскрываемых в концепции З. Фрейда, и заканчивая идеей об их положительном значении в процессе развития зрелой личности (К. Барретт, М. Хоффман и др.). Все это обусловило возникновение многочисленных и во многом противоречивых теоретических концепций относительно понимания этого феномена, что затрудняет процесс поиска максимально конструктивных стратегий преодоления чувства вины и чувства стыда.

Разработкой вопросов переживания вины и стыда, кроме З. Фрейда, занимались такие ученые, как Г. Мадлер и Э. Эриксон, в рамках психоаналитической теории; Дж. Келли в рамках теории личностных конструктов; К.Э. Изард в теории дифференциальных эмоций; П. Экман касался этой проблемы относительно выражения эмоций в мимике; ею занимался К.Д. Ушинский и другие.

Данное исследование проводилось с целью выявления и изучения стратегий преодоления чувства вины и стыда у мужчин и женщин в период ранней взрослости. В исследовании приняли участие студенты разных факультетов УО «ГГУ им. Ф. Скорины». Выборочную совокупность исследования составили 110 человек в возрасте от 20 до 40 лет, из них 55 женщин и 55 мужчин. При проведении исследования использовался метод эссе, в котором респондентам предлагалось изложить ответы на 2 вопроса: 1) ситуация наиболее острого переживания чувства вины и/или стыда; 2) стратегия, используемая для преодоления данных чувств. Также использовалась методика «Измерение чувства вины и стыда» (Test of Selfs Conscious Affect (TOSCA) Дж. П. Тангней (1989)) (Ильин, 2009).

Гипотеза исследования заключалась в том, что представители данного периода развития в большинстве своем используют стратегии преодоления чувства вины и стыда, выбирая наиболее конструктивные: когнитивную и стратегию компенсации. В процессе обработки данных была выдвинута дополнительная гипотеза: у женщин чаще возникают чувства вины и стыда, чем у мужчин. Для проверки данных предположений были применены критерий Стьюдента и критерий Фишера.

Статистический анализ показал, что гипотезы подтвердились с вероятностью 99 % (вина: $t = 5,9$, $p \leq 0,01$; стыд: $t = 6,5$, $p \leq 0,01$; $\phi^*_{\text{эмп}} = 3,085$, $p \leq 0,01$). При анализе материалов эссе нами были выделены три группы стратегий преодоления чувства вины и стыда: стратегия компенсации, когнитивные стратегии и социальные стратегии. Респонденты, которые указали, что не испытывали данных чувств, были нами условно обозначены как использующие стратегию отрицания. Также нами была выявлена группа испытуемых, которые не смогли справиться с переживаниями вины и стыда.

Часто используемыми способами преодоления чувств вины и стыда как у мужчин, так и у женщин являются когнитивные стратегии — 40 % и стратегии компенсации — 25 %, социальные стратегии — 10 %. К стратегии отрицания прибегают около 19 % опрошенных, а 6 % респондентов указали, что не нашли для себя подходящего способа преодоления.

Мужчины предпочтительно используют когнитивные стратегии в 45 % случаев. К ним относятся полное самостоятельное переосмысление и стратегии компенсации — 25 %. Причем опрошенные, придерживающиеся данных стратегий, используют полную компенсацию в 93 % случаях и только в 7 % — частичную. Менее трети опрошенных мужчин (24 %) утверждают, что не используют стратегии преодоления чувства вины, так как не переживают по поводу данных чувств, что соответствует стратегии отрицания. 2 % респондентов мужского пола указали, что не справились с переживаниями и эти чувства возвращаются к ним флешбэками, т. е. дигрессией в сторону прошлых событий, воспоминаний.

Женщины используют все 3 вида выделенных стратегий. 41 % — когнитивные стратегии (полное самостоятельное переосмысление), 33 % — стратегии компенсации (как полной компенсации — 81 %, так и частичной — 19 %) и социальные стратегии — 10 % (23 % предпочитают делиться с родными, а 76 % — с друзьями). Отсутствует использование стратегии за ее ненужностью у 4 % женщин (стратегия отрицания) и 12 % не нашли способа справиться с переживаниями.

Таким образом, наиболее часто используемыми являются стратегии компенсаторные и когнитивные, они же являются и самыми эффективными. Распространенным явлением оказалось отрицание стратегии и флешбэки ситуаций, связанных с переживаниями чувств вины и стыда.

Ковальчук Е.Г.

Структура этнических социальных установок студентов-белорусов в отношении студентов-туркменов

Несмотря на вековую историю исследования социальной установки, работы в этой области продолжают до сих пор. К тому же в научном сообществе нет единого определения понятия. Например, при анализе и обобщении научных исследований, посвященных социальной установке, было получено определение: социальная установка — «реальное, устойчивое состояние личности, отражающее отношение личности к определенному социальному объекту» (Заливако, 2009). «Большой психологический словарь» дает следующее толкование: «аттитюд — предрасположенность (склонность) субъекта к совершению определенного социального пове-

дения» (Зинченко, Мещеряков, 2007). В современной науке используются синонимичные понятия «социальная установка» и «аттитюд», описывающие один и тот же феномен (Зинченко, Мещеряков, 2007).

Относительно структуры социальных установок большинство ученых придерживаются трехкомпонентной структуры, включающей когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент аттитюда (знание об объекте) связан с формированием стереотипа, конструкта, просто с отнесением объекта познания к некоторой категории. Аффективный компонент ответственен за формирование предубеждения к объекту или, напротив, его привлекательности. Конативный (поведенческий) компонент определяет способ включения поведения в процесс социального познания.

В данной работе рассматривается аффективно-когнитивный компонент этнических социальных установок студентов-белорусов в отношении студентов-туркменов. Гипотеза данного исследования — валентность социальных установок студентов-белорусов в отношении студентов-туркменов обусловлена характеристиками общения (знакомство и наличие опыта общения, участие в ситуациях межкультурного взаимодействия).

Для сбора данных использовался анкетный опрос, включающий общие вопросы (пол, возраст, вуз и факультет, этническая принадлежность), а также методику «Диагностический тест отношений» (Солдатова, 2001) и дополнительные вопросы о непосредственном знакомстве студентов-белорусов со студентами-туркменами и наличии опыта общения с ними. Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы SPSS 13.0 for Windows. Процедура статистической обработки данных включала в себя факторный анализ методом главных компонент с последующим Varimax-вращением. Значимые различия определялись с помощью непараметрического U-критерия Манна — Уитни.

В исследовании приняли участие 112 студентов белорусских вузов, относящих себя к белорусам. Более половины опрошенных студентов-белорусов тем или иным образом знакомы со студентами-туркменами (обучение в одной группе, проживание в общежитии, знакомство вне вуза). На момент опроса только 36 респондентов из 62, знакомых с туркменскими студентами, общаются с ними.

В ходе статистической обработки данных были выявлены значимые различия:

1. Студенты, которые знакомы со студентами-туркменами, приписывают им положительные качества ($p = 0,014$). Студенты, никогда не сталкивающиеся со студентами-туркменами, оценивают их отрицательно.

2. Студенты, которые продолжают общение с туркменами, оценивают их положительно и приписывают энергичность в общении ($p < 0,010$).
3. Студенты-белорусы, которые обучались или обучаются с туркменскими студентами, в большей степени склонны приписывать студентам-туркменам качества «ехидный», «осторожный», «педантичный», «темпераментный» ($p = 0,008$), чем студенты, которые не стали кивались с туркменами в процессе обучения.
4. Респонденты, проживающие сейчас либо ранее с туркменами, имеют более высокие показатели по факторам «позитивные качества» ($p = 0,037$), «живой» ($p = 0,006$) и «коммуникабельный» ($p = 0,005$), чем респонденты, никогда не жившие с туркменами.

Полученные данные описывают амбивалентность социальных установок студентов-белорусов в отношении студентов-туркмен. Для взаимодействия амбивалентность не только допустима, но и необходима, иначе негативное восприятие «чужих» исключит любую коммуникацию или приведет к дискриминации (Митрофанова, 2012; Миньяр-Белоручева, Покровская, 2013).

Ситуации знакомства и непосредственного взаимодействия дают человеку больше возможностей получить информацию о наличии тех или иных присущих другому качеств. Также в ситуации знакомства легче обратить внимание на иногда скрытые позитивные качества. Поэтому данные исследования могут быть полезны при разработке программ адаптации иностранных студентов к иной социокультурной среде путем межкультурного взаимодействия и интеграции.

Колантаевская А.С.

Динамика показателей самодетерминации в связи с поступлением в вуз

Обучение в высшей школе считается одним из важнейших этапов развития личности будущего специалиста, когда формируются основы личностной и индивидуальной профессиональной компетентности. В то же время поступление в высшее учебное заведение и начало студенчества для самих студентов сопряжены со значительными сложностями приспособления к новым жизненным условиям, что неоднократно отмечалось как отечественными (Васильева, 2000; Боронина и др., 2001; Браун, 2007; Зарембо, 2014), так и зарубежными (Wintre, Yaffe, 2000; Dyson, Renk, 2006; Leontopoulou, 2006; Reyes-Rodri' guez et al., 2012) исследователями. Хотя некоторые студенты и воспринимают этот переход как вызов и возможность для личностного роста, другие оказываются неспособными справиться со стрессовой

ситуацией, переживая довольно длительный период дезадаптации (Lokitz, Sprandel, 1976; Hammen, 1980; Cutrona, 1982).

С позиции ситуационного подхода поступление в вуз и начало обучения являются примером изменения жизненной ситуации, которое, как любое изменения контекста существования, предполагает «изменение способов взаимодействия человека с миром» (Гришина, 2013). В связи с этим особенно актуальным становится рассмотрение вопроса об особенностях изменения жизнотворческих способностей человека, переживающего такую ситуацию, в частности — самодетерминации. Самодетерминация определяется как «способность действовать непрогнозируемым с точки зрения внешнего наблюдателя образом, но внутренне осмысленно и последовательно, опираясь в принятии решения и управлении поведением на высшие осознанные критерии» (Леонтьев и др., 2011) и является одним из ключевых механизмов личности, обеспечивающих взаимодействие человека и мира. В качестве основных измерений самодетерминации выступают показатели свободы и ответственности. Проведенное нами исследование имело целью изучение особенностей изменения самодетерминации в начальный период обучения в вузе. Для определения динамики ее показателей планировалось провести два замера: в первом и во втором семестре с промежутком 5–7 месяцев. Для измерения показателей свободы и ответственности использовались шкала автономной каузальной ориентации «Русскоязычного опросника каузальных ориентаций» (Леонтьев и др., 2008) и шкала общей интернальности опросника «Уровень субъективного контроля» (Бажин и др., 1993) соответственно. В исследовании приняли участие студенты-первокурсники математико-механического, биолого-почвенного и филологического факультетов СПбГУ: 192 человека (119 девушек и 73 юноши) на первом этапе и 146 человек (94 девушки и 52 юноши) на втором этапе. В зависимости от особенностей жизненной ситуации респонденты были разделены на 2 группы: студенты, ранее проживавшие с родителями и переехавшие в общежитие, и студенты, продолжающие жить с родителями.

В результате по данным дисперсионного анализа были обнаружены значимые (на уровне 0,01) различия показателя общей интернальности для первого и второго замеров: наблюдается рост показателя интернальности для всех групп респондентов. Также были обнаружены значимые (на уровне 0,01) различия по показателям каузальной ориентации для первого и второго замеров. Наблюдаются различия в динамике показателя автономной каузальной ориентации по совокупности переменных группы (живущие в родительской семье/переехавшие в общежитие) и пола (на уровне тенденции): так, в частности, у иногородних девушек было отмечено снижение показателя автономной каузальной ориентации, в отличие от девушек,

живущих в родительской семье, у которых наблюдается некоторый рост этого показателя (для юношей, однако, подобные различия незначительны).

Рассматривая общую интернальность как показатель ответственности, можно сказать, что все респонденты, независимо от жизненных обстоятельств и пола, в соответствии с результатами исследования становятся более ответственными, — что, вероятно, является закономерным, ведь каждая из сфер жизни теперь требует от них большей самостоятельности, необходимости принимать на себя куда больше обязательств. Более интересным кажется различие в динамике автономной каузальной ориентации, интерпретируемой нами как показатель свободы, между группами девушек: для респонденток, чьи жизненные условия были изменены значительно, наблюдается отчетливое снижение показателя автономной ориентации, что в целом согласуется с ранее полученными нами данными (Гришина, Колантаевская, 2014).

Колодина А.В.

Физическое насилие в семье как фактор формирования акцентуаций характера и агрессивности подростков

Детско-родительские отношения являются основой формирования взаимоотношений ребенка с окружающим миром и миром взрослых. Неблагоприятные семейные взаимоотношения формируют агрессивные и враждебные поведенческие стратегии детей, которые они распространяют на своих сверстников, других взрослых и младших детей. Согласно исследованиям (Salzinger et al., 1993) дети, подвергающиеся физическому насилию в семье, имеют более низкий социометрический статус, оцениваются своими сверстниками как более агрессивные и неспособные к сотрудничеству. Н.М. Платонова и Ю.П. Платонов указывают на то, что «в ответ на физическую боль у ребенка возникает гнев, желание ответить тем же», что приводит к внутреннему напряжению, изоляции, попыткам побега из дома. Совокупность перечисленных психологических последствий жестокого обращения в семье проявляются в патологических чертах характера ребенка.

Для анализа акцентуаций характера и агрессивности современных подростков, подвергающихся физическому насилию в семье, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 100 учеников школ г. Омска в возрасте от 14 до 17 лет, 40 из которых проходят реабилитацию в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» (экспериментальная группа), а 60 — являются учащимися общеобразовательных школ (контрольная группа).

При изучении частоты применения физического насилия в семье было установлено, что подростки, находящиеся на реабилитации, заметно чаще

подвергаются жестокому обращению со стороны своих родителей. В 70% случаев они отмечают, что при непослушании родители довольно часто дают им пощечины, подзатыльники, бьют ногами, руками либо ремнем. При этом проявления физического насилия практически всегда сопровождаются и психологическим насилием: криками, оскорблениями, угрозами более интенсивных и страшных наказаний, стремлением выгнать подростка из дома. В группе подростков, обучающихся в общеобразовательных школах, около 7% сталкиваются с физическими наказаниями в семье. Причинами этого дети считают собственные поведенческие стратегии, плохую успеваемость, несоответствие представлениям родителей.

Для подростков, проходящих реабилитацию, характерны такие типы акцентуаций, как эпилептоидный ($t = 6,38$, $p \leq 0,001$) и истероидный ($t = 3,52$, $p \leq 0,01$), предопределяющие их склонность к раздражению и аффективности, эмоциональности в общении, низкий самоконтроль, импульсивность, злопамятность. Преобладающими типами агрессивных реакций являются вербальная агрессия, обида, раздражение, свидетельствующие о сформированном чувстве ненависти по отношению к окружающим за совершенные ими действия, а также неумении конструктивно выражать свои эмоции и чувства. Полученные данные, безусловно, связаны с ситуацией неблагополучия в семье подростков, применения их родителями физических наказаний, психологического насилия и пренебрежения.

Преобладающим типом акцентуации в контрольной группе подростков является гипертимный тип ($t = 2,53$, $p \leq 0,05$), характеризующийся доминированием повышенного настроения, стремлением к лидерству, общительностью. Такие подростки довольно быстро осваиваются в незнакомой и быстро меняющейся обстановке, плохо переносят одиночество и стремление окружающих подавить их активность, чрезмерно самостоятельны. Доминирующим типом реакции является вербальная агрессия, проявляющаяся в стратегии применять аффективные ответы в ситуациях конфликта и противостояния.

На последнем этапе нашего исследования были выявлены значимые корреляционные связи между частыми физическими наказаниями и агрессивными реакциями «Обида» ($r = 0,47$, $p \leq 0,001$), эпилептоидным типом акцентуации характера ($r = 0,351$, $p \leq 0,01$). Следовательно, чем чаще родители будут использовать физические наказания в качестве воспитательных стратегий, тем с большей вероятностью возможны отклонения от нормальной траектории развития личности ребенка и появление у него неконструктивных способов совладания со стрессовыми ситуациями, отсутствие эффективных стратегий социальной и межличностной коммуникации и адаптации, формирование агрессивности и враждебности по отношению к миру.

Колотилина В.В.

Отношения между сиблингами в семьях повторного брака разных типов

Повторный брак сегодня — норма жизни. В семьях повторного брака появляются трудности в отношениях в диаде «неродной родитель — ребенок супруга». Однако есть определенные проблемы во взаимоотношениях сводных братьев и сестер. Проблема детско-детских отношений в семьях повторного брака не так остра, однако распространена и требует изучения.

Сложности в детско-детских отношениях возникают в тех случаях, когда конфликтная ситуация вызвана внимательным отношением родителя к одним детям и меньшей заботой и любовью по отношению к другим. В любой семье появление следующего ребенка, если предыдущий уже достаточно подросток, может вызвать ревность и обиду старшего. В семье повторного брака эти чувства обостряются в связи с тем, что один из родителей (и сиблингов) у ребенка неродной (Лофас, Сова, 1996).

Мы изучаем особенности отношения к ребенку неродного родителя в семьях повторного брака, опираясь на выделенные нами типы повторных браков (в основе разделения: 1. наличие/отсутствие детей у входящего в семью партнера; 2. наличие/отсутствие общих детей в новой семье):

- 1) брак, в котором неродной родитель (отчим/мачеха), не имеющий ребенка (детей) от предыдущего брака, вступает в брак с женщиной (мужчиной), имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, совместных детей у них нет;
- 2) брак, в котором неродной родитель, имеющий ребенка (детей) от предыдущего брака, вступает в брак с женщиной (мужчиной), имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, совместных детей у них нет;
- 3) брак, в котором неродной родитель, имеющий ребенка (детей) от предыдущего брака, вступает в брак с женщиной (мужчиной), имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, и у них есть совместные дети, рожденные в новом (повторном) браке;
- 4) брак, в котором неродной родитель, не имеющий ребенка (детей) от предыдущего брака, вступает в брак с женщиной (мужчиной), имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, и у них есть совместные дети, рожденные в повторном браке (Аргентова, Колотилина, 2013).

Мы предполагаем наличие специфики детско-детских отношений в семьях повторного брака разных типов, которая объясняется появлением в

новой семье (помимо детей обоих супругов от предыдущих браков) совместных детей.

Выборка: 113 семей повторного брака, клиентов Центра социальной помощи семье и детям г.Кемерово. В их числе: 64 мужа-отчима, 49 жен-мачех, их пасынки и падчерицы. Мы использовали: 1) авторскую анкету «Мой новый брак»; 2) «Рисунок семьи» (А.Л. Венгер); 3. t-кр. Стьюдента в программном пакете STATISTICA.

Результаты показали наличие значимых различий в восприятии ребенком своей новой семьи в зависимости от ее типа. В рисунках учитывались: порядок изображения сиблингов, контакт рук с ними, удаленность их друг от друга (в том числе разделение в пространстве предметами или людьми), размер фигур.

Появление общих детей в новой семье существенно сказывается и на отношениях пасынка/падчерицы с супругом родителя. Для детей из семей 2-го типа, где у супругов нет общих детей, но есть ребенок от предыдущего брака, в сравнении с детьми из семей 3-го типа, где также есть дети от предыдущего брака и есть общие дети, отношения с ребенком отчима (мачехи) хуже: дети изображают сводного сиблинга последним значимо чаще ($t = -2,06$; $p = 0,04$), снижается значимость ребенка для самого себя и семьи в целом: свою фигурку он изображает самой маленькой ($t = 2,07$; $p = 0,04$).

У детей из семей 3-го типа, где у неродного родителя не было своих детей, и в новом браке родились общие дети, в отличие от детей из семей 4-го типа, где у неродного родителя были свои дети и в новом браке родились общие, значимо лучше складываются отношения с совместным ребенком родителей: он реже рисуется последним ($t = -2,92$; $p = 0,004$), реже меньше всех ($t = -2,08$; $p = 0,040$) и реже исключается из состава семьи ($t = -3,11$; $p = 0,002$).

Подводя итог: детско-детские отношения в семьях повторного брака разные и зависят от типа семьи.

Практика консультирования, результаты исследования показывают: имеют место случаи, когда дети начинают «мстить» родителям за их новые отношения, отыгрываясь на детях их супругов. Ситуация несколько иная, когда у родителей появляются совместные дети. Дети, рожденные в совместном браке, становятся, вероятно, ближе и роднее и для самого ребенка, и делают более родными детей отчима(мачехи). Однако отношения в таких семьях тоже достаточно специфичны и очевидно требуют более глубокого изучения, а также обнаруживают необходимость психолого-педагогического сопровождения семьи повторного брака.

Корзун С.А.

Взаимосвязь акцентуаций характера и копинг-поведения в подростковом возрасте

Повседневная жизнь современного человека наполнена всевозможными трудными, сложными ситуациями, требующими своевременных и адекватных решений. В период взросления подросток испытывает воздействие ряда стрессовых факторов, приводящих к различным проблемам как в эмоциональном, так и в интеллектуальном плане, снижению адаптационного потенциала. Становление копинг-поведения приходится на подростковый возраст, что впоследствии и определяет жизненный стиль личности. В связи с этим остается открытым вопрос о роли ресурсов в совладании с трудными жизненными ситуациями в подростковом возрасте.

Под ресурсами совладающего поведения принято понимать характеристики личности и социальной среды, которые повышают стрессоустойчивость. Это личностные структуры и определенные характеристики социальной среды, которые помогают личности справляться с угрожающими обстоятельствами, облегчают адаптацию (Сирота и др., 2001). В исследованиях, посвященных изучению копинг-поведения в подростковом возрасте, анализируется роль таких ресурсов, как восприятие социальной поддержки, locus контроля, интеллект (Сирральта, 2000), тревожность, эмоциональная устойчивость, самооценка (Киселева, 2007), ответственность, профиль личности (Михайлюк, 2006). Совладание подростка с жизненными трудностями, продуктивное взаимодействие со средой, а также успешность адаптации в целом может определяться и особенностями характера. Акцентуации характера как копинг-ресурс в подростковом возрасте недостаточно представлены в исследованиях.

В исследовании приняли участие 196 респондентов (13–15 лет). В качестве диагностического инструментария использовались: методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норманн и др.; адаптированный вариант Т.А. Крюковой), методика «Способы преодоления негативных ситуаций» (А. Блазер и др.; адаптированный вариант С.С. Гончаровой) и методика «Патохарактерологический диагностический опросник» (ПДО) (А.Е. Личко, Н.Я. Иванов). Статистический анализ полученных данных производился с помощью компьютерной интегрированной системы обработки данных SPSS v. 15 (коэффициент корреляции Ч. Спирмена).

Анализ полученных результатов показывает, что в данной группе выявлены следующие тенденции: положительной взаимосвязи проблемно-ориентированного копинга и акцентуированными чертами циклоидно-лабильного ($p \leq 0,01$) и шизоидно-неустойчивого ($p \leq 0,01$) типов; положительной

взаимосвязи эмоционально-ориентированного копинга и акцентуированными чертами лабильно-сенситивного типа ($p \leq 0,05$); положительной взаимосвязи копинг-поведения, ориентированного на избегание и акцентуированных черт истероидного типа ($p \leq 0,01$); копинг-стратегия «самообвинение» положительно коррелирует с акцентуированными чертами лабильно-сенситивного типа ($p \leq 0,05$); копинг-стратегия «поиск виновных» положительно коррелирует с акцентуированными чертами лабильно-сенситивного типа ($p \leq 0,01$). Несмотря на наличие всего лишь тенденций корреляционной связи, можно предположить, что респонденты, выбирающие конструктивный проблемно-ориентированный копинг-стиль, обнаруживают такие характеристики, как изменчивость настроения, эмоциональность, адекватность самооценки, склонность к поиску нестандартных решений, сдержанность. Респонденты, демонстрирующие предпочтение неконструктивного копинг-стиля, ориентированного на избегание, обнаруживают преобладание таких характеристик, как эгоцентризм, эмоциональность, театральность и пр. Для респондентов, выбирающих неконструктивные копинг-стили и стратегии (эмоционально-ориентированный копинг, стратегии «самообвинение» и «поиск виновных»), характерны такие характеристики, как изменчивость настроения, инфантильность, впечатлительность, доминирование чувства собственной неполноценности, застенчивость и пр.

Таким образом, полученные результаты не позволяют на данном этапе сделать более или менее однозначные выводы о роли акцентуаций характера в совладании с жизненными трудностями у подростков. Невысокие значения коэффициентов корреляции не позволяют рассматривать акцентуации характера как достаточно достоверные предикторы выбора стратегий и стилей совладания. Проведенное исследование подчеркивает актуальность вопроса в психологической практике об оказании психологами помощи подросткам в осознании механизмов формирования их собственного поведения и развития ресурсов.

Коротина Л.Д.

Эмоциональная тревожность студентов как фактор адаптации

В процессе обучения в вузе студенты сталкиваются с множеством проблем и трудностей, которые вызывают у них чувство тревоги. Активная познавательная деятельность студентов часто сопровождается тревогой, так как ситуация зачета или экзамена всегда содержит в себе определенную степень неопределённости.

Влияние тревоги на результативность деятельности зависит и от свойств личности, в первую очередь от типологических и характерологических осо-

бенностей человека (Смирнов, 2007). Исследование психических состояний тревожности человека является актуальной проблемой современной психологической науки. Вопросами, связанными с изучением уровней тревожности, занимались как отечественные, так и зарубежные психологи (А. Прихожан, З. Фрейд, К. Хорни, Дж. Тейлор и др.). Именно тревожность, как было замечено многими психологами (Прихожан, 1998), лежит в основе целого ряда различных трудностей. Тревожность понимается как индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека часто переживать сильную тревогу по относительно малым поводам. Для разграничения ситуаций проявления тревожности были введены понятия личностной и ситуативной тревожности. Если личностная тревожность трактуется как повышенная склонность к переживаниям, тревоге и беспокойству без достаточных оснований, то о реактивной или ситуативной тревожности говорят при описании состояния человека в данный момент времени, которое характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями в данной конкретной обстановке.

Мы предполагаем, что ситуативная тревожность студентов 1-го курса будет выше, чем тревожность у студентов 3-го курса. СТ и ЛТ студентов гуманитарных специальностей зависит от курса во время сессии. Исследование проводилось среди студентов 1-го и 3-го курсов историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Объем выборки составил 80 человек (40 студентов первого курса и 40 студентов третьего курса). Возраст — от 17 до 20 лет.

По результатам диагностики уровня тревожности студентов 1-го курса мы получили следующие результаты: у 17,5% студентов 1-го курса наблюдается низкий уровень ситуативной тревожности; у 47,5% опрошенных наблюдается средний уровень ситуативной тревожности. У 35% респондентов отмечается высокий уровень ситуативной тревожности. Если говорить о личностной тревожности, то низкий уровень ЛТ представлен у 30% студентов 1-го курса, умеренный уровень — у 55%, высокий — у 15%. На первом курсе в предсессионный период у 35% опрошенных студентов выявлен высокий уровень ситуативной тревожности. Сравнив уровень СТ с уровнем ЛТ в данной группы студентов, лишь у 2 студентов с высоким уровнем СТ отмечается и высокая ЛТ, у 8 студентов — умеренная ЛТ и у 2 студентов — низкая ЛТ. Таким образом, можно сделать вывод, что высокие показатели СТ у данных студентов с большой долей вероятности обусловлены ситуативным фактором — сдачей экзаменов.

В результате диагностики студентов 3-го курса нами были получены следующие результаты: у большинства опрошенных студентов низкая СТ — 67,5%; умеренная СТ — у 25%; высокий уровень отмечен у 7,5% сту-

дентов. Высокая личностная тревожность отмечается у 35% респондентов, умеренная ЛТ — у 37,5%, низкая ЛТ — 27,5%. При сопоставлении результатов уровня тревожности студентов 1-го и 3-го курсов видно, что на первом курсе значительно выше процент студентов с высоким уровнем ситуативной тревожности, в то время как на 3-м курсе число студентов с высокой СТ минимально, при этом у данных студентов отмечается и высокая ЛТ. Таким образом, гипотеза нашего исследования нашла свое подтверждение. Выводы: 1) уровень ситуативной тревожности выше у студентов первого курса, чем у студентов третьего. Эти отрицательные переживания студентов первокурсников связаны с адаптацией, неуверенностью в своих знаниях, недостаточной психологической подготовкой к профессии; 2) высокий уровень ситуативной тревожности отмечен у 35% первокурсников. Между показателями уровня тревожности существует сильная связь. Личности с высоким уровнем тревожности склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизненной деятельности, они реагируют весьма выраженным состоянием тревожности, чем личности с низким уровнем; 3) количество студентов с низкой ситуативной тревожностью на 3-м курсе больше на 50% чем на 1-м курсе; студентов с высокой тревожностью меньше на 27%. Это говорит об успешной адаптации студентов 3-го курса за время их обучения, влиянии процесса адаптации на эмоционально-волевую сферу личности студента.

*Коршина Ю.Д.
Васильева М.Ю.
Ердякова Е.В.*

Исполнительные функции у детей, проживающих в различном социальном окружении

В настоящее время изучение исполнительных функций (ИФ) в детском возрасте вызывает все более пристальный интерес как у зарубежных, так и у отечественных исследователей. Это обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, исследования ИФ в рамках традиционного нейропсихологического подхода — выявления нарушений функционирования фронтальных зон неокортекса — являются по-прежнему актуальными для детской популяции и сфокусированы на детальном изучении «исполнительных дисфункций» у детей с различными нарушениями развития: гидроцефалией, нейрофиброматозом, фенилкетонурией, СДВГ-синдромом, аутизмом, а также у детей с травматическими повреждениями головы и у недоношенных детей. Такие работы имеют особое значение, так как они важны для понимания феноменологии детских расстройств и для дальнейшей разработки адекватных методов измерения ИФ в детском возрасте. Кроме того, в связи с резко

возросшим в последнее десятилетие интересом к роли ИФ в различных сферах психического функционирования ребенка в большом количестве исследований было выявлено, что прогрессирующее развитие ИФ в раннем возрасте играет критическую роль в когнитивном, речевом, социально-эмоциональном функционировании ребенка в последующих возрастах. Так, было показано, что индивидуальные различия в ИФ в пределах нормы могут иметь важное прогностическое значение и тесно связаны с формированием «модели психического» («theory of mind») в дошкольном возрасте и с развитием метакогнитивных способностей в подростковый период (Carlson et al., 2005). В целом ряде работ было отмечено, что различия в таких функциях, как исполнительный контроль и внимание, выявленные в раннем возрасте, являются предиктором успешного социального функционирования в старшем возрасте (Kochanska et al., 2000). Также по-прежнему остается открытым вопрос, какие факторы, помимо возраста, могут влиять на формирование ИФ на ранних этапах индивидуального развития ребенка.

В частности, в настоящее время относительно немного известно о взаимосвязи условий неблагополучного социального окружения (депривации) и формирования конкретных аспектов ИФ в раннем детском возрасте. Важно отметить, что для российской психологической науки данная область исследований является принципиально новой, поскольку в отечественной психологии ИФ изучались традиционно на взрослых выборках, а исследования, посвященные ИФ у детей, на настоящий момент крайне немногочисленны и представлены отдельными работами по оценке ИФ у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, причем с акцентом на изучение формирования ИФ в клинических популяциях. Каких-либо систематических исследований по изучению ИФ у детей раннего возраста не проводилось.

В связи с этим целью настоящего исследования является изучение ИФ у детей раннего возраста, проживающих в условиях различного социального окружения. В исследовании высказывается гипотеза о том, что дети, находящиеся в условиях депривации, будут демонстрировать парциальный дефицит уровневых и динамических характеристик ИФ по сравнению со сверстниками, проживающими в более благоприятном семейном окружении. Выборку составят дети в возрасте от 24 до 48 мес., воспитывающиеся в семьях и домах ребенка г. Санкт-Петербурга. Для оценки ИФ в работе будет использоваться специализированная батарея поведенческих тестов, представляющая собой совокупность заданий, объединенных в одну психодиагностическую методику и направленную на измерение различных аспектов ИФ у ребенка раннего возраста: оценку функции рабочей памяти, способностей к произвольному контролю поведения, планированию действий и организации целенаправленного поведения, процессов саморегу-

ляции и социально-эмоционального функционирования (Zelazo et al., 1998; Kochanska et al., 2000; Carlson et al., 2005; Metz et al., 2014). В целом, дизайн работы предполагает проведение сравнительного лонгитюдного исследования по изучению особенностей и динамики формирования ИФ в раннем возрасте в зависимости от характеристик социального окружения — проживания в условиях семьи или в депривационных условиях дома ребенка. Настоящее исследование проводится в рамках лонгитюдного исследования, поддержанного грантом Правительства РФ №14.Z50.31.0027 «Влияние ранней депривации на био-поведенческие показатели развития ребенка».

Котельникова Ю.А.

Жизненный сценарий как компонент функционирования личности

В современной психологической науке отмечается дефицит исследований и теоретических построений в области анализа жизненных сценариев, утвердивших свое место в психологии в качестве ряда событий, которые являются наиболее значимыми в жизни субъекта. В отечественной психологии анализ данной категории осуществлялся в поле рассмотрения жизненного пути личности (Ананьев, 1969; Рубинштейн, 2000). Понятие жизненного сценария оформилось как операционализация понятия «жизненный путь», предполагающая большую активность субъекта (Гришина, 2011). В зарубежной психологии исследование жизненного сценария связано с анализом жизненного периода как такового (life span). Исследования сконцентрированы на отдельных аспектах функционирования человека с опорой на жизненные этапы и возрастные периоды: анализ когнитивных способностей (Tucker-Drob, 2009), карьерных амбиций (Ashby, Schoon, 2012), памяти (Brehmer et al., 2007; Cansino et al., 2013).

Задачей нашего исследования выступил анализ различий в выраженности личностных параметров: уровня рефлексивности, жизненных стремлений и временной ориентации личности при доминировании определенного типа жизненного сценария. В качестве измерительного инструментария выступил ряд психодиагностических методик: опросник «Индекс стремлений» Э. Деси и Р. Райана (Котельникова, Селин, 2009); тест «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой: Сырцова и др., 2008); методика «Уровень рефлексивности» А.В. Карпова (Карпов, 2003), биографическое интервью. Исследование проводилось в 2013–2014 гг. с участием 206 человек, студентов Курского государственного медицинского университета (18–25 лет). Расчеты проводились с помощью статистического пакета SPSS Statistics 21, критерия Н-Крускалла-Уоллеса и анализа меры средней тенденции.

Были обнаружены следующие значимые различия ($p < 0,05$). Наибольшее значение среднего по выборке параметра «рефлексивность» имеет

место в группе личностно-карьерного жизненного сценария ($M = 5,00$), что связано со стремлением к осознанию своей жизни и поступков представителями данного типа сценария с целью саморазвития, которое позволяет реализоваться в профессиональной сфере. Наиболее высокие показатели ориентации на настоящее (фаталистическое ($M = 3,21$) и гедонистическое ($M = 3,62$)) были обнаружены в группе социально-карьерного жизненного сценария. Ориентация на гедонистическое настоящее объясняется потребностью в ежедневном отдыхе от рабочих моментов, которые в современном обществе требуют больших эмоциональных затрат. Самые высокие показатели ориентации на фаталистическое настоящее у представителей социально-карьерного типа сценария могут объясняться их узкой направленностью на карьеру и общение при одновременном отвлечении от других сфер жизни, при которых на судьбу возлагается решение вопросов в данных сферах. Различия в выраженности жизненных стремлений также имеют свою специфику. Наибольшее значение среднего по выборке параметра жизненного стремления к «известности» ($M = 16,50$) и привлекательной «внешности» имеет место в группе социально-карьерного жизненного сценария ($M = 20,67$). Данные показатели свидетельствуют о высокой ориентации на социум и общество указанной группы людей. Их стремление к известности позволяет иметь в окружении большое количество людей, способных дать обратную связь об их поведении, что позволит социо-карьерно-ориентированным людям построить представление о себе, о своем статусе и авторитете. Привлекательную внешность в данном случае следует отнести к явлениям социальной значимости. Наибольшее значение среднего по выборке параметра жизненного стремления к «личностному росту» имеет место в группе индивидуально-личностного жизненного сценария ($M = 31,36$). Обнаруженные данные подтверждают утверждение о том, что основным компонентом жизни, наделенным особым смыслом, люди с индивидуально-личностным жизненным сценарием считают саморазвитие и личностный рост, на основе которых строится весь сценарий жизни. Результаты исследования позволят конкретизировать представления о месте жизненного сценария в плане личностного функционирования.

Криулева А.А.

Особенности профессионально-педагогической направленности студентов

Мотивы выбора педагогической профессии, мотивация учения студента, его отношение к своей профессии и к своей будущей работе составляет феномен профессиональной направленности личности. Профессио-

нальной направленностью является совокупность мотивационных образований (интересов, потребностей, склонностей, стремлений и др.), связанных с профессиональной деятельностью человека и влияющих, в частности, на выбор профессии, стремление работать по ней и удовлетворенность профессиональной деятельностью (Шавир, 1981). Проблема профессиональной направленности личности остается актуальной вследствие того, что процесс формирования и развития профессиональной направленности отличается достаточной сложностью, обусловленной влиянием множества факторов. Исследования, в которых оцениваются характеристики профессиональной направленности студентов, в литературе часто встречаются (Зимичева, 1977; Кузьмина, 1990; Сендер, 1992; Слостенин, 1995; Зеер, 2002; Дьяченко, 2006).

Целью нашего исследования было изучение особенностей профессиональной направленности и мотивации учения студентов различных профилей подготовки.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь профессиональной направленности и мотивации учения студентов.

Объект исследования: процесс формирования профессиональной направленности студентов различных профилей подготовки.

Предмет исследования: особенности профессиональной направленности и мотивации учения студентов различных профилей подготовки.

В нашем исследовании приняли участие 79 студентов ЯГПУ им. К.Д. Ушинского разных направлений подготовки бакалавров и специалистов.

В качестве диагностического инструментария были использованы следующие методики: тест-опросник для определения уровня профессиональной направленности (УПН) студентов (Т.Д. Дубовицкая); тест «Мотивация учения студентов педагогического вуза» (С.А. Пакулина, М.В. Овчинников); для обработки данных использовалась статистическая система IBM SPSS Statistics 11.5. Обработка проводилась с помощью корреляционного анализа.

В результате проведенного исследования была обнаружена связь между показателями уровня профессиональной направленности и мотивации учения студентов. Результаты корреляционного анализа показали, что зависимость исследуемого уровня профессиональной направленности от показателя мотивации учения также опосредуется профессионально-педагогической направленностью студентов.

К первой группе испытуемых относились студенты, обучающиеся по направлению «Педагогика (начальное образование)». Для этой группы обнаружены статистически достоверные и квазизначимые корреляции между широкими познавательными мотивами и уровнем профессиональной направленности студентов ($r = 0,53$ при $p \leq 0,01$).

Вторая группа испытуемых состояла из студентов, обучающихся по направлению «Педагогика (детская практическая психология)». Установлены следующие статистически значимые и квазизначимые корреляции между релевантными профессиональными мотивами и уровнем профессиональной направленности ($r = -0,50$ при $p \leq 0,02$).

Третья группа студентов обучалась по направлению «Педагогика (управление дошкольным образованием)». Также были выявлены значимые и квазизначимые корреляции между уровнем профессиональной направленности и: 1) внутренними мотивами поступления в университет; 2) широкими познавательными мотивами; 3) релевантными профессиональными мотивами; 4) иррелевантными профессиональными мотивами; 5) общими внутренними мотивами учения; 6) внешними мотивами поступления в университет ($r = 0,48$ при $p \leq 0,03$; $r = 0,58$ при $p \leq 0,01$; $r = 0,54$ при $p \leq 0,01$; $r = 0,54$ при $p \leq 0,02$; $r = 0,75$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,61$ при $p \leq 0,01$).

Четвертая группа состояла из студентов, обучающихся по направлению «Дошкольная педагогика и психология с дополнительной специальностью «иностраный язык»». Также были обнаружены достоверные корреляции между внешними мотивами поступления в университет, общей внешней мотивацией учения и уровнем профессиональной направленности студентов ($r = -0,73$ при $p \leq 0,01$; $r = -0,66$ при $p \leq 0,01$).

Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о связи профессиональной направленности и мотивации учения студентов.

Наша гипотеза была подтверждена, поскольку выяснилось, что уровень профессиональной направленности связан с внешними мотивами поступления в университет, общей внешней мотивацией учения: чем выше внешние мотивы поступления в университет, общая внешняя мотивация учения, тем ниже уровень профессиональной направленности студентов.

Криулина А.В.

Восприятие и отношение ко времени в поздние периоды жизни

Структура времени выражается триадой «прошлое — настоящее — будущее». На разных этапах жизни человека отношение к периодам своей жизни и их восприятие изменяются. На характер восприятия периодов жизни и отношения к ним влияют множество факторов, в том числе и жизненный опыт человека (Бороздина, Спиридонова, 1998; Абульханова, Березина, 2001; Нюттен, 2004; Головаха, Кроник, 2008; Зимбардо, Бойд, 2010; Толстых, 2010; Стрижицкая, 2012; Alea, 2004).

Задачей исследования явилось изучение восприятия и отношения к разным периодам жизни в поздние периоды жизни. Для исследования вре-

менных показателей использовались «Семантический дифференциал времени» (Вассерман и др., 2009) и психосемантическая методика «Цветовые метафоры» И.Л. Соломина (2008), модифицированная нами. Выборку составили 128 человек в возрасте 51–80 лет, средний возраст — 64 года.

Цветосемантический анализ выявил системы предпочитаемых и отвергаемых понятий, а также ассоциативные связи между ними. Выявлены общие черты, характеризующие отношение ко времени пожилого человека: прошлое является изолированным понятием, с ним не выявлено ассоциаций. Настоящее связано с будущим, т. е. состояние сегодняшнего дня хочется продлить как можно дольше. Будущее связано с тем, какими хотят быть респонденты, и с настоящим. Понятия времени не насыщены связями, что может говорить о том, что респонденты избегают думать о жизни в подобных категориях. Понятия прошлого, будущего и настоящего — эмоционально нейтральные понятия (3,79; 3,91 и 3,68). Рубеж ухода на пенсию является изолированным и отвергаемым понятием (4,17), что может свидетельствовать о насыщении этого процесса негативными эмоциями и, возможно, вытеснении из сознания. Корреляционный анализ данных показал, что принятие прошлого связано с отношением к сфере профессиональной деятельности и образу Я. Отношение к профессиональной сфере, предположительно, составляет основу для оценки прошлого и определяет принятие себя реального и идеального. Отношение к настоящему связано с отношением к прошлому и будущему, выходу на пенсию и Я-реальному. Этот факт свидетельствует о том, что принятие настоящего, прошлого, будущего, факта выхода на пенсию и наличие позитивной Я-концепции можно рассматривать в качестве симптомокомплекса успешной посттрудовой адаптации. Отношение к будущему прямо связано с положительной эмоциональной окраской и структурой прошлого и настоящего, с системой Я и самоуважением, с детьми и внуками. Таким образом, в качестве фактора позитивного отношения к будущему выступают структурированность прошлого и настоящего, самопринятие и наличие детей и внуков.

Вербальный семантический анализ выявил, что прошедшее время воспринимается наиболее положительно. Оценки факторов чрезмерно преувеличены, средние значения превышают нормативные в 3 раза — прошлое идеализируется, что может быть обусловлено искажающим действием механизмов психологической защиты. Прошлое воспринимается более активным, насыщенным положительными эмоциями, имеющим более четкую структуру и ощущается острее. Восприятие настоящего времени также более оптимистичное по сравнению с нормативной выборкой, но несколько снижена его активность и ощущаемость, что может проявляться в отстраненности, в недостатке сил, некоторой статичности внутренней жизни.

Последние параметры могут быть связаны непосредственно с возрастом — ухудшением физического самочувствия и снижением психического тонуса. Восприятие будущего времени оптимистичное и положительное, соответствующее нормативной выборке; опрошенные достаточно структурированно и взаимосвязанно воспринимают события будущего, выстраиваясь в относительной логической стройности внутренней жизни, а эмоциональные реакции внутренне объяснимы. Но наряду с этим несколько снижена активность, ощущаемость и величина будущего, что может проявляться пассивностью, созерцательностью по отношению к будущему, которое сопряжено со сниженной интеллектуальной и эмоциональной вовлеченностью, отмечается сужение смысловой наполненности и личностной значимости происходящего в будущем.

Таким образом, выявлены отчетливые изменения восприятия и отношения к периодам жизни в поздней взрослости. Обнаружены также особенности отражения времени используемыми методиками. Так, вербальный семантический анализ описывает преимущественно восприятие качества протекания времени, тогда как цветосематический анализ показывает смысловое и ценностное насыщение периодов времени.

Крутолевич А.Н.

«Иллюзорность» посттравматического роста

Нарушение внутреннего равновесия вследствие травматического события влечет порой необходимость по-новому взглянуть на себя и окружающий мир. Положительные изменения вследствие травматических событий составляют основу концепта посттравматического роста («posttraumatic growth») (Tedeschi, Calhoun, 2004). Посттравматический рост включает в себя изменения в следующих сферах: повышение ценности жизни; увеличение значимости личных отношений, открытие новых возможностей, осознание собственной силы; интенсификация духовного сознания. Необходимым условием для посттравматического роста является переживание такого критического события, которое выходило бы за рамки существующих основополагающих понятий и компетенций по совладанию со стрессом. Страдание и боль, связанные с травматическим событием, запускают когнитивно-эмоциональный механизм обработки информации. При этом происходит постепенный переход от эмоционального дистресса к рефлексии травматического события и изменению значения данного события для человека (Zoellner et al., 2006).

С целью изучения вопроса проявления посттравматического роста как результата ежедневной рутинной конфронтации с травматическими собы-

тиями работников экстремальных служб в исследовании использовались данные работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и работников скорой медицинской помощи. Гипотетически рассматривались вопросы о прямой взаимосвязи между уровнем вторичной психической травматизации работников экстремальных служб и уровнем посттравматического роста, а также о протективной функции посттравматического роста в отношении психического здоровья. Для определения уровня психической травматизации использовался опросник Secondary Trauma Questionnaire (Motta, Joseph, 1998), для оценки физического и психического здоровья использовалась шкала Short Form Health Survey (Ware et al., 1996), для определения уровня посттравматического роста работников экстремальных служб — Posttraumatic Growth Scale (Tedeschi, Calhoun, 1996). В исследовании участвовали 168 человек, из них 77% — мужчины и 23% — женщины.

Анализ полученных данных показал, что на момент проведения исследования 13,1% работников экстремальных служб соответствовали критериям вторичной психической травматизации. 50% опрошенных отметили у себя проявления посттравматического роста вследствие их конфронтации с травматическими событиями. В данном исследовании была выявлена статистически значимая выраженная прямая взаимосвязь между посттравматическим ростом и вторичной психической травматизацией работников экстремальных служб ($r = ,42$, $p = 0,007$). Похожие результаты подтверждаются результатами других исследований (Tang, 2007; Lurie-Beck et al., 2008). Корреляционный анализ посттравматического роста и функционального уровня психического здоровья не выявил статистически значимой взаимосвязи между двумя параметрами ($r = -,14$, $p = 0,079$), а для взаимосвязи физического здоровья и посттравматического роста коэффициент корреляции составил $-,14$ при $p = 0,078$. Полученные корреляционные показатели позволяют предположить, что посттравматический рост не является салютогенным фактором и, возможно, не связан со снижением психопатологической симптоматики посттравматического стрессового расстройства.

В дополнение к полученным данным можно привести результаты лонгитюдного исследования, проведенного в 2011 году Ш. Декель и ее коллегами, которое подтвердило ранее обозначенное заключение об иллюзорности «посттравматического роста» или о «двуликом Янусе» (Zoellner, Maercker, 2006; Dekel et al., 2011). Так, пережитое стрессогенное событие является достоверным предиктором развития посттравматического стрессового расстройства с последующим посттравматическим ростом ($r = ,47$, $p < 0,001$). Однако посттравматический рост в настоящем не снижает риска развития посттравматического стрессового расстройства и проявления посттравматической симптоматики вследствие пережитого травматического события

($r = ,04$, $p > 0,05$). Несмотря на логичность умозаключения о протективной функции посттравматического роста в отношении психического здоровья человека, отсутствие взаимосвязи между этими двумя параметрами подтверждает ранее сделанные в других исследованиях выводы о том, что адаптация к стрессу, которая приводит к улучшению психического здоровья, и посттравматический рост являются совершенно разными феноменами (Zoellner, Maercker, 2006).

Куповых Ж.Г.

О разработке методики диагностики стиля детско-родительских отношений

Особенности детско-родительских отношений определяют становление у подростка чувства взрослости и развитие его самосознания, которое, в свою очередь, является основой для дальнейшего самоопределения личности. Одновременно с этим система детско-родительских отношений претерпевает в подростковом возрасте серьёзные изменения (Смирнова, Быкова, 2000; Карабанова, Поскребышева, 2011). Диагностика особенностей детско-родительских отношений является важной и необходимой как для практикующего психолога-консультанта, так и для психолога-исследователя, который ставит целью выявление тех или иных особенностей развития в связи со стилем детско-родительских отношений.

При всех имеющихся достоинствах несовершенство существующих методик мы видим в том, что результаты их применения преимущественно позволяют выявить особенности тактик воспитания (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, В.Е. Шафер) и типов отношения родителей к подросткам (А.Я. Варга, В.В. Столин, И.М. Марковская) и не позволяют установить тот или иной стиль детско-родительских отношений, лежащий в плоскости между родителем и подростком и их объединяющий. Также шкалы перечисленных методик позволяют «измерить» достаточно универсальные параметры родительского отношения и тактик воспитания (контроль, требовательность, эмоциональная дистанция, принятие и др.) без их соотнесения со специфическими задачами развития в подростковом возрасте и без учёта реакции подростков на указанные тактики воспитания и типы отношения.

Разрабатываемая методика выгодно отличается от существующих, во-первых, направленностью на диагностику позиции подростка в детско-родительских отношениях, что позволяет психологу-консультанту получить информацию о поведении подростка в большей степени прямым путём, а не со слов родителя. Во-вторых, в разрабатываемой методике предусмотрена диагностика выполнения возрастных задач развития: изменение системы

отношений с родителями — от отношений детской инфантильной зависимости либо негативизма к отношениям принятия и сотрудничества.

Ввиду того, что задания носят открытый характер и подросток должен ответить на вопрос родителя так, как бы он ответил в реальной ситуации, снижается эффект социальной желательности, который достаточно сильно проявляется при заполнении стандартной анкеты родителем.

Стиль детско-родительских отношений рассматривается нами как индивидуально-своеобразная система различных вариантов взаимоотношений родителя и подростка. На основе анализа литературы нами выделены критерии дифференциации стилей детско-родительских отношений по характеру взаимодействия подростка с родителем, раскрывающемуся через предпочтения в общении, восприимчивость к мнениям, принятие помощи в разных ситуациях, выполнение «мягких» указаний или приказов родителя (Макушина, 1998).

Разработанная нами методика относится к полупроективным процедурам. Стимульный материал представлен набором из 24 рисунков, на которых схематически изображены ситуации взаимодействия подростка с родителем, над изображением родителя помещён текст. Задача подростка — написать свой ответ. На основании анализа результатов 204 подростков разработана таблица стандартных ответов, позволяющая отнести каждый ответ к категории «гармоничный стиль» либо «дисгармоничный стиль» (представленный, в свою очередь, категориями «конфликтная форма» либо «зависимая форма»). Проведение методики на 130 подростках выявило её достаточную внутреннюю надёжность и согласованность вопросов (по формуле Спирмена-Брауна, коэффициент $r_{xx} = 0,77$, коэффициент Кронбаха $\alpha_k = 0,68$). Ретестовая надёжность методики определялась на выборке из 50 подростков, интервал повторного прохождения методики составил две недели. Коэффициент корреляции Пирсона составил 0,72 (по t -критерию Стьюдента $t_{эмп.} > t_{кр.} (7,2 > 3,551)$). Это свидетельствует о значимости результатов на уровне $p \leq 0,001$ и достаточной ретестовой надёжности методики. Конструктивная валидность оценивалась путём сравнения результатов разработанной методики с результатами известного и подтвердившего валидность опросника родительского отношения А.Я. Варга, В.В. Столина. В результате корреляционного анализа были обнаружены умеренные корреляции шкалы «Гармоничность» со следующими шкалами опросника ОРО: «Принятие/отвержение» ($r_s = -0,697$, $p \leq 0,001$), «Кооперация» ($r_s = 0,5688$, $p \leq 0,001$), «Симбиоз» ($r_s = -0,452$, $p \leq 0,01$), «Контроль» ($r_s = -0,543$, $p \leq 0,001$), «Инфантилизация» ($r_s = -0,608$, $p \leq 0,001$). Корреляционный анализ шкалы «Конфликтность» со шкалами ОРО показал следующие результаты: «Принятие/отвержение» ($r_s = 0,534$, $p \leq 0,001$); «Кооперация» ($r_s = -0,654$, $p \leq 0,05$), «Сим-

биоз» ($r_s = 0,567$, $p \leq 0,001$), «Контроль» ($r_s = 0,652$, $p \leq 0,001$), «Инфантилизация» ($r_s = 0,574$, $p \leq 0,001$). Корреляционный анализ шкалы «Зависимость» со шкалами ОРО показал следующие результаты: «Принятие/отвержение» ($r_s = 0,034$ — незначимая связь ($t_{эмп.} > t_{кр}$ ($0,258 < 2,002$)), «Кооперация» ($r_s = -0,343$, $p \leq 0,05$), «Симбиоз» ($r_s = 0,642$, $p \leq 0,001$), «Контроль» ($r_s = 0,532$, $p \leq 0,001$), «Инфантилизация» ($r_s = 0,429$, $p \leq 0,01$). Таким образом, на пилотажном уровне нами подтверждена внутренняя надёжность, а также конструктивная валидность предлагаемой методики, на основании чего мы делаем вывод о том, что её применение позволяет зафиксировать качественные характеристики детско-родительских отношений в подростковом возрасте и составить представление об их стилевых особенностях.

Курлова А.А.

Проблемы профессиональной самореализации выпускников вузов

Профильное образование во многом определяет качество профессиональной деятельности каждого человека. Считается, что образование есть тот ресурс, который позволяет индивиду развиваться в статусе специалиста и обеспечивать материальные условия своего существования. В наши дни наличие диплома об образовании не обязывает строить карьеру в рамках освоенной специальности и в то же время не гарантирует возможности реализовать себя в соответствии с полученной в вузе специализацией.

Выбор темы этой статьи обусловлен определенными противоречиями современной системы высшего образования: между доступностью получения диплома и сложностью практического применения полученных знаний — существенными проблемами трудоустройства выпускников.

В качестве гипотезы принято предположение о связи учебной мотивации и особенностей профессиональной самореализации выпускников вузов. В работе использовались методы поперечного и продольного срезов: данные получены на основании результатов двух этапов (до и после окончания вуза) авторского исследования 62 выпускников факультета психологии СПбГУ и инженерного направления Горного университета.

Статистический анализ данных, проведенный с помощью U-критерия Манна — Уитни, показал, что существуют различия в отношении студентов к учебе: основным мотивом к обучению на факультете психологии является интерес к науке ($p < 0,01$), а учащимся технического профиля присущ мотив освоения престижной специальности ($p < 0,05$). В результате корреляционного анализа, проведенного на основе критерия Спирмена, выявлено, что самооценка знаний студентов связана с мотивом освоения престижной профессии ($p < 0,05$), а самооценка степени развития профессионально важных

качеств обратно коррелирует с трудозатратами ($p < 0,05$). Эти данные, на наш взгляд, соотносятся с сократовским посылом «*scio me nescire*» — «чем больше я знаю, тем больше я не знаю»: те студенты, чьи затраты временных и энергетических ресурсов велики, не считали себя достаточно подготовленными к профессиональной деятельности.

Получение образования является первым этапом процесса профессионального развития, обусловленного как социальной ситуацией, так и возможностями самого индивида (Брель, 2002). Известно, что качества личности, необходимые для успешного обучения, не всегда совпадают с компетенциями, требуемыми для практической деятельности после окончания вуза (Ситаров, 2004). Большая часть выпускников-психологов не смогли найти работу по специальности (54,5%) и функционируют сейчас в других профессиональных сферах, 31,8% продолжают своё обучение, тогда как среди молодых инженеров работают 96,7% участников исследования.

Эти данные могут быть рассмотрены с позиции междисциплинарного подхода: с одной стороны, обращаясь к теориям профессиональных типов личности (Климов, 2004; Holland, 1985), полученные результаты можно интерпретировать как следствие связи индивидуальных характеристик человека с его поведенческими стратегиями. Поэтому особенности трудоустройства гуманитарных и технических специалистов могут быть опосредованы как экономическими факторами и современной конъюнктурой рынка труда (Рошин, 2008), так и личностными предпочтениями, которые находят своё отражение в обозначенных стратегиях. В своей работе мы выдвинули предположение о связи учебных стратегий с мотивацией на достижение успеха. Значимых результатов не было получено, но выявлено, что 64% трудоустроенных инженеров в меньшей степени были ориентированы на этот результат, чем еще профессионально не самореализовавшиеся гуманитарии.

Обращаясь к позициям сегодняшних работодателей, отметим, что в описании вакансий на должности, не требующие опыта работы, в большинстве случаев не значится условие обязательного высшего образования кандидата. Дипломированные же специалисты востребованы на рынке труда в основном лишь в случае наличия опыта работы по специальности. Таким образом, перспектива работы по специальности наиболее вероятна для выпускников, успевших приобрести реальный опыт еще за время обучения.

Итак, основываясь на полученных данных, можно сделать вывод о том, что профессионально заинтересованные студенты факультета психологии не получили в процессе обучения необходимых для успешной профессиональной самореализации навыков, в отличие от выпускников технического вуза, ориентированных на престиж специальности.

Более погруженное исследование этих проблем нам представляется через призму рассмотрения различий в профильных системах образования и в социально-профессиональных требованиях, предъявляемых к выпускникам.

Лебедева Г.Г.

Пузиков В.Г.

Психологическое благополучие студентов (на примере студентов медицинского вуза)

Актуальность изучения психологического благополучия определяется тем, что оно является одним из индикаторов социально-психологической адаптации, здоровья личности, отсутствия личностных кризисов. Высокое психологическое благополучие наблюдается при отсутствии профессионального выгорания, при высокой самореализации человека в личностной и профессиональной сфере. Понятие и категория психологического благополучия активно используются с 60-х гг прошлого века. В настоящее время в психологии не существует общепринятого научного определения данной категории, несмотря на широкую распространенность термина в литературе.

Наиболее часто психологическое благополучие рассматривается в контексте позитивного функционирования личности. По мнению К. Рифф, психологическое благополучие может быть определено как «интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования, как степень реализации данной направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью» (Ryff, 1995). К. Рифф выделила шесть основных компонентов когнитивной оценки психологического благополучия: «самопринятие», «автономия», «позитивные отношения с окружающими», «компетентность», «личностный рост», «цели в жизни».

С позиции субъектно-ресурсной концепции данные компоненты отражают проявление активности субъекта жизни (Водопьянова, 2014). Одним из ключевых понятий данной концепции является «ресурсная база», которая понимается как «сложное структурно-уровневое образование психологических ресурсов, доступных и вовлекаемых субъектом для решения значимых текущих задач и стратегических целей деятельности». В ресурсную базу входят механизмы разных уровней и систем регуляции.

В литературе подчеркивается, что психологическое благополучие учащихся является необходимым условием формирования учебной деятель-

ности и становления субъекта, важным результатом образовательного процесса (Водяха, 2013).

Было сделано предположение, что психологическое благополучие повышается по мере взросления на этапе вхождения в профессию, образование повышает и гармонизирует личность. Целью нашего исследования было сравнение психологического благополучия у студентов лечебного факультета 1-го и 6-го курса медицинского вуза. В исследовании приняли участие 108 студентов (48 чел. — 1-й курс, $M = 18,3$ г.; 60 чел. — 6-й курс, $M = 23,5$ г.).

Для исследования были использованы методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптированная Т.Д. Шевельковой, П.П. Фесенко П. (Шевелькова, Фесенко, 2005), «Опросник самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой (Мандрикова, 2010), «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта в адаптации И.И. Грачевой (Грачева, 2006), шкала общей самооффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996), определение ролевых позиций в межличностных отношениях по Э. Берну.

У студентов 6-го курса достоверно выше несколько показателей психологического благополучия по сравнению с 1-м курсом. Это показатели «компетентность» (1-й курс $M = 53,02 \pm 1,70$ и 6-й курс $M = 58,48 \pm 1,07$, $p = 0,008$), «личностный рост» (1-й курс $M = 56,26 \pm 1,67$ и 6-й курс $M = 62,91 \pm 1,04$, $p = 0,001$), «цели в жизни», (1-й курс $M = 54,26 \pm 1,76$ и 6-й курс $M = 61,65 \pm 1,24$, $p = 0,001$). Обнаружено, что у студентов 6-го курса в сравнении со студентами 1-го курса показатели психологического благополучия имеют более тесные связи с ресурсами разных уровней психической регуляции, а именно с показателями волевой регуляции (настойчивость, r -Пирсона = 0,38, $p \leq 0,05$; контроль, r -Пирсона = 0,42, $p \leq 0,01$), ценностно-смысловой регуляции (перфекционизм, ориентированный на других, r -Пирсона = -0,47, $p \leq 0,001$), диспозиционными ресурсами (позиция родителя, r -Пирсона = 0,34, $p \leq 0,001$) и ресурсами самоподдержки (самооффективность, r -Пирсона = 0,30, $p \leq 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о повышении психологического благополучия по мере повышения профессиональной компетенции, которое дает образование. Учитывая множественность направлений личностного роста, развитие профессиональной компетентности и повышение образовательного уровня студентов рассматривается в качестве одного из факторов, влияющих на повышение их психологического благополучия. Рост профессиональной компетентности студентов на этапе завершения их профессионального образования сопровождается развитием волевых, ценностно-смысловых и когнитивно-оценочных ресурсов, что способствует расширению «ресурсной базы» для последующих этапов эффективной профессионализации специалистов.

Леденева Ю.Ю.

Нарушения пищевого поведения у лиц с разным профилем латеральной организации

В развитых странах наблюдается стремительный рост количества случаев расстройств питания: за последние два десятилетия их число удвоилось. Согласно ряду исследований НПП имеют до 50% населения развитых стран (Николаева и др., 2011).

К числу основных видов расстройств пищевого поведения, которые способны существенно снизить субъективное качество жизни и повлиять на состояние здоровья людей, относят экстернальное, ограничительное, эмоциональное.

По нашему мнению, применение нейропсихологических знаний имеет большое практическое значение в рамках проблемы расстройств пищевого поведения. К настоящему времени показано существование четкой зависимости между профилем латеральности и особенностями протекания высших психических функций, динамическими характеристиками интеллектуальной деятельности, особенностями эмоционально-личностной сферы (Хомская и др., 1986). Неравнозначность полушарий является важным фактором адаптации к воздействию факторов внешней среды (Тонконогий, 1976). В связи с этим исследование пищевого поведения и его нарушений у людей с различным профилем латеральной организации мозга представляется достаточно актуальным.

Цель: исследование нарушений пищевого поведения у людей с различным профилем межполушарной функциональной асимметрии мозга. В исследовании приняли участие 117 человек, из них 77 женщин и 40 мужчин. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики: «Методика исследования профиля латеральной организации (ПЛО)» (Хомская, Ефимова, Будыка, Ениколопова. 1997); «Торонтская алекситимическая шкала»; методика «Локус контроля» Дж. Роттера; «Методика определения уровня депрессии» Т.И. Балашовой, анкета «Расстройства пищевого поведения», «Голландский опросник пищевого поведения», «Опросник для исследования мотивации», «Методика исследований индивидуальных стратегий совладания» Э. Хайма.

На первом этапе исследования нами были выявлены типы профилей латеральной организации мозга у участников. Так, 28% респондентов оказались чистыми правшами, 30% праворукие, 23% амбидекстры, 19% леворукие. Чистых левшей среди участников не было выявлено. Среди женщин преобладают праворукие — их 36%, среди мужчин преобладают чистые правши (35%) и амбидекстры (30%).

В результате анализа полученных данных было выявлено: по мнению самих респондентов, лишний вес имеют преимущественно леворукие — 70%. На диетах чаще сидят правши — 42%. «Обжорство» чаще наблюдается у правой (65%), и они чаще ощущают связанную с этим вину (38%).

При этом стоит отметить, что среди леворуких испытуемых больше тех, кто имеет ИМТ выше нормы. У остальных групп ИМТ в большинстве случаев находится в пределах нормы.

Далее было выявлено, что у чистых правшей наиболее часто встречающимся типом ПП является ограничительное ПП (43% испытуемых); далее — экстернальное ПП (30%); далее — эмоциогенное (1%); у 26% участников нарушенное ПП не было выявлено. У праворуких доминирует экстернальное ПП (33%), далее — ограничительное (26%), далее — эмоциогенное (15%); у 26% нарушенное ПП не было выявлено. У амбидекстров доминирует ограничительное ПП (57%), далее — экстернальное (18%), далее — эмоциогенное (1%); у 24% нарушенное ПП не было выявлено. У леворуких доминирует ограничительное ПП (51%), далее — экстернальное (24%), далее — эмоциогенное (1%); у 24% нарушенное ПП не было выявлено.

С целью выявления индивидуально-психологических особенностей мужчин и женщин с разными типами ПЛО нами был использован сравнительный анализ по критерию Н — Краскела — Уоллеса. В результате по уровню депрессии, алекситимии и доминированию статистически значимых различий не было выявлено у участников с разными типами ПЛО.

В связи с этим можно заключить, что расстройства пищевого поведения у людей с разными профилями латеральной организации могут проявляться одинаковыми симптомами и по внешним признакам никак не отличаться друг от друга.

В настоящее время мы провели предварительный анализ данных с помощью факторного анализа; у респондентов с разными типами ПЛО выявлены различные структуры взаимосвязей между переменными. Это позволяет заключить, что, несмотря на внешнюю схожесть нарушений ПП, они различаются механизмами формирования и доминирующими системообразующими факторами. В связи с этим одни и те же методы коррекции могут быть неэффективными для лиц с разными типами ПЛО. Таким образом, необходим индивидуальный подход и учет профиля латеральной организации в выборе стратегии психологической коррекции лиц с нарушениями ПП.

Линкевич К.В.

Влияние осмысленности на эффективность запоминания разных частей речи

Одной из наиболее спорных, но при этом актуальных как в научном, так и в практическом плане тем в последнее время является проблема смысла (Куриленко, 2014), а вместе с ней — проблема понимания, задачей которого является «осмысление, анализ знания, имеющего для субъекта проблемный характер» (Знаков, 2005). Описанное ниже исследование посвящено поиску экспериментального подхода к исследованию этих тем.

Основная идея данного исследования заключается в следующем: поскольку понимание в предложенном рассмотрении напрямую связано с осмысленностью, нам необходимо экспериментально показать наличие влияния осмысленности материала на процессы, посредством которых предполагается выявлять понимание респондентами некоторого текста. В частности, если понимание оценивается посредством пересказа текста (то есть в процессе припоминания испытуемый будет реконструировать структуру и смысл текста), нам необходимо показать, что результат припоминания изменится при возникновении понятного текста в сравнении с непонятым.

В психологии памяти было проведено немало экспериментов, посвященных изучению различий между запоминанием бессмысленных наборов букв, слов и осмысленных их сочетаний (Нуркова, 2006). Однако элементы стимульных списков (такие, как буквы в слове, слова в предложении), использованных в этих работах, считались равнозначными, что позволяло исследователям контролировать их общее количество. Однако в осмысленном тексте глаголы и существительные (чаще всего образующие основу предложения) несут иную смысловую нагрузку, нежели прилагательные, а значит, процесс их осмысления и, как следствие, припоминания может существенно различаться. Следовательно, пытаясь обнаружить влияние осмысленности текста на его запоминание, необходимо рассматривать структуру стимульного материала как неоднородную и отслеживать влияние осмысленности на разные категории элементов стимульного текста.

Для решения этой задачи было проведено пилотажное исследование, позволяющее в первом приближении оценить правомерность дальнейшей работы в этой области.

Теоретическая гипотеза исследования: существует значимая разница между эффективностью запоминания различных частей речи осмысленного и бессмысленного текстов. Это мы назовем «эффектом смысла»: запоминание элементов, второстепенных для структуры, но важных для реконструк-

ции смысла текста, происходит эффективнее при запоминании осмысленного текста, чем бессмысленного.

Статистическая гипотеза: прилагательные (как важные для понимания тонкостей описанной ситуации) будут запоминаться лучше в осмысленном тексте, чем в бессмысленном.

В качестве стимульного материала были взяты три текста: 1. осмысленный — первые 6 предложений рассказа К.Г. Паустовского «Желтый свет» (далее — Т1); 2. построенный ровно из тех же частей речи, что и Т1, в той же их грамматической связи, с той же пунктуацией, но бессмысленный текст — по сути, грамматически согласованный набор слов (далее — Т2); 3. аналогичный второму бессмысленный текст, в котором прилагательные были заменены такими, которые образуют устойчивые словосочетания с существительным, например, «белая скатерть», «черствый хлеб» и т. д. (далее — Т3). Все тексты были с одинаковыми (монотонными) интонациями зачитаны и записаны на диктофон. Они предъявлялись испытуемым аудиально один раз. Первая группа испытуемых (6 человек) слушала сначала Т2, далее — Т1. Вторая группа (8 человек) — сначала Т3, потом — Т1.

Задача испытуемых заключалась в том, чтобы после прослушивания каждого текста вспомнить и записать все прилагательные, существительные и глаголы, присутствующие в прослушанном тексте.

В результате статистической обработки данных (t-Стьюдента для зависимых выборок) были обнаружены значимые различия (1-я группа: $p = 0,07$; 2-я группа: $p = 0,01$) между процентом правильно запомненных прилагательных 1-го и 2-го прослушанных текстов (в отличие от существительных и глаголов): в бессмысленном тексте прилагательные запоминаются существенно хуже, чем в осмысленном.

Значимых различий в запоминании прилагательных, существительных и глаголов (по проценту правильных ответов от всех возможных) между группами обнаружено не было.

В данном пилотажном исследовании наша гипотеза о наличии «эффекта смысла» в ситуации припоминания не получила опровержения. В данный момент мы изменили стимульные тексты и проводим аналогичный эксперимент на большей выборке для возможности делать более обоснованные выводы о влиянии осмысленности текста на процесс его запоминания.

Лысковец А.Ю.

Мотивационный профиль личности студентов

Проблема развития мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов в современной системе высшего образования приобретает все

большее значение. В связи с этим становится необходимым более полный ее учет в практике обучения. Мотивация занимает одно из ведущих мест в структуре личности. В психологии данное понятие применяется при объяснении побудительных сил поведения и деятельности человека. Кроме того, понятие «мотивация» используется в двояком смысле: как обозначающее систему факторов, детерминирующих поведение (потребности, мотивы, цели, намерения, стремления), и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне. Мотивацию, таким образом, можно определить как «совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение и деятельность человека, его направленность и активность» (Маклаков, 2008). По мнению Р. Мартина, Ш. Ричи, мотивационный профиль личности — это индивидуальное сочетание наиболее и наименее актуальных для конкретного человека потребностей (Ричи, Мартин, 2004). Е.П. Ильчинская отмечает, что мотивационный профиль личности есть совокупность устойчивых мотивов, регулирующих и придающих целенаправленный характер деятельности студентов по овладению профессией, детерминирующих направленность личности на творческую самореализацию (Ильчинская, 2009, с. 13). Таким образом, мотивационный профиль личности представляет собой совокупность наиболее актуальных потребностей и устойчивых мотивов, социальных установок и ценностных ориентаций. Мотивационный профиль личности формируется и развивается в непосредственной связи с той системой деятельности и общественных отношений, в которую вовлекается человек по мере взросления. Активно участвовать в различных видах деятельности, расширять свои социальные контакты человек начинает в юношеском возрасте. Возникает более четкое понимание смыслов относительно жизни, взаимоотношений с людьми, так как данный возраст является сенситивным периодом для развития самосознания, осознания положения собственного «Я» в системе общественных отношений.

В связи с этим было проведено исследование, целью которого являлось изучение мотивационного профиля личности в юношеском возрасте. В исследовании приняли участие 35 человек (30 девушек и 5 юношей), студенты факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка. Для изучения структуры мотивации личности студентов использовалась методика «Мотивационно-эмоциональный профиль личности», разработанная В.Э. Мильманом, которая позволяет изучать мотивационные тенденции и профили личности (Мильман, 1990). Диагностические оценки относятся к семи мотивационным шкалам, составляющим мотивационный профиль личности. В ходе исследования было установлено, что прогрессивный мотивационный профиль в учебной

сфере имеют лишь 28,6% студентов исследуемой группы, регрессивный профиль — 31,4% и уплощенный мотивационный профиль — 40% выборки. Как свидетельствуют данные, большинство учащихся имеют уплощенный тип мотивационного профиля (40%), который отражает недостаточную дифференцированность мотивационной иерархии личности. При этом существует определенная ценность, устойчивость мотивационной направленности личности. При выполнении учебно-профессиональной деятельности студенты руководствуются различными мотивами в равной степени. Студенты с прогрессивным мотивационным профилем в учебной сфере характеризуются значительным превышением уровня развивающих мотивов над уровнем мотивов поддержания. Данный тип мотивационного профиля в большей степени характерен для социально направленной личности. Студенты с регрессивным мотивационным профилем являются полной противоположностью студентам с прогрессивным мотивационным профилем. Для них в большей степени характерно превышение общего уровня мотивов поддержания над развивающими мотивами. Доминирует направленность на удовлетворение личных мотивов поддержания жизнедеятельности, выражена тенденция к комфортному существованию, в том числе в социальной среде. Отсутствует некая социальная направленность, которая была характерна для предыдущего типа. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о преобладании среди современных студентов уплощенного мотивационного профиля.

Львова О.В.

Аллахвердов М.В.

Лексический подход к выделению параметров организационного контекста

С середины XX века исследователи в области организационной психологии пытались дать ответ, как и какие личностные качества сотрудника связаны с эффективностью его деятельности. Однако, как показывает ряд проведенных мета-аналитических исследований, личностные особенности являются слабым предиктором эффективности деятельности (Hurtz, Donovan, 2000; Barrick et al., 2001 и др.). В последнее время как отечественные, так и зарубежные исследователи все чаще отмечают, что контекст рабочей деятельности также должен оказывать влияние на эффективность сотрудников в рамках конкретной организации (Львова, Маничев, 2014; Johns, 2006; Farh et al., 2012 и др.). Однако если в области исследований личности уже имеются хорошо разработанные и принятые модели описания личностных характеристик, позволяющие оценивать их влияние на те или иные параметры, то

общепринятого мнения относительно состава характеристик и структуры организационного и рабочего контекста на данный момент нет (Frederiksen, 1972; Hattrup, Jackson, 1996; Kelley et al., 2003; Johns, 2006).

Одной из сложностей при изучении контекста, в том числе организационного, является методический вопрос формирования выборки ситуаций, на основе которой выявляются контекстные характеристики. Обычно для создания подобной выборки используется один из четырех методов: а) исследователь сам генерирует набор ситуаций, исходя из своих представлений; б) список ситуаций создается на основе самоотчетов испытуемых; в) исследователь просит испытуемых описать ситуации, в которых проявляются те или иные предложенные им параметры; г) список ситуаций генерируется на основе лексического анализа языка (Yang et al., 2006). По нашему мнению, в настоящее время четвертый метод является наиболее эффективным для изучения контекстных переменных, так как позволяет в большей степени преодолеть субъективность, присущую остальным методам, и создать объемную выборку ситуаций.

Исследователи используют разные вариации лексического подхода при изучении ситуаций. Так, в одной из известных работ в этой области для формирования выборки ситуаций автор выделил из словарей существительные, связанные, по его мнению, с ситуациями (Van Heck, 1984). Однако спорным в этой работе, помимо набора выбранных существительных, остается и выбор автором именно существительных для описания ситуаций. В другом исследовании для формирования выборки ситуаций эксперты отбирали из словарей идиомы (Yang et al., 2006). Данный подход, по нашему мнению, является более оправданным, так как идиомы как устойчивые выражения, сумевшие с течением времени укорениться в языке, очевидно описывают некоторые характеристики ситуаций, которые являются значимыми с точки зрения носителей языка.

Мы предполагаем, что на основе идиоматических выражений русского языка возможно создать выборку ситуаций, связанных с рабочей деятельностью, из которой в дальнейшем можно выделить характеристики организационного контекста. Так, в нашем исследовании мы планируем сформировать такую выборку ситуаций с помощью нескольких групп экспертов, представляющих сотрудников разных организаций, лингвистов и людей без опыта работы. Задачей экспертов будет распределить идиомы на категории, связанные с основными сферами жизни человека, среди которых будет категория «Работа». Затем сотрудникам из организаций разных типов будет предложено рассортировать отобранные экспертами идиоматические выражения, относящиеся к категории «Работа», по сходству. На основе полученных данных будет проведен кластерный анализ, который позволит выделить

параметры организационного контекста. Для верификации выделенных параметров планируется использовать методику SLT (Львова, Маничев, 2014), позволяющую эксплицитировать имплицитные представления сотрудников о контексте их рабочей деятельности.

Таким образом, мы считаем, что использование лексического подхода, а именно идиоматических выражений, на данный момент является перспективным для выделения параметров организационного контекста. Полученные в ходе данной работы результаты будут использованы нами в дальнейшем исследовании, посвященном изучению совместного влияния характеристик организационного контекста и личностных характеристик сотрудников на эффективность их деятельности.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15–36–01304а2.

Лю Ц.Ф.

Гендерные особенности адаптации к вузовскому обучению студентов Китая и России

Теоретическим посылом нашего исследования являются ранее установленные китайскими исследователями связи между конкретными показателями социальной адаптации к вузовскому обучению и гендером студентов. В этих исследованиях изучались различные направленности процесса адаптации. Например, в научной публикации группы китайских авторов «Взаимосвязь между гендерными ролями и адаптацией студентов» (респондентами являлись 220 студентов) были выявлены существенные различия между показателями мужчин и женщин по уровню адаптации, связанной с бытом ($T = -2,06$, $p < 0,01$), но не были выявлены гендерные различия в адаптации, связанной с обучением (Лу Мэйцзя и др., 2011). В другом недавнем исследовании, направленном на изучение динамики социальной адаптации студентов разного пола, были обследованы 697 студентов города Фучжоу. Полученные результаты отразили неравномерность динамики процесса адаптации. Выводы по данному исследованию констатировали: 1. Существует неравномерное развитие адаптированности у студентов Фучжоу по семи параметрам социальной адаптации. Самый высокий показатель адаптированности связан с повседневной жизнью, затем следуют показатели, отражающие физические и психические «симптомы» адаптированности, более низкими оказались показатели, отражающие успешность межличностной адаптации к окружающей среде и адаптивность к обучению. Наиболее низкие показатели относились к адаптированности в связи с профессиональным выбором. 2. Были выделены группы студентов с высоким, средним и низким уровнями адаптации. 3. В группе студентов с низким уровнем

адаптации выявлена гендерная специфика: показатели у женщин оказались значительно лучше, чем у студентов-мужчин. 4. Выявлены гендерные различия по нескольким характеристикам, отражающим динамику социальной адаптации: студенты-мужчины приоритетнее женщин в межличностной адаптации, адаптации к роли студента, самопомощи по показателям физических и психологических «симптомов». Однако у студенток выявлена более устойчивая тенденция к развитию адаптации, чем у студентов-мужчин. Обобщая информацию, полученную в этом исследовании, можно констатировать, что в развитии социальной адаптации у студенческой молодежи города Фучжоу выявлена специфика, связанная с гендером студента (Лю Цзяньжун и др., 2011).

В 2014 году нами было выполнено комплексное исследование процесса адаптации 93 бакалавров 1-го курса экономического факультета СПбГУ. Методы исследования: «Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда для выявления общего уровня адаптированности; опросник В.В. Бойко «Коммуникативная толерантность»; программа статистической обработки данных SPSS 20. Результаты исследования: 1. У российских студентов по шкалам, отражающим характеристики адаптации, имеет место неоднородность. 2. Выявлены гендерные различия по показателям уровня адаптированности: у женщин выше, чем у мужчин ($156,46 \pm 20,18$ и $155,95 \pm 14,59$) ($p < 0,05$). 3. Выявлено, что фактором, влияющим на адаптацию, является коммуникативная толерантность; толерантность женщин выше, чем у мужчин: ($46,28 \pm 15,97$ и $48 \pm 19,69$) ($p < 0,05$) (примечание: чем ниже балл, тем выше толерантность). 4. По выраженности коммуникативной толерантности выборку разделили на две группы: с высокой толерантностью ($n = 48$; $33,33 \pm 3,31$) и низкой ($n = 45$ $60,88 \pm 10,6$) ($p < 0,05$). 5. В группах с разным уровнем толерантности был констатирован разный уровень адаптированности: с более низкой толерантностью: $152,6 \pm 20,18$; с более высокими показателями $159,8 \pm 17,27$. 6. Корреляционный анализ показал, что значимые связи между исследуемыми факторами проявились только в группе респондентов, имеющих более выраженную толерантность, и оказалось, что эта характеристика и тенденции к асоциальным действиям (характеристика адаптированности) отрицательно взаимосвязаны ($-0,558$) ($p < 0,05$). Выводы: сравнительное исследование показало, что у обследованных китайских и российских студентов были обнаружены общие тенденции: степень адаптированности более всего зависит от уровня межличностной адаптированности (или уровня толерантности). Адаптационные показатели женщин оказались выше, чем у мужчин. Следовательно, студенты-мужчины менее устойчивы к дезадаптирующим факторам, сопровождающим начало обучения в вузе.

Малина Ю.В.

Особенности ценностной структуры пациентов с расстройствами личности и невротическими расстройствами

В работе Р. Эммонса показано, что цели и стремления определяют содержание сознания и тем самым качество нашей жизни (Эммонс, 2004). Ценностные ориентации зачастую рассматриваются как компонент структуры личности, характеризующий направленность и содержание активности индивида, определяющий общий подход человека к жизни, к себе, к окружающим. Ценности придают смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам.

Динамика внутренних конфликтов личности может отражать изменения в структуре ценностных ориентаций. Конфликты могут играть иницирующую роль в развитии психического заболевания. Неспособность индивида развернуть и расширить свою перспективу смыслов, его зафиксированное смысловое состояние приобретает статус личностного свойства и меняет все остальное психологическое содержание. Это может выразиться и в акцентировании личностных черт, и в формировании хорошо диагностируемых пограничных и патологических состояний и синдромов (Серый, 2005). Таким образом, статичность ценностной структуры, неумение расширить сферу своих интересов может стать иницирующим фактором развития расстройства личности или иных расстройств.

С другой стороны, болезнь является той ситуацией, в которой у человека могут измениться ценности, смыслы, привычное настроение, активность — вследствие нового образа жизни, отказа от того, что было важно. При заболевании есть риск появления барьеров, сложностей, стоящих на пути реализации ценностей. Будущее больного человека становится неопределенным, оскудевает, перестает соответствовать жизненным целям и ожиданиям, сложившимся до болезни (Рогачева, 2004; Малкина-Пых, 2007). Можно предположить, что особенности ценностной структуры будут связаны со степенью выраженности невротической симптоматики.

Целью нашего исследования выступило изучение особенностей структуры ценностей людей с расстройствами невротического спектра и с расстройствами личности.

В исследовании были использованы: «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева; «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» (SLC-90-R); «Методика диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой (Бубнова, 1995).

В исследовании приняли участие 48 человек: 14 мужчин и 34 женщины в возрасте от 19 до 62 лет, проходивших лечение в СПб ГБУЗ «Городская пси-

хиатрическая больница №7 им. акад. И.П. Павлова». Из них 24 имели диагноз «расстройство личности»: истерическое расстройство личности, конверсионное расстройство; 24 имели диагноз «невротическое расстройство»: смешанное тревожно-депрессивное расстройство, паническое расстройство, расстройство адаптации, тревожно-ипохондрическое расстройство, тревожно-фобическое расстройство. Для статистического анализа нами был выбран непараметрический критерий U Манна–Уитни и корреляционный анализ.

По данным методики SCL-90-R, в группе больных с расстройствами личности значения по каждому из параметров выше, чем в группе больных с невротическими расстройствами. У пациентов с расстройствами личности значения по некоторым факторам превышают норму в два и более раз: «соматизация», «депрессия», «тревожность», «фобическая тревожность», «психотизм», «общее число утвердительных ответов». Можно предположить, что у больных с расстройствами личности симптоматика проявляется и демонстрируется более интенсивно, нежели у больных с невротическими расстройствами.

По результатам методики «Тест смысложизненных ориентаций» оказалось, что оценка пациентами с невротическими расстройствами прожитого этапа жизни существенно ниже нормы ($p < 0,05$).

По результатам методики диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности было выявлено, что рост значимости ценности наслаждения прекрасным связан с ростом выраженности депрессивной симптоматики ($r = 0,52$; $p < 0,01$), ростом показателя обсессивно-компульсивных симптомов ($r = 0,49$; $p < 0,05$), общего индекса тяжести симптомов ($r = 0,51$; $p < 0,01$), враждебности ($r = 0,47$; $p < 0,05$) и тревоги ($r = 0,41$; $p < 0,05$).

Мы считаем, что более детальное изучение структуры ценностных ориентаций у разных нозологических групп больных может способствовать раскрытию механизмов этиопатогенеза и расширить инструментарий специалистов в области клинической диагностики.

Мальцева М.Н.

Цивилева О.В.

Использование канис-терапии для развития игровых и коммуникативных навыков у подростков с аутизмом

Аутизм характеризуется всесторонним, сильно выраженным дефицитом социального взаимодействия, коммуникации, стереотипными действиями, ограниченными интересами, консерватизмом (от тревожности к новому до резкой неophobia), нарушениями познавательной и игровой

деятельности при ненарушенном или незначительно сниженном интеллекте. Распространенность данного заболевания на 2012 год составляет 2% от популяции детей школьного возраста (CDC's National Center for Health Statistics and the Health Resources and Services Administration). Тревожность и страх по отношению к незнакомым людям, практическое отсутствие игровой деятельности и коммуникации создает серьезные препятствия воздействию психологов и педагогов. Сложности в абилитации подобных пациентов заставляют постоянно искать новые методики вмешательства.

Канис-терапия — метод медицинской и социально-психологической реабилитации (абилитации) со специально подготовленной собакой-ассистентом и вожатым-специалистом. Метод использует бесстрессовое обучение, моментальное подкрепление и невербальную коммуникацию, а также вызывает нейроэндокринный феномен снижения уровня кортизола и повышения уровня окситоцина в крови пациентов в присутствии собаки-ассистента (Beetz et al., 2012). Публикации показывают эффект канис-терапии при лечении аутизма (Silva et al., 2011), однако исследователи не выделяли конкретный дефицит, указывая влияние на пациента в целом. Также обследованные пациенты были исходно неоднородны по возрасту и тяжести состояния.

Гипотеза заключалась в том, что канис-терапия может влиять на снижение коммуникативного дефицита, способствуя развитию социального взаимодействия и игровой деятельности, что даст возможность обучать пациента и развивать у него навыки социального взаимодействия.

Для исследования в группу канис-терапии были отобраны подростки с диагнозом «аутизм» 16–17 лет, мужского пола, в количестве 8 человек. Также 7 пациентов с диагнозом «аутизм», мужского пола, возраста 16–17 лет в группу сравнения. Распределение по группам было обусловлено выбором родителей. Критерии отбора в исследование — однородность по шкале оценки детского аутизма (CARS), $p = 0,044$, по шкале Сирса $p = 0,866$. Выбор наблюдательной шкалы Сирса был обусловлен невозможностью опроса пациентов. Все пациенты не реагируют на обращенную речь, не говорят, не контактируют глазами, избегают близкого контакта с посторонними людьми (допускают сближение не более чем на 1–1,5 метра), при пересечении границы демонстрируют страх, аутоагрессию, издают крики. Все пациенты имеют стереотипию упорядочивания предметов. Часть пациентов привлекает мелькание предмета, часть — хождение по кругу. Пациенты поддерживают коммуникацию с близкими родственниками в виде выполнения простых команд (например, «надень ботинки» и т. п.). Группа сравнения посещала занятия в коррекционной школе, в классе из 4–5 человек, 4 раза в неделю, 9 мес. Группа канис-терапии школу не посещала, для них был разработан курс канис-терапии. Первые

5 занятий проводились индивидуально, с 6-го занятия пациенты были сгруппированы по 4 человека. Курс 9 мес., 1 раз в неделю.

На первом этапе родственники взаимодействовали с собакой на глазах у пациентов. Затем в действия с собакой вовлекался пациент. Пациентам, привлекаемых «мельканием», предлагалось бросать предмет, за которым бежала и который приносила некрупная собака; привлекаемым «кружением» предлагалось бегать по кругу с собакой на поводке. Дети включались в игры, начинали просить у родителей дать им собаку, затем они начинали обращаться жестами и взглядом к вожатым собак и даже инициировать тактильный контакт. Далее задачу усложняли, тормозя активность собак скрытыми командами. Для достижения желаемого дети были вынуждены активно обращаться за помощью к вожатым и научиться управлять собаками жестами и простыми командами.

По окончании курса в КТ-группе выявлены значимые изменения ($p < 0,05$) знаковый тест для Сирса $p = 0,013$; $p = 0,013$; для CARS $p = 0,023$ и $p = 0,023$ соответственно): появилась реакция на обращенную речь посторонних людей, просьбы о помощи жестами, простыми словами, сочетаниями двух слов, тенденция к внесению изменений в стереотипные игры.

Канис-терапия способствует развитию социально-коммуникативных навыков пациентов с аутизмом. Очевидно, требуются дополнительные исследования на большем количестве пациентов и при более длительном курсе.

Махаматова А.Ф.

Отношение студенческой молодежи к усыновлению детей

Опека и усыновление российских детей является весьма острой актуальной темой. По статистике информационно-консультационного портала Министерства образования и науки РФ, число усыновленных детей с 2007 по 2013 год неуклонно падает. По данным того же источника, в 2013 году было выявлено 68 770 детей, оставшихся без попечения родителей, а усыновлено лишь 8245 детей. Детские дома не являются полным или даже частичным решением проблем для многих детей с серьезными заболеваниями, неясно и то, где и как будут жить по достижении совершеннолетия выпускники, которые по состоянию здоровья не смогут самостоятельно себя обслуживать (Данилевич, 2013). По данным портала Министерства образования и науки РФ, в 2013 году иностранные граждане усыновили 68 детей-инвалидов, в то время как наше собственное государство не способно обеспечить доступ к дорогостоящему лечению всем нуждающимся детям-сиротам.

Исследование, проведенное Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, показало, что лишь 1% населения России ока-

зал реальную помощь сиротам. В первую очередь сирот на воспитание брали родные бабушки и дедушки, далее следовали молодые пары, не способные иметь детей, одинокие женщины «на грани детородного возраста», молодые состоятельные пары и, наконец, пары зрелого возраста, уже вырастившие собственных детей. Причинами отказа от усыновления были названы бедность, неудовлетворительные жилищные условия, неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие достаточной государственной поддержки (Карпицкая, 2013).

Целью нашего исследования было выявление связи между намерением усыновить ребенка и социально-демографическими характеристиками студентов. В октябре 2014 года мы опросили студентов 6 факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. В исследовании приняли участие 542 студента, среди них 163 (30,1%) юношей и 379 (69,9%) девушек. Средний возраст составил 19,5 года ($SD = 2,0$). В зарегистрированном браке состояли 2,2% студентов, 7,2% — в фактическом (гражданском) браке, 0,7% овдовели, один респондент был разведен, двое отказались от ответа, 89,3% студентов не состояли в браке. Детей имели 0,7% опрошенных. Двух детей планировали завести в будущем 40,2% студентов, трех — 19,4%, одного — 9,2%, ни одного — 7,7%, 23,5% респондентов затруднились ответить.

Лишь 13,3% студентов рассматривали возможность в будущем усыновить ребенка или взять ребенка под опеку. При этом девушки значимо чаще молодых людей рассматривали возможность усыновления (15,6% и 8,0% соответственно, $\chi^2 = 14,75$, $p \leq 0,01$).

Отсутствие возможности иметь собственных (биологических) детей считали очень важными для принятия решения об усыновлении 57,7% всех опрошенных, в какой-то степени это было важно для 24,9% респондентов. Отношение к усыновлению супруга или супруги было очень важно для 64,2% студентов, менее важно — для 22,7% опрошенных. Отношение к усыновлению других родственников и друзей было очень важным для 4,2%, в какой-то степени важным для 39,3%. Собственное состояние здоровья играло большое значение для принятия решения об усыновлении в 51,8% случаев, в какой-то степени это играло роль для 34,7% студентов. Состояние здоровья усыновляемого, скорее всего, сильно повлияет на решение об усыновлении в 46,9% случаев, в какой-то степени повлияет на решение 39,3% опрошенных. Возможность сохранить усыновление в тайне было бы решающим для 4,1% студентов, чуть менее важным для 21% респондентов. Финансовое положение было бы очень важно для принятия решения об усыновлении в 55,9% случаев, в какой-то степени важно — в 33,4% случаев. Два респондента указали, что в какой-то степени им важна этническая принадлежность ребенка, один указал, что очень важен был бы возраст усыновляемого, еще одного в некоторой степени волновал вопрос «возврата ребенка».

Подавляющее число студентов не рассматривают возможность опеки или усыновления. По нашим данным, намерение усыновить детей зависит только от пола и не связано с возрастом, вероисповеданием или другими социально-демографическими характеристиками студентов. Очевидно, что усыновление — это совместное решение обоих супругов, поэтому мнение мужа или жены будет решающим для большей части респондентов. При этом реже всего значение придается тому, узнают ли окружающие о том, что ребенок был усыновлен, что может свидетельствовать о том, что усыновление — это нормативное поведение для нашего общества, особенно в случаях бесплодия или при высоком уровне финансового благосостояния и здоровья.

*Махаматова А.Ф.,
Суворова А.В.,
Устинов А.С.*

Приверженность лечению и характеристики социальной сети людей, живущих с ВИЧ

Как известно, высокоактивная антиретровирусная терапия не позволяет полностью излечить ВИЧ-инфицированных пациентов, но значительно продлевает их жизнь и улучшает ее качество. Соблюдение рекомендаций врача (приверженность лечению) является основным фактором эффективности терапии, поэтому большая важность придается изучению особенностей людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ), приверженных лечению.

В 2013 г. мы опросили 250 ВИЧ-позитивных пациентов Санкт-Петербургского СПИД-центра и отделений хронических вирусных инфекций двух поликлиник Санкт-Петербурга, принимающих антиретровирусную терапию. Мы попросили респондентов оценить в процентах долю принятых (от всех прописанных) антиретровирусных препаратов за последние 30 дней и последние 6 месяцев. В качестве объективного показателя приверженности мы использовали дихотомическую оценку анализов крови: положительная оценка ставилась в том случае, если последний показатель вирусной нагрузки (количество копий РНК ВИЧ на миллилитр плазмы крови) составил менее 50 копий вируса/мл, а последний по времени показатель количества CD4-клеток превысил два предпоследних показателя CD4. Мы применили модифицированную шкалу социальной сети (the Lubben Social Network Scale) Джеймса Лаббена (Lubben, 1988). Цель представленного анализа — сравнение характеристик социальной сети ВИЧ-позитивных пациентов, поддерживающих разные уровни приверженности. Доля лиц мужского пола в выборке составила 58%. Средний возраст респондентов — 34,9 лет (SD = 7,25 лет).

По данным самоотчета, за последние 30 дней приняли более 95% препаратов 75,2% пациентов, 95% и менее препаратов — 17,2% опрошенных, 7,6% респондентов затруднились оценить количество принятых таблеток. За последние 6 месяцев 66,8% респондентов приняли более 95% прописанных антиретровирусных лекарств, 23,2% — приняли 95% и менее препаратов, каждый десятый респондент затруднился ответить на вопрос. Положительную динамику показателей анализа крови имели 49,6% пациентов, для 3,2% опрошенных на момент исследования отсутствовали полные данные по анализам. Пациенты, которые сообщили, что приняли более 95% прописанных антиретровирусных лекарств за последние 6 месяцев, в среднем общаются с большим числом друзей (7,96 против 2,69 человек, $t = -3,436$, $p = 0,001$), как и те, кто сообщил, что приняли более 95% прописанных антиретровирусных лекарств за последние 30 дней (7,36 против 2,86 человек, $t = -3,242$, $p = 0,001$). Приверженные, по данным самоотчета (за последние 6 месяцев), ЛЖВ в среднем имеют возможность обсудить личные вопросы с большим числом друзей (5,3 против 1,76 человек, $t = -2,394$, $p = 0,018$), а также попросить о помощи в связи с ВИЧ-инфекцией большее число друзей (5,04 против 1,76 человек, $t = -2,074$, $p = 0,040$), при этом достоверно большее число этих ближайших друзей сами имеют диагноз «ВИЧ-инфекция» (4,62 против 1,02 человек, $t = -2,499$, $p = 0,013$). Те, для кого показатели анализов крови имели положительную динамику, указали достоверно большее среднее число друзей, которые сами имеют диагноз «ВИЧ-инфекция» (8,86 против 2,83 человек, $t = -2,242$, $p = 0,026$), а также большее среднее число друзей, употребляющих инъекционные наркотики (9,78 против 1,25 человек, $t = -3,085$, $p = 0,002$). Значимо большее среднее число друзей, употребляющих инъекционные наркотики, отметили и приверженные по самоотчету (за последние 30 дней) ЛЖВ (3,4 против 0,53 человек, $t = -2,243$, $p = 0,026$). Между двумя группами респондентов не было различий по субшкале «семья», тогда как были выявлены различия по субшкале «друзья». Это может свидетельствовать о том, что ЛЖВ получают необходимую для соблюдения рекомендаций врача поддержку от своих друзей, а не от членов семьи, которые либо не осведомлены о ВИЧ-статусе респондентов, либо по каким-то причинам не имеют возможности или желания оказывать помощь. Также вероятно то, что друзья могут быть более толерантными по отношению к ЛЖВ, особенно в случае, когда они сами имеют диагноз «ВИЧ-инфекция» или употребляют наркотики, то есть в целом практикуют то же поведение, что и сами респонденты. Большая терпимость, в свою очередь, может способствовать, опять же, оказанию социальной поддержки и смягчению трудных жизненных ситуаций. Можно сделать вывод о том, что необходимо активнее вовлекать ЛЖВ в группы самопомощи, привлекать «равных консультантов» к соци-

альной работе с пациентами. Работа выполнена при финансовой поддержке Интернационального центра Фогарти (Национальные институты здоровья США), грант № D43TW001028.

Мигунова Ю.М.

Рассказова Е.И.

Влияние субъективного смысла на возникновение телесных ощущений

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №14–36–01277.

В теоретическом плане проблема связи психики и возникновения телесных ощущений является одной из основных проблем психосоматики, а в более широком контексте является и интересом общей психологии и философии; на практике в решении этой проблемы видят ключ к пониманию соматоформных и ипохондрических расстройств. В психологии телесности и культурно-историческом подходе к психосоматике (А.Ш. Тхостов, В.В. Николаева, Г.А. Арина) субъективное переживание и личностный смысл телесных ощущений и соматических симптомов рассматриваются как основные факторы оформления соматических жалоб и хронификации соматических симптомов, хотя эмпирических исследований, проверяющих эти гипотезы, немного.

Цель исследования: выявление влияния личностного смысла телесного ощущения на вероятность его возникновения при выполнении задачи на саморегуляцию в ситуации истинной и ложной биообратной связи.

Гипотезы:

- 1) Возникновение телесных ощущений связано с характеристикой смысла этих ощущений: у респондентов чаще возникают ощущения при «положительной» инструкции (ПИ), в средней степени при «нейтральной» (НИ) инструкции и реже всего при «отрицательной» инструкции (ОИ).
- 2) Смысл телесных ощущений, задаваемый разными инструкциями, влияет на динамику психофизиологических показателей (ЧСС, ЭКГ, ФПГ, КГР) участников эксперимента.

В исследовании участвовали 30 человек, 14 мужчин и 16 женщин, средний возраст 22 года. Участники не имели тяжелых или хронических заболеваний в стадии обострения. Исследование проводилось в четыре этапа. На первом этапе проводилась экспериментальная манипуляция личностным смыслом телесных ощущений: участники в первой группе получали НИ (о том, что в процессе эксперимента могут возникать телесные ощущения); во второй группе — ОИ, задающую «негативный» смысл ощущений (говори-

лось, что в процессе эксперимента у людей, плохо контролирующих свои эмоции, имеющих внутренние проблемы, могут возникать телесные ощущения); в третьей группе — ПИ, задающую «позитивный» смысл ощущений (у людей творческих, с высокими когнитивными способностями и т. д.).

На втором и третьем этапах респонденты выполняли задание по регуляции своих психофизиологических показателей с помощью метода биообратной связи (БОС). На одном этапе БОС была истинной, на другом — ложной (то есть графические показатели на экране компьютера, предъявляемые участникам, не зависели от их действий и изменялись в случайном порядке); порядок этапов рандомизирован.

На четвертом этапе проводился опрос, направленный на выяснение возникновения телесных ощущений в процессе эксперимента и субъективной оценки успешности выполнения задания, а также предъявлялись опросниковые методики: скрининга соматоформных симптомов (SOMS-2, Rief, Hiller, 2003) и опросник когнитивных представлений о теле и болезни (САВАН, Rief et al., 1998), направленные на выявление склонности к формированию соматоформной симптоматики и ипохондрических представлений.

Данные, полученные в исследовании, находятся на стадии обработки, количественный анализ данных завершится к марту 2015 г. На данном этапе можно говорить о различиях на уровне тенденции в самооценке успешности выполнения задания (участники, получающие ОИ, оценивают свою успешность в выполнении задания ниже, чем участники, получающие НИ; $p < 0,05$). По результатам качественного анализа можно говорить о том, что инструкция разного типа провоцирует телесные ощущения в различных зонах тела (НИ — в области шеи и головы, ОИ — в области рук, пальцев и грудной клетки, ПИ — ощущения в различных областях тела). На основе полученных результатов можно сделать предварительные выводы, что концентрация внимания на собственных телесных ощущениях (усилия по целенаправленной их регуляции) в разной степени провоцирует возникновение телесных ощущений в зависимости от (1) экспериментально заданного смысла этих ощущений, (2) ложности/истинности БОС. Данные обсуждаются с позиций психологии телесности, в соответствии с которыми приписывание личностных смыслов телесным ощущениям является одним из ключевых процессов означения соматических симптомов и влияет на вероятность возникновения и особенности оформления телесных ощущений и соматических жалоб. Полученные данные позволяют предполагать, что выявленные факторы провокации телесных ощущений в норме могут играть ключевую роль в этиологии и патогенезе соматоформных расстройств и соматических симптомов, не имеющих органических оснований.

Миняхина К.А.

Особенности нарушений импрессивной стороны речи у больных ишемическим инсультом

Для постинсультных состояний характерны три основных варианта нарушений ВПФ (Левин и др., 2007): фокальные нарушения, вызванные очаговым поражением мозга и связанные с нарушением одной когнитивной функции; множественные когнитивные нарушения, не достигающие степени деменции; множественные когнитивные нарушения с выраженной социальной дезадаптацией и постинсультной деменцией.

Среди болезней системы кровообращения заболевания сосудов мозга составляют 39%. Показатели смертности от инсульта в России являются одними из наиболее высоких — 374 случая на 100 тыс. населения в год (Стародубцева, Бегичева, 2012).

Согласно патоморфологическому критерию инсульты подразделяются на три категории: ишемический инсульт (ограничение притока крови к головному мозгу), геморрагический инсульт (кровоизлияние в ткани мозга), смешанные инсульты (сочетание очагов ишемии и геморрагии) (Гусев, Скворцова, 2000). При этом ведущей формой инсульта является ишемический инсульт, который составляет 90–91% от общего числа (Стародубцева, Бегичева, 2012).

В прогностической картине ишемического инсульта наиболее тяжелые нарушения связаны с функцией речи.

В структуре речевой деятельности выделяют две основные формы: экспрессивная речь (устная и письменная речь); импрессивная речь (понимание устной и письменной речи). Необходимыми условиями для организации импрессивной речи является выделение фонематических признаков речи, понимание слова, понимание значения фразы или речевого высказывания.

Целью данного исследования является изучение особенностей нарушений импрессивной стороны речи у больных ишемическим инсультом. Исследование проводилось на базе неврологического отделения первичного сосудистого центра МБУЗ ЦРБ Выселковского района Краснодарского края. Исследовательскую выборку составили 20 пациентов в возрасте от 55 до 80 лет, находящиеся в остром периоде после перенесенного ишемического инсульта в бассейне левой мозговой артерии. Критерием для дифференциации выборки выступил период госпитализации: 1-я группа — менее суток с момента появления симптомов; 2-я группа — более одних суток с момента появления симптомов.

Диагностический инструментарий исследования представлен набором нейропсихологических проб Московского центра патологии речи и нейрореабилитации, направленных на исследование речи и невербальных психи-

ческих функций. Исследование речи включает блоки: импрессивная речь, письмо, чтение. Каждый блок содержит от 3 до 10 проб, каждая из которых содержит от 3 до 20 заданий. Оценка успешности выполнения каждого задания выполняется по 3-балльной шкале, где «3» — слабовыраженное нарушение, «1,5» — нарушение средней степени, «0» — грубое нарушение. Сравнительный анализ результатов успешности выполнения проб проводился по средним значениям.

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ особенностей нарушений импрессивной стороны речи у двух групп пациентов с инсультом, согласно которому пациенты, госпитализированные в период более одних суток с момента появления симптомов (2-я группа), имеют более грубые нарушения, в частности: в пробах на понимание значений слов, обозначающих предметы ($p\text{-level} = 0,02$); в пробах на понимание фраз, логико-грамматических и предложных конструкций ($p\text{-level} = 0,03$); в пробах на понимание значений слов, обозначающих действия ($p\text{-level} = 0,05$).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют об общем снижении протекания психических процессов в отсроченном периоде диагностики ишемического инсульта, выраженных нарушениях в структуре импрессивной стороны речи, позволяющих сделать вывод о том, что ранняя диагностика и своевременная медицинская помощь при инсульте способствуют снижению степени выраженности нарушений нейропсихологических процессов.

Насыров Р.М.

Особенности направленности в общении у студентов с различным уровнем мотивации власти

Исследование особенностей направленности личности в общении в связи с различными социально-психологическими и личностными факторами в отечественной психологии на сегодняшний день является актуальным (Братченко, 1987; Рюмшина, 2005). Однако изучение особенностей направленности личности в общении в связи с уровнем мотивации власти в научной литературе представлено недостаточно.

Мы предполагаем, что может существовать различное соотношение степени мотивации к власти и видов направленности в общении. Поэтому мы хотим проверить существование взаимосвязи между уровнем мотивации к власти и видами направленности в общении, а также существование различий видов направленности в общении у лиц с различным уровнем выраженности мотивации к власти. Целью нашей работы является изучение особенностей направленности в общении у студентов с различным

уровнем мотивации власти. Исходя из поставленной цели и гипотез работы были сформулированы следующие задачи: определить уровень мотивации власти студентов; выявить виды направленности в общении у студентов; определить степень взаимосвязи показателей мотивации власти с показателями направленности в общении; определить значимость различий видов направленности в общении у студентов с различным уровнем мотивации власти. В исследовании применялись следующие методики: «Направленность личности в общении» (Братченко, 1987), «Мотив власти» (Соломанидина, Соломанидин, 2005). В качестве эмпирического объекта исследования выступили 25 студентов юридического факультета и факультета военного обучения ЮФУ в возрасте от 19–23 лет.

В ходе исследования были получены следующие результаты: путем процедуры квантирования была выделена группа с высоким уровнем мотивации власти, куда вошли 11 студентов (44% выборки), и группа с низким уровнем мотивации власти, куда вошли 10 студентов (40% выборки). Группа со средним уровнем мотивации власти является малочисленной и в связи с этим не будет учтена в данной работе. При определении видов направленности в общении были получены следующие результаты. Диалогическая направленность в общении является доминирующей в данной выборке и была выявлена у 51,7% респондентов. Авторитарная направленность в общении выявлена у 19,4% испытуемых, манипулятивная направленность в общении была выявлена у 12%, индифферентная направленность в общении — у 8,2%, конформная направленность в общении — у 8,1%. Самые низкие показатели были выявлены у представителей альтруистической направленности в общении, она была выявлена у двух респондентов, что составляет 0,6%.

Для проверки первой гипотезы был проведен корреляционный анализ Спирмена на выявление взаимосвязи между показателями мотивации власти и показателями направленности в общении. Корреляционный анализ не выявил значимых связей между указанными показателями. Поэтому мы можем сказать, что первая гипотеза не подтвердилась. Работая со второй гипотезой, мы проверили, имеются ли значимые различия между видами направленности в общении в группах с высоким и низким уровнем мотивации власти. Для проверки значимости различий был использован U-критерий Манна — Уитни. Ни по одному виду направленности в общении в группах с различным уровнем мотивации власти значимых различий не было выявлено. Таким образом, вторая гипотеза также не подтвердилась.

Однако хочется отметить, что при сравнении средних значений мы обнаружили следующее: диалогическая и альтруистическая направленности в общении выражены в большей степени у студентов с высокой мотивацией власти. Кроме этого, авторитарная, манипулятивная, конформная и индиф-

ферентная направленности в общении выражены в большей степени у студентов с низкой мотивацией власти.

Исходя из полученных данных, можно сделать следующие выводы: 1) выявлены различия видов направленности в общении у студентов с различным уровнем мотивации. 2) выявленные различия статистически не значимы; 3) отсутствуют значимые корреляционные связи между показателями мотивации власти и видами направленности в общении.

Данное исследование является пилотажным и требует расширения выборки испытуемых.

Негрий В.А.

Психологическая защита и академическая успеваемость у школьников

Высокая академическая успеваемость учащихся не только является залогом успешного обучения в школе и поступления в высшие учебные заведения, но и играет важную роль в дальнейшей жизни школьников, делая их конкурентно способными в современном обществе. Изучение успеваемости учащихся происходило в разных теоретических традициях, но не в связи с особенностями психологической защиты учащихся.

Психологическая защита определяется как «совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего биопсихической цельности и устойчивости индивида» (Лапланш, Понталис, 1996, с. 145–146). Вместе с тем подобные изменения могут быть необходимы для перехода на новые стадии психического развития (этот переход предполагает кризис по Л.С. Выготскому), что особенно актуально для задач подросткового возраста. Отдельные формы личностной защиты принято называть защитными механизмами.

Учитывая, что обучение представляет собой процесс, приводящий к изменениям в психике учащегося — овладению новыми знаниями, навыками и умениями, мы считаем актуальным установление связей между способами функционирования защитных механизмов и академической успеваемостью.

В настоящем исследовании использовалась психодиагностическая методика «ЗМЛО» (защитных механизмов личности опросник), созданная В.А. Негрий и Д.А. Титковым (Негрий, Титков, 2012). В исследовании взаимосвязи ЗМЛ и школьной успеваемости участвовали 123 школьника (53 юноши и 70 девушек) в возрасте 15–18 лет из четырех средних учебных заведений. Все испытуемые прошли опросник «ЗМЛО», в качестве показателя успеваемости использовался средний балл, полученный как среднее арифметическое четвертных оценок.

Для анализа данных использовался линейный регрессионный анализ методом шагового отбора. Во всех случаях F-статистика Фишера значима на уровне $p < 0,001$. Полученные предикторы успеваемости на уровне значимости $p < 0,05$ — «Расщепление» ($\beta = -0,416$), «Идентификация» ($\beta = 0,312$) и «Отрицание» ($\beta = -0,162$). Стандартизованные коэффициенты регрессии β обозначают величину и знак вклада этого предиктора. Таким образом, предиктором высокой успеваемости выступает механизм личностной защиты «Идентификация», а предикторами низкой успеваемости — «Расщепление» и «Отрицание». Полученная модель регрессионного анализа объясняет 29,7% дисперсии.

Данные критерия Джонкхиера-Терпстра также свидетельствуют о различии на уровне значимости $p < 0,05$ по данным механизмам личностной защиты для трех групп учащихся с различной успеваемостью (низкой, средней, высокой). Согласно этому критерию успеваемость равномерно возрастает от низкой группы успевающих к средней, а затем к высокой в зависимости от возрастания частоты использования механизма идентификации, и, соответственно, успеваемость ухудшается — при использовании расщепления и отрицания.

Полученные корреляты успеваемости свидетельствуют о том, что учащиеся с высокой успеваемостью склонны использовать зрелый механизм защиты («Идентификация»), а учащиеся с низкой успеваемостью — примитивные («Расщепление» и «Отрицание»). Это свидетельствует в первую очередь о том, что эмоциональная зрелость, в основе которой лежат развитые механизмы защиты, благоприятствует более высокой школьной успеваемости. Напротив, школьники, использующие примитивные защиты, попадают в группу риска и требуют особого внимания в педагогической и психологической работе.

В заключение стоит отметить, что выявленная связь успеваемости и защитных механизмов личности свидетельствует о необходимости специально организованной психокоррекционной работы, учитывающей индивидуальный набор психологических защит учащегося, а также социальную ситуацию развития и ведущую деятельность в подростковом возрасте.

*Немцова Г.Д.
Ермак И.А.*

Мотивационный профиль личности студентов с разным уровнем перфекционизма

Изучение перфекционизма является достаточно новой проблемой для отечественной психологии. Феномен перфекционизма привлекает к себе

внимание как психологов-исследователей, так и практиков в связи с неоднозначностью его влияния на деятельность и эмоциональный статус личности (Грачева, 2006; Холмогорова, 2006; Соколова, 2009; Гаранян, 2010, 2012; Бескова, 2012; Воликова, 2012).

Перфекционизм в психологической науке определяется как «стремление личности к самосовершенствованию, безупречности во всем и является относительно устойчивой личностной чертой» (Бескова, 2012). Проводимые отечественными психологами исследования перфекционизма сосредоточены в основном на деструктивной ее форме (Гаранян, 2010; Парамонова, 2011; Холмогорова, 2006; Цыганкова, 2010). Несмотря на актуальность данной проблематики, эмпирических исследований конструктивного перфекционизма в отечественной психологии недостаточно.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей мотивационного профиля личности студентов с разным уровнем перфекционизма. Гипотезой исследования стало предположение о том, что группы студентов с низким и высоким уровнем перфекционизма имеют различные мотивационные профили. В группе с низким уровнем перфекционизма доминируют мотивы, направленные на поддержание жизнеобеспечения и комфорта, а в группе студентов с высоким уровнем перфекционизма доминируют мотивы, направленные на проявление общей и творческой активности.

В исследовании приняли участие 75 студентов минских вузов в возрасте 19–22 лет. В исследуемой выборке преобладали девушки — 67 человек (89,3%). Для изучения перфекционизма использовалась методика «Многомерная шкала перфекционизма» (Hewitt, Flett, 1989; адаптация Грачевой, 2006). Для исследования мотивационного профиля студентов была использована методика В.Э. Мильмана, направленная на изучение мотивационной направленности и структуры личности (Мильман, 1990).

Данные, полученные в ходе исследования, указывают на преобладание низкого уровня перфекционизма среди студентов. Было установлено, что 93% испытуемых имеют низкий уровень по шкале «перфекционизм, ориентированный на себя». У 7% респондентов определен средний уровень, студентов с высоким уровнем не выявлено. Высокий уровень показателей по шкале «перфекционизм, ориентированный на других» выявлен у 13% респондентов, средний уровень у 12%, низкий уровень показали 75% студентов. Следует отметить повышение уровня социально предписанного перфекционизма (высокий уровень — 7%, средний уровень — 39%), представляющего собой склонность приписывать значимым другим нереалистичные требования и ожидания, которым необходимо соответствовать, чтобы заслужить одобрение и принятие. Согласно полученным данным студенты с высоким уровнем перфекционизма характеризуются «прогрессив-

ным» мотивационным профилем с доминированием развивающих мотивов. Мотивационный профиль студентов со средним уровнем перфекционизма характеризуется уплощенным, маловыразительным профильным рисунком. Данный факт отражает недостаточную дифференцированность мотивационной иерархии личности, ее бедность. У студентов с низким уровнем перфекционизма выявлен «регрессивный» мотивационный профиль с доминированием внешних мотивов, направленных на поддержание жизнеобеспечения и комфорта. Необходимо отметить, что студенты с низким уровнем перфекционизма и студенты с высоким уровнем перфекционизма характеризуются смешанным стеническим эмоциональным профилем, выражающим определенную разнонаправленность внутри эмоциональной сферы личности. Студенты со средним уровнем перфекционизма обладают астеническим эмоциональным профилем, что указывает на наличие неудовлетворенности значимых потребностей студентов в рамках имеющегося учебно-воспитательного процесса вуза, переживание амбивалентных эмоций в процессе обучения. Таким образом, полученные данные указывают на существование различий в структуре мотивационного профиля студентов с разным уровнем перфекционизма. Это позволяет предположить, что мотивационная структура личности может изменяться в результате взаимодействия студентов с внешними факторами, однако характер и направленность этих изменений связаны с теми личностными свойствами, которые детерминируют исходные соотношения мотивационных компонентов.

Никифорова Е.А.

Методологические проблемы изучения феномена понимания: историческая ретроспектива

Феномен понимания на сегодняшний день представляет собой сложную междисциплинарную проблему. Не одну сотню лет он привлекает внимание психологов (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Л.М. Веккер, В. Кёлер), философов (В.В. Розанов, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г.-Г.Гадамер), литературоведов (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), семиотиков (Ю.С. Степанов), когнитивных лингвистов (Дж. Лакофф) и др. Нашей задачей стало проследить развитие представлений об этом феномене и сравнить различные методологические подходы, сформировавшиеся в разное время.

Впервые феномен понимания стал одним из центральных вопросов западноевропейской науки в XVII веке благодаря развитию теории познания. В ее рамках существовало два основных подхода к пониманию: как к познавательному процессу, сопоставимому с наблюдением, описанием, объяснением, и как к форме освоения действительности через раскрытие

и воспроизведение смыслового содержания всех её составляющих. А уже в первой половине XIX века оформилась герменевтика как самостоятельная наука о понимании. Ее основоположником принято считать Ф. Шлейермахера. Он первым обратился к изучению природы понимания, расширил границы возможных объектов понимания. Ф. Шлейермахер также подчеркивал, что, независимо от объекта понимания, итогом данного процесса является понимание личности автора, создавшего тот или иной объект. Герменевтика рассматривает понимание как способ бытия, а его истоки ищет в культурно-историческом контексте возникновения понимания (Шлейермахер, 1994; Брудный, 2005).

В XX веке начинает активно развиваться психология мышления. Согласно исследованиям гештальтпсихологов: В. Кёлера, М. Вертгеймера, К. Дункера — решение задачи достигается путем инсайта (внезапного понимания структуры проблемной ситуации). Приверженцами Вюрцбургской школы был впервые поднят вопрос об участии образов в процессе мышления и введено понятие «безобразного» мышления. Изучение феномена понимания в рамках отечественной психологии связано прежде всего с именами Б.В. Зейгарник, А.Р. Лурии, Л.М. Веккера. Работы Б.В. Зейгарник (Зейгарник, 1986) и А.Р. Лурии (Лурия, 2006) расширили представления об особенностях работы процесса понимания (в т. ч. переносных смыслов) у лиц с различными психопатологиями и органическими поражениями мозга. Л.М. Веккер определил понимание как процесс адекватного и взаимобратимого перевода с языка образов на вербальный язык (Веккер, 1976), ввел термин «словесно-образный перевод», ставший одним из ключевых для исследования мышления в отечественной традиции.

В середине XX века начинает формироваться когнитивная традиция, внесшая существенный вклад в развитие новых подходов к изучению понимания. Акцент в изучении этого феномена сместился на установление соотношения между структурой объекта понимания и индивидуальным контекстом, в который включается полученное знание и с помощью которого оно интерпретируется. Это дало возможность исследователям углубиться в структуру самого процесса понимания: были выделены его характеристики, формы и условия (Смирнов, 1966).

В 80-е годы в психологии сформировался еще один взгляд на проблему понимания. Дж. Брунер (Bruner, 1986) выделил два основных типа понимания: парадигматический — направленный на непосредственное восприятие мира, и нарративный — отражающий то, как реальность трансформируется в рассказах человека. Преимущество последнего подхода в том, что он позволяет выявить индивидуальные особенности интерпретации и понимания. Сегодня проблема понимания чаще всего анализируется в тесной

связи с понятиями «эмоционального интеллекта» (Тоулман, 2008; Сергиенко, Ветрова, 2010) и «theory of mind» — «способности к построению модели сознания Другого» (Герасимова, Сергиенко, 2004; Щербакова, 2009; Осорина, 2010). В этом случае подчеркивается важность согласованной работы когнитивных и эмоциональных компонентов психического для построения адекватной смысловой репрезентации.

Многие науки относят проблему понимания к сфере своих интересов, однако психология в её решении занимает особое положение. Несмотря на запутанность изучаемого феномена и обилие противоречий, существует ряд научных подходов, каждый из которых открывает определенные возможности для дальнейшего изучения. Наиболее целесообразным нам кажется сочетание герменевтического и когнитивного подходов, позволяющее наиболее полно проанализировать интересующий нас феномен и совместить логико-гносеологическое и ценностно-смысловое начала научного анализа.

Нурмухаметов Э.А.

К вопросу о восприятии рекламной информации личностью в современном мире

Проблема восприятия рекламной информации является одной из самых насущных в современном обществе в результате быстрого развития средств массовой коммуникации. Сегодня в условиях утверждающихся рыночных отношений этот вид информации перестает быть сугубо экономическим атрибутом и становится своеобразным элементом массовой культуры. У рекламы появляется возможность влиять и обогащать искусственными образами и стимулами, зачастую чужеродными для природы человека, картины мира субъектов общества. Несмотря на то, что в психологической литературе имеются многочисленные исследования, затрагивающие проблему восприятия рекламной информации, в большинстве своем они имеют практическую направленность (У. Скотт, Г. Мюнстерберг, К. Шульте, А. Рейсвица, И. Стронг, Д. Старч, К. Йеркс, И. Лисинский, М. Шорн, О. Кюльпе, В. Геллер, К. Марбе, Р. Сейфферт и др.), тогда как в теоретическом ключе психологический аспект данной проблемы является малоизученным. Все это создает проблему непонимания и, периодически, неправильного использования знаний психологии рекламы. Возникает необходимость в изучении рекламной информации на основе психологических знаний, что позволит более успешно прогнозировать влияние рекламы на личность, снизить отрицательный эффект от просмотра рекламной информации, лучше понимать особенности восприятия рекламной информации.

Целью данной работы явилось выявление связи между воспринимаемым образом рекламной информации и индивидуально-психологическими характеристиками. В связи с этим потребовалось провести анализ состояния разработанности проблемы восприятия рекламной информации и индивидуально-психологических характеристик личности в работах отечественных и зарубежных исследователей, а также проанализировать и подобрать методики для изучения индивидуально-психологических характеристик личности, особенностей восприятия рекламной информации и их взаимосвязи. Исходя из поставленных цели и задач исследования, мы выдвинули предположение о наличии связи между индивидуально-психологическими характеристиками личности и категориальной структурой восприятия рекламной информации — в частности, с когнитивными, эмоциональными, поведенческими, этическими и эстетическими особенностями восприятия печатной рекламной информации.

В результате проведенного эмпирического исследования было установлено, что имеется связь между показателями Калифорнийского психологического опросника и семантического дифференциала. Были выявлены корреляции между фактором «Sa» («самопринятие») и шкалой «освежающая — безжизненная» ($r = 0,454$ при $p < 0,01$); фактором «Sc» («самоконтроль») и шкалами «веселая — скучная» ($r = -0,436$ при $p < 0,01$), «жизнерадостная — тусклая» ($r = -0,433$ при $p < 0,01$), «оптимистичная — пессимистичная» ($r = -0,429$ при $p < 0,01$); фактором «Gi» («хорошее впечатление») и шкалой «пессимистичная — оптимистичная» ($r = -0,421$ при $p < 0,01$); фактором «Wb» («чувство благополучия») и шкалой «жизнерадостная — тусклая» ($r = -0,462$ при $p < 0,01$); фактором «Ai» («достижение через независимость») и шкалой «юмористичная — грустная» ($r = -0,436$ при $p < 0,01$); фактором «M/F» («мужественность/женственность») и шкалой «современная — старомодная» ($r = 0,424$ при $p < 0,01$). Отметим, что эмпирическое значение ранговой корреляции свидетельствует об обратной зависимости между переменными x и y , т. е. чем больше одна из них, тем меньше другая. Корреляционный анализ полученных данных частично согласуется с нашей гипотезой, позволяя утверждать, что некоторые индивидуально-психологические характеристики имеют связь с особенностями восприятия рекламной информации, зачастую с обратной зависимостью.

Таким образом, можно утверждать, что связь между эмоциональными особенностями рекламного сообщения и индивидуально-психологическими характеристиками, выражающими отношение человека к самому себе, характеристиками, описывающими общие черты характера, а также характеристиками, выражающими отношение человека к труду, существует. Кроме того, была выявлена связь между эстетическими особенностями и

характеристиками, выражающими отношение человека к труду. Также при повышении показателей индивидуально-психологических характеристик, выражающих отношение человека к самому себе, характеристик, описывающих общие черты характера, а также характеристик, выражающих отношение человека к труду, в основном, рекламная информация будет восприниматься менее эмоционально.

Огородникова Е.А.

Потявина В.В.

Психологический комплаенс пациентов перед операцией

Выполнение пациентом всех врачебных рекомендаций и назначений в рамках профилактики, лечения заболевания и реабилитации называется комплаентностью или комплаенсом (Вольская, 2013). Часто, в связи с легким доступом к Интернету, пациенты приходят к врачу, уже «поставив себе диагноз»; более того, распространены ситуации, когда пациент спорит с врачом в вопросе назначения лекарственного препарата и говорит, что нужен препарат «с иной фармакодинамикой».

Исходя из большой распространенности и социальной значимости гинекологической патологии, возрастает актуальность работ по исследованию комплаентности женщин с гинекологическими нарушениями.

Исследование посвящено изучению психологических факторов комплаентности женщин, готовящихся к плановой гинекологической операции. Изучаемая выборка составляет 27 человек — женщины 22–35 лет (средний возраст — 28,9 лет), готовящиеся к плановой диагностической операции — лапароскопии — в связи с гинекологическими нарушениями (наиболее часто: миома матки — 33%, эндометриоз — 24% и др.).

Гипотезы: 1) существует взаимосвязь между оценкой комфорта взаимодействия врачом и оценкой разговора с врачом о болезни и типами отношения к болезни; 2) Существует взаимосвязь между типом отношения к болезни и уровнем личностной тревожности; 3) Существует взаимосвязь между уровнем субъективного контроля и типом отношения к болезни у женщин, готовящихся к плановой гинекологической операции.

Для проверки выдвинутых гипотез мы использовали ряд психодиагностических методов и методик (клиническая беседа, «Модифицированная методика незаконченных предложений» Дж.М. Сакса — С. Леви, «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, «Шкала оценки личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина, «Методика определения типов отношения к болезни» (ТОБОЛ) Л.И. Вассермана).

Среди опрошенных 70,4% оценили разговор с врачом о заболевании и операции положительно, 22,2% — нейтрально, а 7,4% — отрицательно. Комфорт от взаимодействия с врачом предлагалось оценить от 1 до 7, где 1 — это «абсолютно некомфортно», а 7 — «абсолютно комфортно». Все оценки расположились в градации от 4 до 7: 52% оценили комфорт от взаимодействия на 7, 18,5% и 20 % респондентов оценили комфорт на 6 и 5 соответственно и лишь 7,5% оценили комфорт на 4 балла (нейтрально).

Было обнаружено, что у женщин, которые более высоко оценивали комфорт от взаимодействия с врачом, тип отношения к болезни был адаптивным, они обладали большей ответственностью за свое здоровье. Отношение к врачу, согласно проведенному анализу, взаимосвязано ($p < 0,01$) с отношением к разговору с врачом о предстоящей операции и заболевании в целом. Говоря об отношении к себе из-за болезни, необходимо отметить, что прослеживается взаимосвязь ($p < 0,01$) между положительным отношением к себе из-за болезни, оценкой комфорта от взаимодействия с врачом и оценкой разговора с врачом ($p < 0,01$) о болезни ($p < 0,05$). Особенности общения врача связаны с самоотношением пациента ($p < 0,05$), с уровнем его тревожности и типом отношения к болезни.

Уровень субъективного контроля по таким показателям, как «достижение», «неудача» и «здоровье» ($p < 0,01$), у респондентов связан с оценкой комфорта взаимодействия с врачом и оценкой разговора с врачом, а также с типом отношения к болезни. При ответственном подходе к отрицательному и положительному опыту в своей жизни и к своему здоровью женщины позитивнее оценивают влияние врача ($p < 0,05$) и им свойственны более гармоничные типы отношения к болезни ($p < 0,01$).

Анализируя полученные данные, можно говорить об обратной связи ($p < 0,01$) показателя тревожности с показателем оценки комфорта от взаимодействия и разговора с врачом ($p < 0,01$) и прямой связи с типом отношения к болезни ($p < 0,05$). Можно предположить, что женщины, обладающие меньшей тревожностью, склонны оценивать более позитивно свои взаимоотношения с врачом.

Полученные выводы в дальнейшем могут помочь в оптимизации комплаенса, что может привести к более быстрому и качественному лечению. Для достижения этой цели необходимо наладить более тесное сотрудничество между медицинским персоналом, в частности, врачами и клиническим психологом. Такой союз поможет пациентам на их пути к выздоровлению.

Одинец В.А.

Личностная основа профессиональной позиции будущих психологов

Настоящее время характеризуется глобальными изменениями в структуре общества, в сознании людей, определяя запрос на квалифицированную помощь специалистов помогающих профессий. По данным, представленным на федеральном портале российского образования на 2014 год, 463 вуза имеют факультеты и отделения, готовящие психологов-бакалавров. При этом практической деятельностью занимается не более трети выпускников. В связи с этим при подготовке профессиональных психологов особое внимание необходимо уделять не только приобретению студентами высокой квалификации, но и формированию продуктивной профессиональной позиции. Важна гармонизация профессиональной и личностной позиции специалиста, поскольку психолог работает собственной личностью, решая профессиональные задачи (Кудрявцев, 2005). В качестве основных составляющих профессиональной позиции студентов-психологов выделяем следующие компоненты: самоотношение личности: неприятие себя — принятие себя как будущего психолога; отношение к клиентам, располагающееся в континууме «технократический — гуманистический»; способы реализации профессиональной деятельности: адаптивный, пассивный — творческий, инициативный (Соколовская, 2010).

Цель нашего исследования — выявление связи профессиональной позиции с личностными особенностями студентов-психологов на завершающем этапе обучения. В исследовании принимали участие студенты-психологи 5-го курса факультета социальной работы, педагогики и психологии Вологодского государственного университета в количестве 29 человек. Для изучения характеристик профессиональной позиции студентов-психологов мы использовали экспресс-методику для выявления параметров профессиональных позиций (Шнейдер, 2004), для выявления личностных особенностей — пятифакторный опросник личности (5PFQ в адаптации А.Б. Хромова).

Рассмотрим личностные особенности студентов-психологов выпускного курса. По первому параметру «экстраверсия — интроверсия» мы получили высокий результат, равный 51,48, что отражает экстравертированную направленность психики человека. Ориентация на общение, на другого человека является важной составляющей профессиональной позиции психолога-практика. По второму параметру «привязанность — обособленность» студенты 5-го курса также получили высокие оценки (50,84), что отражает склонность позитивно относиться к людям. Фактор «самоконтроль — импульсивность» (50,88) свидетельствует, что для психологов-

выпускников в целом характерна волевая регуляция поведения. Четвертый фактор «эмоциональная устойчивость — эмоциональная неустойчивость» получил среднюю оценку (46,24), что свойственно лицам самодостаточным, уверенным в своих силах. Личностный фактор «экспрессивность — практичность» получил высокую оценку (54,32), что свидетельствует о проявлении эмоциональной экспрессивности у студентов-психологов.

Перейдем к рассмотрению основных параметров профессиональной позиции. Студенты-психологи высоко оценивают роль собственной активности в профессиональном будущем (9). Также на первый план в структуре профессиональной позиции выпускников выходят коммуникативные умения (7,08) и удовлетворение от помощи другим людям (7,56). Выпускники демонстрируют низкие оценки своего практического опыта в профессии (2,96). Возможно, это связано с тем, что студенты больше ориентированы на получение систематических теоретических знаний и испытывают недостаток получаемых в вузе практических навыков.

Далее мы применили непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. Получена обратная корреляционная связь между оценкой студентами-психологами коммуникативных навыков и фактором «экспрессивность — практичность» ($r_s = -0,414^*$), прямая корреляционная связь — между оценкой испытуемыми своих профессиональных знаний и личностными факторами «самоконтроль — импульсивность» ($r_s = 0,546^{**}$) и «экспрессивность — практичность» ($r_s = 0,530^{**}$).

Таким образом, выявлены следующие личностные основания профессиональной позиции студента-психолога: высоко оценивают свои профессиональные знания студенты, обладающие экспрессивностью, проявляющие интерес к различным сторонам жизни, доверяющие интуиции и чувствам, а также студенты с высоким самоконтролем поведения: добросовестные, ответственные, обязательные, точные и аккуратные. Готовность реализовывать профессиональные навыки в практической деятельности наблюдается у будущих психологов, демонстрирующих черты практичности, рациональности.

Орлов А.О.
Леонтьева М.М.

Анализ актуальных этических проблем в современной американской психологии

Прогресс в области дистанционных технологий, электронных систем хранения данных и других аспектах технической революции позволяет использовать новые возможности в сфере оказания психологической

помощи, а также в научно-исследовательской, преподавательской работе, однако предполагает более высокий уровень ответственности в вопросах профессиональной этики. Своевременное изучение подобного опыта в других странах служит превентивной мерой по созданию безопасных и качественных условий психологической деятельности в России. Сегодня в профессиональном сообществе американских психологов уделяется значительное внимание обсуждению этической проблематики.

Целью данного исследования стало изучение содержания статей о психологической этике в журнале *Monitor on Psychology* (ISSN 1529–4978) — официальном периодическом издании Американской психологической ассоциации (American Psychological Association (APA)). Материалом для сравнения стали 43 выпуска журнала, опубликованные с 2010 по 2014 год. В результате первичного анализа было отобрано 39 статей, в которых освещаются вопросы профессиональной этики психологов. Авторы обобщили полученные данные, выделив ключевые тенденции.

Повышение уровня организации и качества результатов научных исследований в психологии остаются важной частью дискуссий в американском психологическом сообществе (около 20% изученных материалов). Авторы обсуждают проблему современного мошенничества в сфере психологических научных исследований на примере случая Д. Стапея и его фальсификаций в социальной психологии (Breckler, 2012). В связи с этим поднимаются вопросы форм доверия в научных коллективах (Stanley, 2014) и предлагаются некоторые способы улучшения ситуации в этой области: поощрение большей открытости ученых для средств массовой информации, а также позитивное влияние обучения студентов этике (Price, 2010). Кроме того, большое внимание уделяется вовлечению педагогов и в школьные проекты по психологии с целью стимулирования интереса к поведенческим наукам. В рамках этого направления разрабатываются рекомендации по этичному проведению экспериментов с участием человека и животных (Panicker, 2013; Clay, 2014).

Наиболее актуальной темой в публикациях журнала является повышение уровня этичного поведения практических психологов (почти 40% статей). Так, авторы исследуют проблему эффективности работы психологов при заболевании или беременности и вопросы этичности решения психологов продолжать работу с клиентами в таких случаях (Barnett, 2012). Обнаруженные причины принятия неэтичных решений психологами (эмоциональное расстройство, страх, отрицание, контрперенос) позволяют разрабатывать рекомендации психологам по профилактике нарушения самоконтроля профессиональной компетентности. Кроме того, большое значение имеет проблема действий психологов при столкновении с неэтичным поведением

коллеги. В профессиональном сообществе разрабатываются образовательные и консультативные ресурсы для психологов, позволяющие получить консультации по данным вопросам с соблюдением стандартов конфиденциальности и соблюдением местных законов (Clay, 2011).

Сегодня работа психолога в режиме «онлайн» стала распространенным явлением, однако многие этические вопросы, связанные с этой областью, до сих пор имеют неопределенный характер (около 25% материалов). Американские психологи обсуждают проблемы создания систем данных о клиентах, разрабатывают конкретные принципы безопасного и системного учета (Sturm, 2012), решают вопросы соблюдения правовых и этических норм при проведении дистанционного консультирования, оценки риска.

Павлова В.В.

Условия развития коммуникативных умений детей в процессе инклюзивного образования

В современной образовательной практике идет поиск путей социальной интеграции, форм её организации и методов сближения детей с проблемами слуха и их слышащих ровесников, которые нашли своё отражение в системе инклюзивного образования. Внедрение системы инклюзивного образования в общеобразовательную систему поставило принципиально новые задачи перед педагогической практикой воспитания и образования данной категории детей (Алёхина, 2011) Разработка практических занятий по развитию социальных компетенций в инклюзивном образовании — один из ключевых вопросов организации инклюзивной среды. Особо значимым выступает развитие коммуникативной компетенции детей с нарушением слуха (Алёхина, 2011). Следует отметить, что уровень общения у детей с ограниченными возможностями здоровья ниже, чем у их сверстников. Однако, несмотря на ясное представление о значении умений людей взаимодействовать друг с другом, многие аспекты формирования компонентов коммуникативной компетентности у данной категории детей остаются недостаточно разработанными.

Цель исследования: выявление педагогических условий развития коммуникативной компетенции у детей младшего школьного возраста в условиях инклюзивного образования. Мы предполагаем, что: 1. коммуникативные умения у слабослышащих детей, обучающихся в инклюзивных классах, ниже по уровню сформированности, чем у сверстников с сохранным слухом, обучающихся в этих же классах; 2. специально организованное коммуникативное пространство в процессе инклюзивного образования в общеобразовательной школе слабослышащих детей и их слышащих ровесников

может способствовать формированию коммуникативных умений у детей с ОВЗ. Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ №77 г. Ижевска Удмуртской Республики. В работе были определены понятия коммуникативной компетенции, инклюзивного образования, рассмотрены принципы и модели построения инклюзивного пространства. Также выявлены особенности развития коммуникативной компетенции детей с нарушением слуха. При проведении констатирующего эксперимента было проведено первичное диагностическое исследование коммуникативных трудностей детей младшего школьного возраста в условиях инклюзивного образования. При проведении исследования были использованы следующие психодиагностические методики: тестовая карта коммуникативной деятельности (модифицированная карта коммуникативной деятельности А.А. Леонтьева); метод экспертной оценки уровня коммуникативного потенциала ребенка А.Г. Самохваловой; социометрия; определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева).

На формирующем этапе нами была разработана технология «Развитие коммуникативной компетенции детей младшего школьного возраста в условиях инклюзивного образования». Технология содержит занятия и упражнения по развитию и формированию коммуникативной компетенции. Представлено содержание апробации технологии и результаты контрольного этапа. Приведены выводы эффективности предлагаемой технологии.

При сравнении с данными первичной диагностики получены следующие результаты: увеличилось количество человек с высоким показателем удовлетворенности своим социальным положением в группе и с социальным статусом; выявилась положительная динамика компонентов коммуникативной компетенции в деловой сфере: выдвигать конкретные цели, планировать и анализировать собственную деятельность, эффективно аргументировать свою позицию; у всех испытуемых выявились положительные изменения в таких компонентах коммуникативной компетенции, как: доброжелательность, заинтересованность, поощрение инициативы, открытость (свободное выражение чувств), активность, дифференцированность (индивидуальный подход) в общении; выявился позитивный настрой детей в достижении успеха, в самоутверждении. Испытуемые сами иницируют общение для удовлетворения потребности в признании. Проведенные методы анализа доказали, что специально организованное коммуникативное пространство обеспечивает успешное развитие коммуникативной компетенции у детей младшего школьного возраста в условиях инклюзивного образования. Практическая значимость работы заключается в разработке и апробации технологии развития коммуникативной компетенции у детей младшего школьного возраста в условиях инклюзивного образования. Результаты могут быть

использованы в профессиональной деятельности педагогов, педагогов-психологов и социальных педагогов системы образования.

Павлова Л.Е.

Представление об идеальном враче в системе отношений «врач — родитель — ребенок»

Современные тенденции развития здравоохранения в России свидетельствуют о включении психологических знаний в систему оказания медицинской помощи населению. Вопрос качества оказываемых здравоохранением услуг находится на государственном контроле. В.В. Путин на заседании президиума Госсовета говорил о том, что охрана материнства и детства — это приоритетное социальное направление в России. Медицинские услуги, безусловно, зависят от квалификации специалиста, от материального оснащения медицинского учреждения, но не менее важным фактором является психологическая сторона процесса лечения. В педиатрии качество контакта матери и врача — один из важнейших критериев эффективности лечения и реабилитации. Отношения врача и родителя в системе лечебного взаимодействия играют значимую роль в формировании отношения ребенка к медицине в целом и его представлений о здоровье как ценности. Доверие лечащему врачу, следование назначенному лечению и точное выполнение процедур, настрой на выздоровление, эмоциональное состояние матери, ребенка и самого врача — все это определяется качеством выстроенных отношений между матерью и врачом.

Следуя подходу В.Н. Мясищевой (Мясищев, 1995), термин «отношение» мы понимаем как процесс отражения человеком действительности, как процесс двусторонний: врач — мать, в то же время включающий в себя отношение человека к людям и к себе. В своем исследовании мы рассматриваем стили межличностного взаимодействия.

Гипотеза: имеются специфические стили межличностного взаимодействия и особенности системы отношений «врач — родитель — ребенок». Исследование проводилось в период с июля по август на базе ОКИБ им. Н.А. Семашко г. Курска. В исследовании приняли участие 70 человек (35 матерей и 35 детей-пациентов). Методы исследования: клиническая беседа, методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Статистические методы: критерий U-Манна — Уитни.

Среди опрошенных матерей 90% испытывают страх заражения от соседей по боксу, 60% испытывают страх ошибочного диагноза, 70% считают, что «можно поступить с одной инфекцией и «их заразить» еще 2–3 инфекциями», 50 % боятся долгого пребывания в больнице. Среди опрошенных матерей 45%

высказали сомнения в правильности назначенного лечения, 65% хотели бы проверить «какими-либо» еще способами назначенное лечение, полное доверие действиям врача высказали 15%, 20% матерей высказали свое согласие на лечение, но полного доверия не испытывали. Матери практически не знакомы со способами передачи инфекций, наблюдаются попытки проконтролировать назначенное лечение и внести коррективы с/без уведомлением врача.

В процессе клинической беседы были выделены характеристики «идеального врача». Примечательно, что только 1 характеристика из 7 относится к профессиональным, остальные 6 качеств являются характеристиками человека как субъекта общения. Родители оценивали актуальных врачей как имеющих низкие показатели по большинству стилей, кроме альтруистичности и авторитарности. Для реального врача альтруистичность находится в зоне низких значений, а образ альтруистичности идеального врача соответствует высоким баллам. Параметр авторитарности реального врача соответствует адаптивному поведению, а образ авторитарности идеального врача близок к высоким значениям. Мы получили статистически значимые различия по показателям стилей авторитарность и альтруизм (p -level 0,0016 и 0,0019 соответственно).

Таким образом, матери желали бы видеть врачей для своих детей более авторитарными, упорными и настойчивыми, но в то же время деликатными и мягкими. Они предпочли бы врача, который бы проявлял сострадание, симпатию, заботу и ласку, умел приободрить, был бы бескорыстный и отзывчивый. Два противоположно направленных желания согласуются и находят свое подтверждение с данными, полученными по клинической беседе. Мы выявили, что всю ответственность за процесс лечения и выздоровления матери перекладывают на врачей, что выражается в обвинении врача, перепроверке лечения, требованиях замены врача и консультациях с другими специалистами. Родители хотели бы видеть внимательного, альтруистичного врача для своего ребенка и более авторитарного в отношении себя. Но в самих представлениях родителей присутствуют противоречия в образе реального и идеального специалиста, что влияет на систему отношений «врач — ребенок — родитель» и деформирует коммуникативную сторону отношений, снижая эффективность лечебного процесса.

Пашкевич А.А.

Соотношение ценностных ориентаций студентов с их академической успеваемостью

В век инновационного развития и стремительной компьютеризации профессионализм и конкурентоспособность имеют отношение не только

к развитию личности, но и к процветанию общества. Исходя из этого очевидно, что в современном мире подготовка эффективных профессионалов приобретает особую роль.

Продуктивность, эффективность и успешность деятельности личности зависит от влияния разных факторов. Среди последних значимое место занимают ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, его направленность и стремления. Интерес к изучению ценностных ориентаций возрастает в условиях, порождающих изменения и «размывание» границ ценностей общества. Смыслообразующие факторы, «направляющие» профессиональное развитие личности, предполагают, с одной стороны, проведение исследований с целью выявления причин и механизмов развития, с другой — разработку эффективных способов управления факторами личностного развития.

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе накоплен значительный теоретический и практический материал, посвященный анализу ценностных ориентаций как социально-психологического явления (М.И. Бобнева, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов и др.). Современная отечественная психология смысл жизни рассматривает как «регулятивное понятие, присущее всякой развитой мировоззренческой системе, которое оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы, показывает, во имя чего необходима, предписывается ими деятельность» (Гуревич, 2009).

Однако сопряженность системы ценностных ориентаций с успешностью учебной деятельности студентов исследована недостаточно. При постановке этой проблемы возникает много вопросов. Какие ценностные ориентации отличают успешных студентов, а какие характерны для студентов с низкой учебной успеваемостью? Имеются ли общие ценности у студентов с различной успеваемостью?

В связи с этим было проведено исследование, посвященное изучению ценностных ориентаций студентов с низкой успеваемостью. В исследовании приняли участие 49 человек, студенты факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка. Для изучения ценностных ориентаций личности студентов использовалась методика «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО), разработанная Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 1999). После все студенты были разделены на 3 группы: высокого, среднего и низкого уровня учебной успешности на основе ведомости учебной успеваемости. Далее подробнее рассматривались результаты студентов с низкой успеваемостью.

В результате исследования студенты, набравшие по шкале менее 93 баллов, были отнесены к группе с низкой осмысленностью жизни; набравшие

от 93 до 120 баллов — к группе со средней осмысленностью жизни, а набравшие более 120 баллов — к группе с высокой осмысленностью жизни.

Рассмотрим подробнее особенности смысловых ориентаций студентов с низкой успеваемостью и с низкой осмысленностью жизни. В эту категорию вошли 14 студентов. Для респондентов характерны незначительные показатели наличия целей в будущем, что свидетельствует о недостаточной осмысленности и направленности их жизни. Респонденты не верят в свои силы и собственную возможность сознательно контролировать течение своей жизни. Средние значения по шкале «локус контроля — жизнь (управляемость жизнью)» свидетельствуют, что студенты этой группы больше верят в судьбу, чем в сознательный контроль человека над жизнью. Но при этом средние значения по шкале «локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)» указывают на то, что студенты верят в собственную возможность контролировать события собственной жизни.

В группу со средней осмысленностью жизни и низкой успеваемостью вошли 10 человек. Для студентов характерен средний уровень наличия временной перспективы и целей в будущем. Респонденты считают процесс своей жизни достаточно интересным и эмоционально насыщенным, в целом считая прожитую часть жизни довольно продуктивной и осмысленной. По мнению этих студентов, они способны строить свою жизнь в соответствии с задуманным и контролировать жизненный процесс. В данной группе степень удовлетворенности прошлым выше, чем удовлетворенность настоящим и будущим. Именно прошлая жизнь, по мнению этих студентов, особенно интересна и эмоционально насыщена.

Данные исследования позволяют заключить, что у студентов с высоким уровнем выраженности ценностных ориентаций академическая успеваемость выше.

Певнева А.Н.

Особенности качества жизни матери ребенка с церебральным параличом

Качество жизни матери ребенка с церебральным параличом включает и характеризуется рядом обстоятельств. Трудности, с которыми сталкиваются родительницы, мы условно разделили на физические (чрезмерная физическая нагрузка в быту, ухудшение состояния здоровья), психические (отсутствие чувства радости, спокойствия, удовлетворенности), социальные (ухудшение материального, социального положения, изменение социального, профессионального статуса, фрустрация потребностей в общении, продолжении рода, профессиональной карьеры, самоактуализации, деста-

билизация внутрисемейных отношений), духовные (пропадает стимул и смысл жизни) (Майромян, 1976; Белопольская, 1987; Семаго, 1992; Солома-тина, 2000; Исаев, 2003; Бурмистрова, 2008; Ткачева, 2009 и др.).

Анализ литературы позволил прогнозировать снижение качества жизни матери ребенка с церебральным параличом. В исследовании приняли участие матери ($n = 66$) детей с церебральным параличом (основная группа — (ОГ)), матери ($n = 66$) типично развивающихся детей (контрольная группа — (КГ)). Для оценки качества жизни нами использовался опросник «SF-36 Health Status Survey» (Ware, 1993).

В среднем анализ полученных результатов респондентов ОГ показал, что наиболее низкие показатели отмечаются по шкале «Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием» — 18,93 баллов и «Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» — 19,43 балла. Это указывает на значительную роль физических и эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности матери ребенка с церебральным параличом. Отмечается снижение уровня социального функционирования (26,48 баллов) и жизненной активности (35,15 баллов), что свидетельствует о значительном ограничении социальных контактов (общения). Болевые ощущения (37,5 балла) воздействуют на способность родительниц заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома, выполнение физических нагрузок, включая подъем по лестнице, перенос тяжестей (44,27 баллов). Низкие показатели по шкале психического здоровья (38,24 балла) свидетельствуют о наличии депрессивного, тревожного состояния, психическом неблагополучии. Общее состояние здоровья респонденты ОГ оценивают как неудовлетворительное (41,8 балла). Умеренное снижение суммарного показателя наблюдается по шкале «Физический компонент здоровья» (50,18 баллов), значительное — по шкале «Психологический компонент здоровья» (30,33 балла), что указывает на серьезные проблемы в психологическом здоровье исследуемых.

У респондентов КГ высокие результаты отмечаются по шкалам «Физическое функционирование» (96,74 балла), «Социальное функционирование» (89,58 балла). Болевые ощущения (88,75 балла) выражены слабо. Физические (86,66 балла) и эмоциональные проблемы (76,39 балла) незначительно ограничивают жизнедеятельность матерей типично развивающихся детей. Незначительно снижены показатели по шкале «Психическое здоровье» (76,18 балла) и умеренно — по шкалам «Жизненная активность» (71,3 балла), «Общее состояние здоровья» (73,63 балла).

Статистический анализ полученных результатов подтвердил различие в показателях: средние значения показателей шкал у респондентов КГ ока-

зались статистически значимо выше средних значений по всем шкалам у респондентов ОГ при $p \leq 0,0001$.

На основе анализа полученных результатов можно отметить, что качество жизни у респондентов ОГ снижено по всем шкалам опросника. Болевые ощущения матери являются результатом регулярной физической помощи ребенку с церебральным параличом при его перемещении по дому, частых перевозок различными видами общественного транспорта из дома в поликлинику и назад, зачастую без использования надлежащих вспомогательных средств из-за их отсутствия. Регулярные физические нагрузки вызывают переутомление, обуславливая снижение жизненной активности. Проблемы со здоровьем препятствуют полноценному общению и взаимоотношению матери ребенка с церебральным параличом с родственниками, друзьями.

Матери типично развивающихся детей качество жизни в целом оценивают как хорошее, ощущая себя активными, полными сил и энергии, что способствует эффективному выполнению повседневных физических нагрузок.

Таким образом, особенности качества жизни матерей, воспитывающих детей с церебральным параличом, определяются и характеризуются значительно и резко выраженным снижением общего состояния здоровья, физического, жизненного и социального функционирования, жизненной активности, интенсивности боли, психического здоровья.

*Певнева А.Н.
Татарникова Е.Н.*

Личностные особенности подростков и стиль воспитания в неполной семье

Особенностью сегодняшней структуры семьи является постоянное увеличение количества неполных семей, источником которых являются, как правило, разводы и внебрачные рождения. В официальных документах государства неполная семья предстает как негативная тенденция, симптом кризиса института семьи и традиционных устоев, что, в свою очередь, считается угрозой демографической безопасности страны. Так, в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы указывается: «Низкий уровень рождаемости в стране совпал с кризисом института семьи. Почти половина (44%) заключаемых браков распадается. Каждый пятый ребенок рождается у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке».

Анализу влияния жизнедеятельности неполной семьи на развитие личности ребенка посвящены современные работы М.Ю. Арутюнян, И.Ф. Дементьевой, А.М. Демидова, И.В. Дубровиной, О.М. Здравомысловой,

О.И. Ключко, И. Лангеймер, Л.Г. Луняковой, М.И. Лисиной, З. Матейчик, В.С. Мухиной, Е.О. Смирновой, В.С. Собкиной, Л.Б. Шнейдер, В.А. Юстицкого. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в последние годы исследователи чаще стали обращать внимание на специфику положения неполных семей в нашем обществе. Негативные процессы, порожденные современной социально-экономической ситуацией, проявляются особенно ярко именно на примере воспитания детей из неполных семей. Развод родителей, нестабильный, конфликтный стиль отношений в таких семьях искажают условия ранней социализации, оказываясь причиной нервно-психических расстройств, фактором риска возникновения асоциального поведения в подростковом возрасте, личностной деформации, способствуя возникновению проблем взаимоотношения ребенка с социальным окружением. Все это затрудняет решение воспитательных задач в условиях неполной семьи.

Гипотеза исследования заключается в существовании взаимосвязи таких личностных особенностей подростка, как: общительность, эмоциональная стабильность/нестабильность, доминантность, нормативность поведения, робость, жесткость, тревожность, конформизм, самоконтроль, самооценка и стиль воспитания в неполной семье. Для проверки гипотезы и решения поставленных задач исследования были использованы: методика О. Кондаш «Стратегии семейного воспитания»; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С). Выборочную совокупность составили 40 неполных семей, воспитывающих ребенка подросткового возраста, из них 88% семей неполных материнских, 12% семей неполных отцовских. 62% выборочной совокупности составили мальчики, 38% девочки.

Исходя из анализа взаимосвязи стиля семейного воспитания в неполной семье и личностных особенностей подростков, можно сделать вывод о том, что существует обратная взаимосвязь между авторитарным стилем семейного воспитания и уровнем общительности ($-0,615$, $\rho \leq 0,01$), обратная взаимосвязь между индифферентным стилем семейного воспитания в неполной семье и низкой нормативностью поведения — высокой нормативностью поведения ($-0,508$, $\rho \leq 0,01$), умеренная прямая взаимосвязь между авторитетным стилем семейного воспитания и высокой нормативностью поведения подростка ($0,486$, $\rho \leq 0,01$), прямая взаимосвязь между авторитарным стилем семейного воспитания и высокой нормативностью поведения подростка ($0,529$, $\rho \leq 0,01$), умеренная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания в неполной семье и тревожностью ($0,363$, $\rho \leq 0,05$), слабая обратная взаимосвязь между авторитетным стилем воспитания и тревожностью ($-0,144$, $\rho \leq 0,05$), обратная умеренная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания в неполной семье и неконформизмом ($-0,486$, $\rho \leq 0,01$), сильная прямая взаимосвязь между авторитетным стилем

воспитания в неполной семье и высоким самоконтролем (0,778, $\rho \leq 0,01$), обратная взаимосвязь средней силы между индифферентным стилем воспитания в неполной семье и высоким самоконтролем (-0,531, $\rho \leq 0,01$), обратная умеренная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания в неполной семье и высокой самооценкой (-0,492, $\rho \leq 0,01$), прямая слабая взаимосвязь между авторитетным стилем воспитания в неполной семье и высокой самооценкой подростка (0,269, $\rho \leq 0,05$). Проведенное эмпирическое исследование подтвердило теоретические предположения и позволило выявить взаимосвязь личностных особенностей подростков и стиля воспитания в неполной семье.

Перикова Е.И.

Эффект квадриполярности когнитивных стилей в задачах визуальной неопределенности

Жизнь современного человека находится в контексте увеличения многообразия визуальных стимулов и скорости их обработки (Марцинковская, 2010). Исследование визуальной неопределенности связано с пониманием процессов восприятия, обеспечивающих правильную идентификацию фигур, интерпретацию внешних стимулов и принятие решения (Грегори, 1970; Брунер, 1977; Рок, 1980). Цель исследования состояла в сравнении субгрупп когнитивных стилей, выделенных на основании кластерного анализа, в зависимости от успешности преодоления неопределенных визуальных стимулов.

В исследовании приняли участие 143 респондента: 64 студента биологического и 33 студента психологического факультетов, а также 46 слушателей профессиональной переподготовки СПбГУ.

Для диагностики когнитивных стилей использовались компьютеризированные варианты следующих методик: АКТ-70 К.У. Эттриха (Шкурадова, 1983), «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (Kagan, 1966), «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа (Stroop, 1935); успешность преодоления визуальной неопределенности измерялась с использованием методики фрагментированных изображений Голлин-теста (Gollin, 1960, Foreman, 1987). Голлин-фигура формировалась на экране монитора из фрагментов, которые появлялись один за другим в случайном порядке с постоянной скоростью — один фрагмент в миллисекунду. Неполнота фрагментарных фигур Голлин-теста является следствием их перекрытия невидимой для наблюдателя текстуроподобной маской с прозрачными участками, сквозь которые были видны фрагменты фигуры, и непрозрачными участками, где фрагменты фигуры были скрыты. Статистические методы обработки: кла-

стерный (метод Уорда) и дисперсионный анализы; сравнение выборок осуществлялось с использованием U-критериев Вилкоксона — Манна — Уитни.

В рамках когнитивного стиля «ригидный — гибкий когнитивный контроль» было выделено четыре кластера, которые интерпретировались как субгруппы «интегрированных» (49 человек), «ригидных» (17 человек), «неинтегрированных» (24 человека), «гибких» (53 человека) респондентов. Сравнение средних в субгруппах показало, что наиболее успешными в узнавании фрагментарных изображений оказались респонденты субгруппы «неинтегрированных» ($M = 3143,81$, $MS = 804,4$); наименьшего успеха достигли «интегрированные» респонденты ($M = 1293,02$; $MS = 229,29$ при $p < 0,05$).

В рамках когнитивного стиля «полезависимость — полenezависимость» (ПЗ — ПНЗ) было выделено три субгруппы: «фиксированные полenezависимые» (39 человек), «мобильные полenezависимые-полenezависимые» (38 человек), «фиксированные полenezависимые» (65 человек) респонденты. Сравнение субгрупп «фиксированные полenezависимые» и «фиксированные полenezависимые» выявило значимые различия по показателю скорости распознавания фрагментарных изображений ($M = 2376,8$ и $M = 1308,5$, $p < 0,05$ соответственно). В выборке юношей обнаружена корреляция между успешностью решения фрагментарных изображений (Голлин-тест) и ПЗ — ПНЗ ($r = 0,359$; $p < 0,021$). Это может свидетельствовать о том, что полenezависимые юноши более успешны в преодолении перцептивной неопределенности, чем полenezависимые. Обращает на себя внимание, что в группе девушек данная взаимосвязь не выявлена.

В рамках когнитивного стиля «импульсивность — рефлексивность» эффект квадриполярности не выявлен. Статистический анализ позволил выделить два непересекающихся кластера: «импульсивные» (105 человек) и «рефлексивные» (38 человек) респонденты. Средние значения по Голлин-тесту в выявленных субгруппах близки ($M = 1742,2$, $MS=386,9$ и $M = 1277,8$, $MS=276,6$ соответственно), различия средних не обнаружены.

Результаты исследования свидетельствуют о специфическом характере преодоления визуальной неопределенности, обусловленном преобладающими когнитивными стилями. Получены профили более успешных и менее успешных респондентов в узнавании фрагментарных изображений. Менее успешные респонденты характеризовались аналитическим складом мышления, рефлексивностью в решении задач и слабой автоматизацией познавательных функций; полученные данные согласуются с результатами отечественных и зарубежных авторов (Ниаз, 1987, Холодная, 2004). Более успешные респонденты характеризовались импульсивным способом реагирования в ситуациях неопределенности, выраженностью индивидуальных контролирующих стратегий и нечувствительностью к когнитивным конфликтам (Холодная,

2004). Квадриполярная структура когнитивных стилей обеспечила системное понимание различий в стратегиях преодоления визуальной неопределенности. Выявленные результаты имеют большой практический смысл в ситуациях быстрого принятия решения, в экстремальных, стрессовых ситуациях.

*Петров М.В.
Локоткова М.А.
Даева Н.А.*

Сравнительный анализ спектров ЭЭГ при шизофрении и эндогенной депрессии

Исследование больных шизофренического и аффективного спектров электрофизиологическими методами позволяет изучить биологические основы данных групп заболеваний. Постановка диагноза «шизофрения» осуществляется на основании стандартизованных клинических критериев, являющихся конвенциональными. Для понимания этиологии и патогенеза в современной нейронауке ведется активный поиск лабораторно выявляемых биологических маркеров психических заболеваний. Многие из ныне выявленных маркеров являются общими для расстройств шизофренического и аффективного спектров, по этой причине сравнительный анализ данных групп заболеваний является наиболее актуальным. В рамках исследования нарушений функционирования мозга с целью получения представления о биологических маркерах морфофункциональных и клинических изменений при расстройствах шизофренического и аффективного спектра может применяться метод электроэнцефалографии (ЭЭГ).

Объем выборки составил 43 человека с выраженной праворукостью в возрасте 20–45 лет. Выборка была разделена на 3 группы по критерию болезни. В группу 1 вошли 15 (6 женщин, 9 мужчин) больных параноидной шизофренией (F20,0). В группу 2 — 11 больных (6 женщин, 5 мужчин) с эндогенной депрессией с рекуррентным типом течения (F33.4). Больные обеих групп на момент обследования находились в состоянии ремиссии. В контрольную группу (группа 3) вошли 17 человек (10 женщин, 7 мужчин), не имеющих психических или неврологических заболеваний. Наличие резидуально-органической патологии, злоупотребление психоактивными веществами являлись критериями исключения.

Технические характеристики: ЭЭГ регистрировалась в состоянии спокойного бодрствования с закрытыми глазами, длительность записи составляла не менее 1 минуты. Запись проводилась при помощи 21-канального цифрового электроэнцефалографа «Мицар-ЭЭГ-202». Анализировались 16 отведений, расположенных по международной системе «10–20».

Дельта-диапазон. У больных параноидной шизофренией повышена спектральная мощность по всем отведениям в сравнении с нормой ($p < 0,001$). При рекуррентном депрессивном расстройстве в сравнении с нормой, напротив, отмечается снижение дельта-активности, особенно в теменно-височно-затылочных областях (Т3, Т4, Т5, Т6, Р3, Р4, О1, О2; $p < 0,001$).

Тета-диапазон. Не было выявлено значимых различий в группах больных депрессией и шизофренией. Данные группы характеризовались повышением мощности во фронтально-центральных отведениях (F1, F2, F3, F4, F7, F8, С3, С4; $p < 0,01$), с большей выраженностью в группе больных шизофренией.

Альфа-диапазон. Распределение в данном диапазоне сходно при шизофрении и депрессии. В обеих группах повышена альфа-активность в лобных отведениях (F1, F2, F3, F4, F7, F8; $p < 0,001$). У больных депрессией снижен альфа-индекс в теменно-затылочных отделах справа (О2, $p = 0,008$), при шизофрении происходит снижение в затылочных отведениях билатерально и в теменных отделах справа (Р4, О1, О2; $p < 0,01$).

Бета-1 и бета-2 диапазоны. Распределения бета-1-активности сходны в обеих группах испытуемых. В бета-2 диапазоне значительно повышена спектральная мощность в группе рекуррентной депрессии, что может говорить о нервозности, тревоге, эмоциональной лабильности как остаточных явлениях в состоянии ремиссии. В сравнении с нормой депрессивные больные отличаются повышенной активностью, за исключением затылочных отведений билатерально (О1, О2) и передне-височных и теменных справа (Р4, Т4). При параноидной шизофрении имеется менее значительное повышение в бета-1 и бета-2-диапазонах во фронтальных (F1, F2, F3, F4, F7, F8; $p < 0,01$), правоцентральных (С4; $p < 0,001$) и затылочных (О2; $p = 0,004$) отделах в сравнении с нормой, что может быть связано с остаточными позитивными симптомами.

*Подвигина А.Ю.
Данилова М.В.*

Самоотношение и смысловые ориентации как факторы удовлетворенности жизнью

На этапе окончания школы подростки сталкиваются со многими серьезными задачами и выборами, от решения которых во многом зависит успешность дальнейшего жизненного пути человека. Во многих исследованиях отмечается, что возраст 15–18 лет наиболее чувствителен к развитию ценностно-смысловых ориентаций как устойчивого свойства личности, способствующего становлению мировоззрения, формированию адекватного

отношения к окружающей действительности (Божович, 1968; Кон, 1984). Это возраст открытия своего «Я» и становления мировоззрения. Отличительной особенностью возраста становится резкое усиление саморефлексии, т. е. стремления к самопознанию, к оценке своих возможностей, способностей. Эти задачи возраста, являясь самостоятельными, тем не менее активно включены в процесс профессионального самоопределения, который, несомненно, начинает играть важнейшую роль в жизни подростка. От того, насколько конструктивно будут осуществляться процессы формирования адекватного самоотношения, принятия подростком себя, осознания своей ценности, выбор своего профессионального пути, во многом зависит общая удовлетворенность жизнью, индикатором которой является психоэмоциональное благополучие подростка.

В пилотажном исследовании приняли участие подростки, учащиеся старших классов школы (30 человек). В качестве основных методов были выбраны «Опросник смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 2000), методика исследования самоотношения (Пантилеев, 1989), экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников: шкала удовлетворенности жизнью в целом; шкала удовлетворенности основными жизненными потребностями (О.С. Копина).

Исследование показало, что в целом подростки характеризуются позитивным самоотношением и соответствующими возрасту параметрами осмысленности жизни. С помощью процедуры кластерного анализа выборка участников исследования была разделена на две группы по уровню удовлетворенности жизнью. В первую группу вошли респонденты со средним уровнем, во вторую — респонденты с высоким уровнем удовлетворенности своей жизнью. Анализ взаимосвязей параметров удовлетворенности жизнью и удовлетворенности основных потребностей в выделенных группах показал, что для всех подростков ощущение осмысленности своей жизни является важным условием повышения удовлетворенности жизнью в целом. Подростки с высоким уровнем удовлетворенности жизнью в целом связывают повышение этой удовлетворенности с ростом эмоциональной насыщенности жизни, интереса к жизни (СЖО, шкала «процесс жизни»), а также с возможностью контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и реализовывать их (СЖО, шкала «локус контроля — жизнь»). Для респондентов со средним уровнем удовлетворенности жизнью в целом справедливо следующее: чем большую удовлетворенность жизнью они испытывают, тем больше они направлены на определение целей в жизни и тем больше они убеждены в том, что обладают достаточной свободой, чтобы построить свою жизнь в соответствии с этими целями (СЖО, шкалы «цели в жизни», «локус контроля — Я»). Снижение удовлетворенности жизнью может быть связано с отсутствием опоры в насто-

ящем для реализации целей. Важно также отметить отрицательную связь параметра «самоценность» (МИС) с параметром «возраст» в данной группе. Эта связь говорит о том, что если с возрастом у подростка не повышается уровень удовлетворенности своей жизнью, то у него снижается ощущение ценности собственной личности, ценности его «Я» для других, что, безусловно, может отразиться на степени удовлетворенности жизнью.

Таким образом, можно говорить о том, что в группах с разным уровнем удовлетворенности жизнью неодинаково проявляются параметры самоотношения и смысловых ориентаций. При высоком уровне удовлетворенности жизнью наблюдается ориентация на сам процесс жизни с возможностью самостоятельно влиять на происходящие события. Что касается группы со средним уровнем удовлетворенности жизнью, если с возрастом не происходит его повышения, происходит снижение позитивного самоотношения и в качестве личностных ресурсов субъект может использовать направленность на организацию личного пространства и стремление к постановке более конкретных целей. Полученные результаты обращают внимание на неоднозначность содержания феномена удовлетворенности жизнью и на актуальность дальнейшего исследования ее компонентов. Однако с уверенностью можно говорить, что в подростковом возрасте повышение самооценки личности является важнейшим условием повышения удовлетворенности жизнью.

Полякова М.К.

Вклад детско-родительских отношений в развитие ответственности старшекласников

Проблему ответственности затрагивали многие авторы, однако контекст и понимание термина различно. В приоритете у исследователей находится трактовка ответственности как принятия необходимости (Л.И. Дементий), то есть внешняя форма проявления ответственности, аналогичная нормативности. Анализ отечественных работ, в которых дается определение ответственности, позволил выделить три основания ответственности: поведенческое, атрибутивное и нормативное. Поведенческий компонент ответственности проявляется в рамках деятельности и характеризует ответственного человека как способного к волевому контролю и ответу за результат субъекта деятельности. Атрибутивное основание проявляется в характере восприятия и объяснения окружающего мира, а именно в степени подвластности окружающей среды влиянию человека. Нормативный аспект ответственности связан с интериоризацией внешних требований и готовностью человека следовать общепринятым правилам и нормам.

В настоящем исследовании была предпринята попытка раскрыть условия, оптимальные для развития перечисленных составляющих ответственности. В качестве возможного предиктора формирования личностных качеств, в том числе и ответственности, были выбраны семейные отношения. Поскольку ответственность является личностным ресурсом в периоды, когда от человека требуется решение сложных жизненных задач, требующих личностного выбора, в качестве такого периода был выбран период личностного и профессионального самоопределения, а в качестве исследуемой группы были выбраны старшеклассники. Цель настоящего исследования заключалась в выяснении возможности влияния семейных отношений на становление особенностей ответственности. Были проанализированы особенности детско-родительских отношений и особенности ответственности у 57 старшеклассников. Для измерения поведенческой составляющей ответственности была использована методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (анализировалась шкала «интернальность»). Для измерения атрибутивного компонента ответственности — тест-опросник субъективной локализации локуса контроля С.Р. Пантелеева и В.В. Столина. Для измерения нормативности — многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (14PF), отдельно рассматривалась шкала нормативности поведения (фактор G). Для изучения семейных отношений использовался опросник «Взаимодействие «родитель — ребенок»» И.М. Марковской.

С помощью регрессионного анализа были выявлены характеристики детско-родительских отношений, оказывающие влияние на формирование компонентов ответственности. Наибольшим статистическим показателем обладали модели анализа поведенческого компонента ответственности и отношений старшеклассников с матерью и отцом ($R = 0,59$; $p < 0,001$ и $R = 0,58$; $p < 0,001$). Для повышения уровня поведенческого компонента ответственности были важны следующие характеристики отношений с отцами: контроль ($\beta = -0,61$; $p < 0,001$), требовательность ($\beta = 0,47$; $p < 0,005$), принятие ($\beta = 0,26$; $p < 0,02$). Для поведенческого компонента старшеклассникам также важно видеть требовательность ($\beta = 0,57$; $p < 0,001$), контроль ($\beta = -0,49$; $p < 0,001$), последовательность ($\beta = 0,32$; $p < 0,005$), близость ($\beta = 0,29$; $p < 0,005$) и авторитетность ($\beta = -0,23$; $p < 0,02$) матери. Со стороны старшеклассника для развития атрибутивного компонента ответственности важно видеть последовательность в воспитании матерью ($\beta = 0,41$; $p < 0,005$) и отцом ($\beta = 0,54$; $p < 0,001$). Для становления нормативности старшеклассника могут быть значимы близость ($\beta = 0,5$; $p < 0,005$), согласие ($\beta = -0,41$; $p < 0,01$) и принятие ($\beta = 0,36$; $p < 0,01$) отцами; близость ($\beta = 0,35$; $p < 0,02$) и авторитетность ($\beta = 0,31$; $p < 0,01$) матерей. Можно заметить, что такая характеристика отношений, как авторитетность матери, может вносить

положительный вклад в поведенческий компонент ответственности и отрицательный — в нормативный.

Таким образом, в ходе исследования было обнаружено, что наибольший вклад отношения с родителями вносят в поведенческий аспект проявления ответственности. Причем важными факторами являлись высокая требовательность и низкий контроль со стороны обоих родителей. Вклад последовательности в атрибутивный компонент ответственности может объясняться тем, что, создавая понятную среду для ребенка, родитель тем самым дает ему понять, что мир контролируем. Поскольку родитель является значимой фигурой, близость с ним в кризисный период может давать хорошую базу для снижения негативизма, что проявляется в повышении уровня готовности соблюдать правила.

*Попов Т.М.
Чулкова В.А.*

Об исследовании отношений «врач—пациент» в онкологии

В настоящее время одним из приоритетных направлений развития медицины в России является разностороннее изучение онкологических заболеваний, в том числе разработка и применение современных средств терапии. Наряду с этим происходит персонализация процесса терапии — методы лечения назначаются индивидуально, в зависимости от диагноза, иммунологических и генетических показателей конкретного больного. В связи с этим становится необходимым уделить внимание и личностным особенностям пациентов, их отношению к болезни и лечению.

Сотрудниками НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова МЗ РФ ведутся исследования клеточной терапии рака. Тогда как, по оценкам врачей, эффективность химиотерапии составляет до 20%, методы клеточной терапии позволяют достичь более высоких результатов. Кроме вопроса эффективности существует еще одна проблема химио- и лучевой терапии — значительные побочные эффекты. Основной метод клеточной терапии — использование онковакцин. Цель онковакцины — стимулировать распознавание, атаку и уничтожение опухолевых клеток иммунной системой самого больного. Группа врачей-исследователей из НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова сообщает, что в результате клинических исследований была выявлена эффективность в 42% случаев при использовании вакцины на основе аутологичных дендритных клеток у больных с меланомой кожи (Балдуева и др., 2012).

Химиотерапия широко используется как в отечественной, так и в зарубежной медицине, известна за пределами медицинского сообщества. Пациенты, поступающие в учреждения онкологического профиля, как пра-

вило, уже имеют какое-либо представление об эффективности и побочных эффектах химиотерапии, нередко негативное, тогда как об иммуновакцинации зачастую слышат впервые только врачей.

В настоящее время иммуновакцинация апробирована на небольшой этиологической группе, в связи с чем пациенты, получающие клеточную терапию в НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова, также представляют собой очень небольшую группу (примерно 20 человек). Вместе с тем этой группе уделяется значительное внимание врачей — проведение иммунотерапии требует как большого числа технологически сложных анализов, так и честного, доходчивого объяснения принципов получаемой терапии, по сути — перевода с языка медицинской терминологии на понятный разговорный русский язык. Данное обстоятельство чрезвычайно важно для сотрудничества врача и пациента. Оно способствует осуществлению комплаенса — согласия больного на продолжительное лечение с неопределенным эффектом.

Было проведено сравнение пациентов, получающих в качестве лечения иммуновакцинацию, и пациентов, получающих химиотерапию. Группу больных, получающих иммуновакцинацию, составили 15 человек. Из них 9 женщин в возрасте от 31 до 66 лет, 6 мужчин от 54 до 74 лет. Средний возраст женщин — 51 год, мужчин — 57 лет. Группу больных, получающих химиотерапию, составили 15 человек. Из них 10 женщин в возрасте от 25 до 79 лет, 5 мужчин от 32 до 87 лет. Средний возраст женщин — 55 лет, средний возраст мужчин — 62 года.

В качестве основного метода исследования была выбрана клиническая беседа. Один из вопросов беседы состоял в следующем: поддерживает ли пациента общение с медицинским персоналом? В беседе пациенты, получающие иммуновакцинацию, чаще, чем пациенты, получающие химиотерапию, позитивно оценивали контакт и общение с врачом, что говорит о выраженности эмоционального компонента в отношении врач — пациент в этой группе. Пациенты, получающие иммунотерапию, чаще, чем пациенты, получающие химиотерапию, отмечают позитивное влияние общения с медицинским персоналом в клинике на настроение ($c_2 = 9,33$, $p = 0,009$). Удовлетворение от информации о принципах получаемой иммунотерапии более характерно для тех пациентов, которые отмечают вместе с тем и значительную роль психологической поддержки персонала. Низкая осведомленность наиболее характерна для тех пациентов, которые не придают значения роли персонала в эмоциональной поддержке ($c_2 = 15,658$, $p = 0,004$).

Вопрос, который волнует многих специалистов в области здравоохранения: как построить деловые, уважительные отношения врача с пациентом? Особенно этот вопрос актуален в том случае, когда лечение является продолжительным и предъявляет требования к образу жизни пациента. Как

показывает проведенное исследование, для этого врачу необходимо объяснять суть оказываемой медицинской помощи доступным для пациента языком и эмоционально поддерживать больного.

Попова Ю.А.

Взаимосвязь форм и видов подачи обратной связи с уровнем центрации личности

Как известно в социальной психологии, обратная связь в общении играет важную роль во взаимодействии людей. Поэтому многие ученые занимаются исследованием обратной связи, от которой зависит результат взаимодействия. Выделяют различные формы и виды обратной связи в процессе общения. Многие исследователи (Петровская, 1982; Соловьева, 1992; Бодалев, 1994 и др.) исследовали влияние обратной связи на результат общения. Известна также взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и эффективности общения. Особенности взаимосвязи такой социально-психологической характеристики, как центрация, и успешности общения изучены еще недостаточно.

Поэтому целью нашей работы является изучение взаимосвязи форм и видов подачи обратной связи с уровнем центрации личности. Предмет исследования: уровень центрации, формы и виды обратной связи. Мы предполагаем, что лица с различным уровнем центрации используют различные формы и виды обратной связи. Задачи исследования: определить уровень центрации личности; выявить виды и формы используемой обратной связи; выявить различия в использовании форм и видов обратной связи у студентов с различным уровнем центрации. Для исследования были использованы две методики: «Тест эгоцентрических ассоциаций» Т. Шустровой (Лабунская и др., 2011); созданная нами анкета, направленная на выявление видов и форм обратной связи.

В разработанной нами анкете представлены 12 ситуаций предконфликтного взаимодействия, основное содержание которых составлено в обвинительной форме, в форме «ты»-высказываний. Испытуемым предлагалось ответить на данные ситуации, написав не менее трех предложений в прямой речи. Первичная обработка результатов нашей анкеты проводилась при помощи контент-анализа. Нами были выделены следующие диагностические критерии: «я»-высказывания и «ты»-высказывания; наличие выражения чувств; модальность обратной связи: положительная, отрицательная; принятие ответственности на себя или перекладывание ее на других. В исследовании приняли участие 34 студента в возрасте от 19 до 23 лет, среди них 17 представителей женского пола, 17 — мужского.

По результатам «Теста эгоцентрических ассоциаций» Т. Шустовой и дальнейшей процедуры квартилирования испытуемые разделились на три группы: с низким уровнем центрации на себе (41,18%), т. е. ориентированы на других; с высоким уровнем центрации (32,35 %), т. е. ориентированы на себя; со средним (гармоничным) уровнем центрации (26,47%), который представляет собой сбалансированность показателей центрации/децентрации.

Статистический анализ по критерию Манна — Уитни позволил выявить наличие значимых различий ($Z = -2,17$ при $p\text{-level} = 0,03$) в использовании формы обратной связи «принятие ответственности на себя» у лиц с высоким и средним уровнем центрации. Также выявлены показатели, близкие к уровню значимости различий ($Z = 1,7$ при $p\text{-level} = 0,08$) в использовании формы обратной связи «принятие ответственности на себя» у лиц с низким и средним уровнем центрации. Т. е. испытуемые со средним (гармоничным) уровнем центрации более склонны к принятию ответственности на себя, чем респонденты с высоким и низким уровнем центрации. Также обнаружено наличие показателей, близких к уровню значимости различий в подаче формы обратной связи «перекладывание ответственности на других» у студентов с высоким и средним уровнем центрации ($Z = 1,82$ при $p\text{-level} = 0,07$), с низким и средним уровнем центрации ($Z = -1,92$ при $p\text{-level} = 0,05$). Поэтому лица с высоким и низким уровнем центрации на себе более ориентированы перекладывать ответственность на других, чем испытуемые с гармоничным уровнем. Также были выявлены значимые различия в использовании формы обратной связи «ты»-высказывания ($Z = -2,11$ при $p\text{-level} = 0,03$) у студентов с низкой и средней степенью центрации. Это свидетельствует о том, что испытуемые с низким уровнем центрации на себе используют больше «ты»-высказываний, чем испытуемые со средним уровнем центрации. Относительно модальности обратной связи выявлены показатели, близкие к уровню значимости различий в использовании положительной обратной связи студентами с высоким и средним уровнем центрации ($Z = -1,82$ при $p\text{-level} = 0,07$). Т. е. респонденты со средним уровнем центрации более склонны давать положительную обратную связь, чем студенты с высоким уровнем.

Таким образом, проведенное нами исследование частично соответствует поставленной гипотезе. Представленная работа требует расширения выборки и корректировки методического аппарата.

*Прохорова Е.С.
Агроскин Д.*

Что пугает тебя, меня не страшит. Реакция на угрозу в различных культурах

Переживание угрозы является неотъемлемой частью нашей жизни. Экономический кризис, стихийные бедствия, потеря работы или сложный экзамен — все это можно обозначить понятием угрозы. Данный исследовательский проект нацелен на изучение воздействия угрозы в разных странах, а именно в России и Германии/Австрии (последние две страны были объединены в одну группу в силу схожести культур). Фокус исследования лежит на определении того, какие угрожающие факторы вызывают более сильную защитную реакцию в указанных странах.

Представленная работа основывается на теоретической схеме, носящей в англоязычной литературе название Process Model of Threat and Defense (Jonas et al., 2014), что можно перевести как «модель от тревоги к приближению». Данная модель описывает с биопсихологической перспективы процесс, индуцируемый переживанием угрозы. Согласно модели ощущение человеком угрозы активирует фронтальную кору правого полушария (Sutton, Davidson, 1997). Возникает проксимальная или первичная реакция человека на угрозу: он чувствует страх, повышается его чувствительность к внешним раздражителям и стремление избежать угрожающей ситуации. С течением времени возникает ответная дистальная реакция, связанная с активацией фронтальной коры левого полушария. Мотивация избегания проблемы снижается за счет повышения мотивации приближения (Harmop-Jonest et al., 2009). Если непосредственное решение очевидно, человек воспользуется им. Если непосредственное решение не представляется возможным или человек не может определить источник угрозы, запустятся защитные реакции, которые разрешат угрожающую ситуацию опосредованно или же облегчат переживание этой ситуации.

Основным предположением данной работы является то, что в России больший эффект будут иметь угрозы, носящие коллективный характер (угрозы обществу, членом которого мы являемся), в то время как в Германии/Австрии более сильную защитную реакцию вызовут индивидуальные угрозы (угрозы личной безопасности). Данное предположение основывается на том, что русский менталитет по-прежнему еще во многом остается коллективистским, в связи с чем благополучие группы более значимо, чем личное благополучие (Michailova, Hutchings, 2004).

С целью проверки данной гипотезы проводится исследование, в котором принимают участие граждане России и Германии/Австрии. Данные

выборки делятся на три подгруппы в зависимости от манипуляции. В группе «Индивидуальная угроза» респондентов просят описать чувства, возникающие при мысли о собственной смерти. В группе «Коллективная угроза» — чувства, возникающие при мысли о смерти всех сограждан. В контрольной группе участники описывают мысли, возникающие при просмотре телевизора. В более ранних исследованиях была продемонстрирована эффективность данной манипуляции в активации чувства угрозы (Kashima et al., 2004). Сила проксимальной реакции измеряется с помощью специально разработанной шкалы повышенной чувствительности. Для оценки выраженности дистальных опосредованных реакций используется так называемая шкала трансгрессий (Transgression Scale, Gelfand et al., 2011). Данная шкала позволяет оценить, насколько неприемлемым человек считает то или иное ненормативное поведение и в какой мере, по его мнению, необходимо наказать нарушителя.

В предыдущих исследованиях было показано, что человек в состоянии угрозы стремится восстановить контроль над ситуацией за счет защиты принятых им социальных норм и более строгого наказания тех, кто пытается посягнуть на эти нормы (Greenberg et al., 1997). Также используется шкала стремления к достижению личных целей (Personal Project Zeal Scale, McGregor et al., 2007). Предыдущие исследования приводят доказательства того, что, чувствуя угрозу, человек преувеличивает важность какой-либо своей цели и свое стремление достичь ее, чтобы переключить внимание с угрозы на другой объект (Jonas et al., 2014). Дополнительно измеряются факторы, которые могут оказать влияние на степень взаимосвязи между угрозой и защитной реакцией. К ним относятся активность полушарий (The Line Bisection Task, Jewell, McCourt, 2000), выраженность коллективизма и индивидуализма (Individualism and Collectivism Scale, Singelis et al., 2009; Individualist Behavior Scale, Triandis et al., 1995), степень толерантности к ненормативному поведению в целом (Tightness — Looseness Scale, Gelfand et al., 2011; Dialectical Self Scale, Spencer-Rodgers et al., 2010), а также самооценка (Self-Esteem Scale; Rosenberg, 1965).

Пятина Е.А.

Особенности отношений к сверстникам у дошкольников с нарушениями зрения

Изучение особенностей развития общения детей и формирования межличностных отношений у детей с нарушениями зрения в различных условиях их социализации строилось на базе идей М.И. Лисиной. В работах, выполненных в данном направлении (М.И. Лисина; Е.О. Смирнова; А.Г. Руз-

ская и др), отмечаются специфические особенности общения у детей первых семи лет жизни в двух сферах их контактов с окружающими их людьми: со взрослыми и сверстниками, а также особая роль каждой из них в психическом состоянии и становлении личности ребенка (Лисина, 1986). Особую важность эта проблема приобретает в тех случаях, когда изначально нарушается нормальный ход развития ребенка.

Перед началом исследования был выдвинута гипотеза: предполагалось, что психологическая структура межличностных отношений у детей с нарушением зрения по сравнению с нормально видящими детьми имеет свою специфику, которая обусловлена нарушением зрения. Для изучения отношений к сверстникам у дошкольников с нарушением зрения и их сверстников с нормой в развитии было проведено эмпирическое исследование, которое проводилось в школе-детском саду №5 «Хрусталик» и МКДОУ центр развития ребёнка — детский сад «Солнышко» посёлка Ленинская Искра Котельничского района Кировской области. В качестве испытуемых выступали дошкольники подготовительной группы (6–7 лет) общей численностью 18 человек. Для проведения исследования были использованы 2 методики: методика «Наблюдение в процессе свободной деятельности» (А.И. Анжарова), диагностическая методика «Секрет» («Подарок»), разработанная Т.А. Репиной, модифицирована Т.В. Антоновой.

В ходе количественной и качественной обработки были получены следующие результаты. Данные методики «Наблюдение в процессе свободной деятельности» показали, что по уровню инициативности общения со сверстниками 41,6% дошкольников с сохранным зрением и 33,3% дошкольников с нарушением зрения имеют высокий уровень. Средний уровень имеют 25% дошкольников с нормальным развитием и 16,6% дошкольников с нарушением зрения. Низкий уровень у 33,3% дошкольников с нормальным развитием и у 50% дошкольников с нарушением зрения. По уровню чувствительности к сверстникам 58,4% дошкольников с сохранным зрением имеют высокий уровень чувствительности, в то время как их сверстники с нарушением зрения — 50%. Средний уровень имеют 41,6% дошкольников с сохранным зрением и 50% дошкольников с нарушением зрения. Низкого уровня чувствительности к сверстникам в данной выборке получено не было. По уровню преобладающего эмоционального фона 50% дошкольников с сохранным зрением имеют высокий уровень эмоционального фона, в то время как их сверстники с нарушением зрения — 66,7%. Средний уровень имеют 41,7% дошкольников с нормальным развитием и 33,3% дошкольников с нарушением зрения. Низкий уровень у дошкольников с нормальным развитием составил 8,3%, в то время как у их сверстников с нарушением зрения он не был выявлен.

При количественной обработке диагностической методики «Секрет», разработанной Т.А. Репиной, модифицированной Т.В. Антоновой, были получены следующие результаты. По количеству выбора сверстников можно сделать вывод, что в выборке дошкольников с нормальным развитием 25% детей относятся к группе «звезда», в то время как у их сверстников с нарушением зрения нет детей, отнесенных к этой группе. К группе «принятые» относятся 50% дошкольников с нормальным развитием и 100% дошкольников с нарушением зрения. У нормально развивающихся дошкольников «отвергнутых» 16,7%, «изолированных» 8,3%, в то время как групп «отвергнутые» и «изолированные» в выборке у дошкольников с нарушением зрения нет. Таким образом, психологическая структура особенностей отношения к сверстникам у детей с нарушением зрения по сравнению с нормально видящими детьми имеет свою специфику, которая обусловлена зрительной патологией. Также было выявлено, что уровень отношения к сверстникам у дошкольников с нарушением зрения намного выше, чем у их сверстников.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что в ходе исследования были изучены особенности отношения к сверстникам и статус детей в группе дошкольников с нарушением зрения в сравнении с нормой в развитии. Полученные данные могут быть использованы специальным психологом для дальнейшего изучения данной темы, составления рекомендаций для родителей и педагогов по коррекции и развитию отношений со сверстниками.

Радченко Г.С.

Бахчина А.В.

Парин С.Б.

Психофизиологические корреляты восприятия движения в мелодическом пространстве

Музыка все больше применяется как средство терапии и коррекции состояний человека и реабилитации в различных областях психофизиологии и медицины. Достаточной большой пласт исследований направлен на изучение особенностей восприятия музыки при различных акустических условиях (Федотчев, Радченко, 2013); при этом игнорируется информационная составляющая восприятия музыки, которая связана прежде всего с восприятием движения в мелодическом пространстве. Тональная модуляция представляет собой смену тонального центра в рамках одной музыкальной композиции (Korsakova-Kreyun, Dowling, 2014). Во время модуляции происходит изменение тональной системы отсчета, что характеризуется изменением тонального центра (тоники) в одном и том же музыкальном произведении.

В данной работе изучено влияние тональной модуляции на характеристики variability сердечного ритма и электроэнцефалограммы.

В исследовании приняли участие 15 добровольцев обоего пола (5 мужчин и 10 женщин) в возрасте от 17 до 28 лет (средний возраст — $20,7 \pm 3,4$). Участникам предлагалось прослушать набор из 48 аудиостимулов. Стимулы были подготовлены следующим образом. Специально для этого эксперимента были написаны 12 коротких музыкальных фраз, по одной фразе для каждой из 12 степеней модуляции, включая немодулирующее условие, чтобы обеспечить базовые данные для сравнения с теми модуляциями, в которых происходил переход на другой тональный центр и в другой лад. Начала и окончания этих 12 основных фраз были модифицированы так, что получились четыре варианта модуляций для той же самой ступени: из мажора в мажор (ММ), из мажора в минор (Мм), из минора в мажор (мМ) и из минора в минор (мм). Регистрация ЭЭГ осуществлялась по семи отведениям (Т3, С3, Сz, С4, Т4, Р3, Рz, Р4). Вычислялся спектр мощности для следующих частотных диапазонов: тета (4–8 Гц), альфа (8–12 Гц), бета1 (13–24 Гц) и бета2 (25–35 Гц). Для спектрального анализа использовались данные ЭЭГ за 10 секунд до предъявления аудио фрагмента, 10 секунд во время предъявления аудиофрагмента и 10 секунд после предъявления аудиофрагмента. Регистрация ЭКГ происходила по I отведению. Длительность музыкальных фраз не позволяла для их анализа использовать классические спектральные показатели. Последовательности RR-интервалов за периоды прослушивания музыкальных фраз анализировались путем вычисления спектра колебаний в диапазоне от 0,5 до 2 Гц (очень высокочастотный диапазон). Спектр вычислялся с применением периодограммного метода Ломба — Скаргла — алгоритма для спектрального анализа неравномерных временных рядов. При анализе вычислялись t критерии Стьюдента для зависимых и независимых выборок и F -критерий Фишера.

При сравнении относительных значений мощностей для стимулов с мажорными (ММ) и минорными (мм) ладовыми условиями для близких модуляций был выявлен достоверно более высокий уровень мощности в альфа-диапазоне и достоверно более низкий уровень мощности в бета2-диапазоне для стимулов с минорными ладовыми условиями ($p = 0,029$ и $p = 0,029$ соответственно, по критерию Стьюдента). Для стимулов с дальними модуляциями был отмечен достоверно более высокий уровень тета-активности и более низкий уровень альфа-активности для стимулов с минорными ладовыми условиями ($p = 0,006$ и $p = 0,003$ по критерию Стьюдента). По результатам анализа ЭКГ было выявлено, что несущая частота в очень высокочастотном диапазоне спектра RR-интервалов меняется в зависимости от ладового условия музыкальных фрагментов: ММ, мм, Мм, мМ. Наименьшие

значения несущей частоты очень высокочастотного диапазона характерны для периодов прослушивания музыкальных фрагментов с минорными ладовыми условиями (мм). Максимальные значения несущей частоты очень высокочастотного диапазона спектра колебаний RR-интервалов характерны для периодов прослушивания музыкальных фрагментов кода Мм. При сравнении данных показателей за периоды прослушивания музыкальных фрагментов с близкими и дальними модуляциями было выявлено, что для музыкальных фрагментов с дальними модуляциями характерны более низкие значения мощности несущей частоты и большие значения несущей частоты ($p = 0,014$ по критерию Фишера).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что при близком расстоянии модуляции минорные ладовые условия в большей степени способствуют синхронизации корковых структур и снижению уровня напряжения; в то время как при дальних модуляциях подобный эффект можно наблюдать уже для мажорных ладовых условий. Анализ ЭКГ показывает, что музыкальные фрагменты с дальними модуляциями сопровождаются напряжением регуляторных систем организма.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (№14–36–01024).

Рашитова Л.С.

Поиски содержательных компонентов картины мира дезадаптированных подростков

Проблема понимания образа мира активно изучалась начиная с XX века (Леонтьев, 1983; Смирнов, 1983; Петухов, 1984). Образ мира выражает отношение субъекта к окружающему миру. Он имеет две составляющие: базовую и инвариативную. Базовая часть определяется окружением субъекта, включая в себя все социальные институты. Соответственно, образ мира в разных культурах имеет определенные особенности. Инвариативная часть образа мира отражает уникальный жизненный опыт индивида (Обухов, 2003). Реальный мир представляется в виде многоуровневой системы, которая включает разные представления о жизни, мире, себе и других (Смирнов, 1983). Образ мира формируется в зависимости от предметного окружения индивидуума и определяется особенностями жизненного опыта (Леонтьев, 1983).

Соответственно, сложные жизненные ситуации влияют на образ мира и дальнейший образ жизни человека (Серкин, 2013). Особенно сильное воздействие оказывают травмирующие ситуации, выходящие за грани привычного опыта. К ним относятся различного рода катастрофы, стихийные бедствия, насилие, смерть близких, развод родителей и т. д. Переживания подобных событий имеют тяжелые последствия в виде эмоциональных,

поведенческих нарушений и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

ПТСР понимается как отсроченная во времени реакция на ситуации, связанные с угрозой для жизни, здоровья (Малкина-Пых, 2005). Мы считаем, что подобные травматические события отражаются в картине мира индивида и вносят в нее определенные характерные особенности. Особенно значимы последствия травматической ситуации в подростковом возрасте. В данный период изменяется отношение ребенка к миру и самому себе, развивается самоопределение и самосознание (Божович, 1995). Сформированные в данный период представления оказывают важное влияние на всю последующую жизнь. Соответственно, пережитые в данный период травматические ситуации вносят существенные изменения в восприятие мира. Как отмечалось выше, подростковый возраст является важным этапом для развития самосознания, самоотношения. Пережитые травматические ситуации также оказывают влияние на восприятие и понимание себя. Они отражаются и на поведении индивида. Согласно современным исследованиям причиной деликвентного, девиантного, другими словами, дезадаптивного поведения является психическая травматизация (Дозорцева, 2007).

В нашем исследовании мы рассматриваем картину мира дезадаптивных подростков. Цель исследования: выявить особенности картины мира дезадаптированного подростка. Современные исследователи определяют дезадаптацию как не соответствующее нормам общества поведение. Чаще всего к дезадаптированным подросткам относят подростков, проживающих в детских домах и в неблагополучных семьях. Последние исследования данной категории направлены на изучение особенностей самоопределения подростков, образа будущего (Давлятова, 2006; Костенко, 2006). Предварительный теоретический анализ показал, что на данный период существует нехватка исследований, направленных на изучение особенностей картины мира дезадаптированных подростков. В качестве одной из исследовательских гипотез может быть предположение об узости картины мира подростков с дезадаптированным поведением, о преобладании в ней предметного содержания, вытеснении собственного «Я». Понимание картины мира дезадаптированного подростка способствует пониманию его поведения и путей дальнейшей коррекции.

Сапрыкина Ю.А.

Когнитивная оценка профессионально трудных ситуаций в работе страховых агентов

Проблема профессионально трудных ситуаций является актуальной в связи с возрастанием требований к профессионально важным качествам

специалистов, их способности справляться с рядом нерегламентированных ситуаций. Для профессии страхового агента характерны повышенные требования к личности профессионала, его способности преодолевать нештатные профессионально трудные ситуации. В настоящее время исследователями признается влияние когнитивной оценки ситуации на эмоциональное реагирование и поведение (Roseman, 1984; Scherer, 1984, 1997; Smith, Ellsworth, 1985; Ortony et al., 1988; Lazarus, Smith, 1990; Lazarus, 1991). В отечественной психологии также показана роль когнитивных процессов в развитии состояния профессионального стресса (Китаев-Смык, 1983; Леонова, 1988, 1993, 2007; Бодров, 2000, 2006), выявлено влияние когнитивной оценки профессионально трудных ситуаций на эффективность деятельности и самочувствие специалистов различного профиля (Дикая, 2002; Водопьянова, 2009).

В настоящей работе изучались особенности когнитивной оценки страховыми агентами профессионально трудных ситуаций (ПТС). В исследовании принимали участие 100 страховых агентов, работающих в разных страховых компаниях г. Волгограда и г. Липецка, в возрасте от 21 до 60 лет, стаж работы которых составил от 3 месяцев до 32 лет. Гипотеза заключалась в том, что оценка профессионально трудной ситуации в качестве стрессовой зависит от характера параметров когнитивной оценки ПТС.

На первом этапе исследования были выделены семь значимых для них ПТС: 1) клиент избегает контакта; 2) недоверие клиента; 3) конфликтное поведение клиента; 4) организационные сложности в работе; 5) клиент высказывает возражения; 6) клиент недоволен обслуживанием; 7) сложности в расчетах страхового тарифа.

На втором этапе каждая из выделенных трудных ситуаций оценивалась по 6 параметрам: повторяемость, эмоциональная напряженность, личная значимость, неконтролируемость, продуктивность, неопределенность (методика Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой (Водопьянова, Старченкова, 2009)).

В результате анализа были получены следующие данные. Наиболее высокие значения в выборке были получены по параметрам «значимость», «неопределенность» и «неконтролируемость», наиболее низкие — для параметров «повторяемость», «напряженность» и «продуктивность». Наибольшее значение параметра «значимость ситуации» характерно для ситуации 3 ($M = 3,39$, $SD = 2,09$) и ситуации 6 ($M = 3,64$, $SD = 2,38$). Наиболее значимые ситуации для данной выборки представляют собой ситуации взаимодействия с клиентами и, в частности, конфликтные ситуации. Это можно объяснить тем фактом, что от результата взаимодействия с клиентом зависит финансовый результат деятельности специалиста и в целом ее эффективность. Для параметра «неопределенность ситуации» характерны высокие

значения для всех описанных ситуаций, средние значения параметра близки друг к другу (ситуация 1: $M = 3,60$, $SD = 2,03$; ситуация 2: $M = 4,15$, $SD = 2,13$; ситуация 3: $M = 4,21$, $SD = 2,08$; ситуация 4: $M = 3,85$, $SD = 2,26$; ситуация 5: $M = 4,50$, $SD = 2,09$; ситуация 6: $M = 3,88$, $SD = 2,41$; ситуация 7: $M = 4,27$, $SD = 2,24$). По данному параметру наблюдаются самые высокие оценки по сравнению со всеми остальными критериями оценки стрессогенности ситуаций. Описанные ситуации воспринимаются специалистами как ситуации с высокой степенью неопределенности, развитие и результат которых специалисты не могут предсказать, а следовательно, они не знают способов преодоления подобных ситуаций. Наибольшее значение параметра «неконтролируемость» ситуации характерно для ситуации 6 ($M = 3,87$, $SD = 2,38$) и ситуации 5 ($M = 3,01$, $SD = 1,82$). Высокая степень неконтролируемости относится к коммуникативным ситуациям профессиональной деятельности. Наибольшие значения параметра «продуктивность» получены в ситуации 6 ($M = 3,32$, $SD = 2,52$), наименьшие — для ситуации 1 ($M = 2,30$, $SD = 1,71$) и ситуации 7 ($M = 2,35$, $SD = 1,79$). В целом большинство ситуаций не оцениваются специалистами как угрожающие достижению результата труда.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что три основных параметра оценок ПТС — «неопределенность», «значимость» и «неконтролируемость» ситуации играют ведущую роль в оценке профессионально-трудной ситуации в качестве стрессовой у страховых агентов. Параметры оценки «частота», «напряженность» и «продуктивность» играют наименьшую роль в оценке ПТС в качестве стрессовых. Данные критерии могут быть использованы для диагностики уровня профессионального стресса у страховых агентов и построения на этой основе коррекционных мероприятий.

Сергуничева Н.А.

Клинико-психологические особенности женщин, состоящих в созависимых отношениях

Люди, существующие бок о бок с членом семьи, злоупотребляющим психоактивными веществами (ПАВ), имеют ряд психологических особенностей. Зависимость одного из членов семьи неизбежно нарушает привычное семейное функционирование. С течением времени перед семьей встают новые вопросы и проблемы, обостряется внутрисемейное напряжение, усиливается тревога. Наряду с этим появляются индивидуально-психологические особенности переживания семейной трагедии, связанной с появлением в семье химически зависимого близкого.

Наше исследование было направлено на изучение клинико-психологических особенностей женщин, состоящих в отношениях с членами семьи

(супругами, детьми, родителями, близкими родственниками), злоупотребляющими психоактивными веществами (алкоголем/наркотиками). Экспериментальная группа состояла из 30 женщин, состоящих в отношениях с членом семьи, злоупотребляющим ПАВ. Группа сравнения была представлена 30 женщинами, не состоящими в созависимых отношениях, не имеющими отношений с членом семьи, злоупотребляющим ПАВ. Критериями включения в исследование явились: пол (женский), возраст (от 40 до 60 лет), наличие опыта общения с партнером или членом семьи, злоупотребляющим психоактивными веществами (наркотическими веществами или алкоголем).

В качестве методов психологического исследования были использованы: 1) клиничко-психологическое интервью; 2) методика «Симптоматический опросник SCL-90-R»; 3) опросник «Стратегии совладающего поведения» (ССП); 4) опросник П. Беккера. Математическая обработка данных проводилась с помощью анализа таблиц сопряженности, критерия Хи-квадрат, критерия t-Стьюдента для независимых выборок.

В результате анализа клиничко-психологического интервью женщин экспериментальной и контрольной групп были обнаружены статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$) по нескольким параметрам. В семейном анамнезе женщин, состоящих в созависимых отношениях, чаще встречаются случаи алкогольной — 66,7% ($n = 20$, $p = 0,0001$) и наркотической — 13,3% ($n = 4$, $p = 0,038$) зависимости среди близких родственников, а также невротические расстройства — 26,7% ($n = 8$, $p = 0,038$). Женщины экспериментальной группы чаще сообщают о наличии неприятных воспоминаний детского возраста — 36,7% ($n = 11$, $p = 0,0001$), о психических травмах детского возраста — 50,0% ($n = 15$, $p = 0,0001$) и, как следствие, чаще, чем женщины из контрольной группы, дают негативную оценку условиям своего воспитания — 36,7% ($n = 11$, $p = 0,001$).

Анализ выраженности психопатологической симптоматики позволил выявить статистически достоверные различия между женщинами экспериментальной и контрольной групп. Статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$) были выявлены по следующим показателям: соматизация ($p = 0,050$), депрессия ($p = 0,013$), тревожность ($p = 0,017$), фобическая тревожность ($p = 0,026$), межличностная сензитивность ($p = 0,010$), враждебность ($p = 0,003$), паранойяльные тенденции ($p = 0,001$), психотизм ($p = 0,001$), индекс PDSI (индекс выраженности дистресса) ($p = 0,003$). По результатам анализа методики «ССП» можно сделать следующий вывод: женщины, состоящие в созависимых отношениях, достоверно чаще используют такие копинг-стратегии, как «конфронтация» ($p = 0,003$), «поиск социальной поддержки» ($p = 0,001$), «бегство-избегание» ($p = 0,012$), «положительная переоценка» ($p = 0,043$). Возможно, выраженность психопатологической симптоматики свя-

зана с использованием неконструктивных копинг-стратегий. Наличие или отсутствие данной связи нам предстоит проверить. Проведенный сравнительный анализ по показателям шкалы «психологическое здоровье» опросника П. Беккера не выявил статистически достоверных различий ($p \leq 0,05$) между показателями контрольной и экспериментальной групп женщин.

Результаты нашего исследования показали, что женщины, состоящие в созависимых отношениях, демонстрируют высокий уровень психопатологической симптоматики, а именно: тревожности, депрессии, межличностной сензитивности, враждебности, фобических страхов, паранойальности. У созависимых женщин наблюдаются соматические нарушения, которые отражают длительное и интенсивное воздействие дистресса. Длительное воздействие дистресса, невнимательность к собственным потребностям и недугам, депрессия, хронические страхи и тревожность относят женщин, состоящих в отношениях с членом семьи, злоупотребляющим ПАВ, к группе риска.

Симачева А.И.

Проявление уверенности в себе и доверия у современных подростков

Государство ставит перед образованием новые задачи, требования к выпускнику современной школы растут: выпускник должен не просто владеть предметными знаниями, но еще и быть разносторонне развитой личностью, обладающей стремлением к самообразованию (Львова, 2013). Эта тенденция приводит к тому, что дополнительное образование, которое предоставляет подростку возможности самореализации в различных жизненных сферах (когнитивной, социальной, творческой), становится важной частью образовательного пространства. Проявляя сверхнормативную активность в той или иной сфере, подросток может столкнуться с различными психологическими трудностями, что приводит к необходимости психологического сопровождения не только в школе, но и в среде дополнительного образования. В подростковом возрасте у молодых людей формируется самосознание, мировоззрение, появляется повышенная чувствительность к критике и неуверенность в себе (Маслова, 2012; Папура, 2010). В этом возрасте также обостряются процессы межгруппового восприятия: подростки зачастую теряют доверие не только к окружающему миру, но и к близким людям, родителям. Это приводит к необходимости изучения особенностей и динамики доверия/недоверия в молодежной среде.

Исследование особенностей проявления и взаимосвязи феноменов уверенности в себе и доверия у подростков было проведено в 2013–2014 гг. Всего в исследовании приняли участие 157 человек в возрасте от 13 до 18 лет включительно. Выборку составили 3 группы подростков: 1) подростки

с выраженной сверхнормативной активностью в когнитивной сфере жизнедеятельности; 2) подростки с выраженной сверхнормативной активностью в социальной сфере; 3) «обычные» подростки, не отягощающие свое пребывание в учебном заведении какими-либо формами проявления сверхнормативной интеллектуальной или социальной активности. Методами сбора эмпирических данных явились методики: «Тест уверенности в себе» (Ромек, 1988), методика Дж.Б. Роттера «Шкала межличностного доверия» (в адаптации С.И. Достовалова). Полученные результаты были обработаны с помощью пакета программ «Statistica 7», проведен корреляционный анализ, использован χ^2 -критерий Пирсона, а также проведено сравнение средних значений в каждой из выборок, использован LSD-критерий.

Сравнительный анализ результатов с помощью статистических методов показал, что у подростков, проявляющих активность в когнитивной сфере, инициатива в социальных контактах ниже, чем у подростков, активных в социальной сфере ($M(1) = 18,25$, $M(2) = 19,88$ при $p = 0,03$), и «обычных» подростков ($M(1) = 18,25$, $M(3) = 20,00$ при $p = 0,01$). Также выявлены достоверные различия среди групп подростков по показателю доверия к социальному миру. У подростков, активных в когнитивной сфере, доверие к социальному миру ниже, чем у подростков, активных в социальной сфере ($M(1) = 64,43$, $M(2) = 69,10$ при $p = 0,03$). Корреляционный анализ различных сторон уверенности (общей уверенности в себе, социальной смелости и инициативы в социальных контактах) и доверия к социальному миру показал, что в группах подростков, проявляющих активность в различных сферах жизнедеятельности, не обнаружено корреляции между уверенностью в себе и доверием. При попытке объединения этих двух групп была выявлена взаимосвязь между доверием и уверенностью. Именно в группе подростков, проявляющих сверхнормативную активность, доверие к миру положительно коррелирует с инициативой в социальных контактах ($r = 0,32$ при $p = 0,034$). Подобных связей между феноменами в группах «обычных» подростков нет.

Исследование показывает, что подростки, проявляющие сверхнормативную активность в интеллектуальной сфере, в большей степени испытывают дефициты социального доверия и уверенности в себе, чем «обычные» подростки, которые не проявляют каких-либо форм сверхнормативной активности. При этом подросткам, активным в когнитивной сфере, чаще свойственны недоверие и неуверенность в сравнении с группой подростков, активных в социальной сфере. Для минимизации дефицитов уверенности и доверия подростков, проявляющих сверхнормативную активность в когнитивной и социальной сфере, необходимо организовывать соответствующее психологическое сопровождение и поддержку. Одним из направлений психологической работы с такой группой молодежи может выступать расшире-

ние границ доверия к себе и гармонизация системы доверительных отношений как условия психологического комфорта личности.

Синельникова Е.С.

Этнокультурные особенности проявления эмоционального интеллекта в конфликте

Эмоциональный интеллект, умение понимать свои эмоции и управлять ими, является значимым фактором межличностного взаимодействия. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о важной роли эмоционального интеллекта в социальной адаптации (Панкова, 2011), адаптации к инокультурной среде (Lin Yi-Chun et al., 2012). Конструктивная роль эмоционального интеллекта в конфликте теоретически обоснована тем, что в конфликтной ситуации ее участники переживают интенсивные негативные эмоции, которые могут стать причиной принятия решений, наносящих ущерб как совместной деятельности, так и интересам всех сторон конфликта (Рубинштейн, 2008). В исследовании Э. Гальперина и соавторов (Halperin et al., 2013) получены данные, свидетельствующие о позитивном влиянии эмоциональной регуляции на установки израильских респондентов в отношении мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Целью настоящего исследования было выявление этнокультурных особенностей проявления эмоционального интеллекта российскими и голландскими респондентами. В исследовании приняли участие 146 россиян (из них 59, 6% женщин, средний возраст 20,15 лет) и 125 голландцев (из них 66,4 % женщин, средний возраст 21,62 лет). Для изучения этнокультурных особенностей взаимодействия в конфликте применялся метод кейсов «Конфликтные ситуации» (Е.С. Синельникова, Д. Уигболдус). Эмоциональный интеллект исследовался с помощью методики «Самооценочный тест эмоционального интеллекта» Н. Шутте и др. (Schutte et al., 1998). Результаты исследования анализировались с помощью программы SPSS-17, применялся однофакторный дисперсионный анализ. Проводилась проверка нормальности распределения переменных по критерию Колмогорова — Смирнова. В случае нормального распределения переменных для проверки статистической достоверности различий между группами российских и голландских респондентов применялся критерий Стьюдента для зависимых выборок, в противном случае применялся критерий Манна — Уитни.

В исследовании было выявлено, что российские респонденты по сравнению с голландскими респондентами более высоко оценивают тактики взаимодействия: уточнение позиции партнера ($p < 0,001$) и ирония ($p < 0,01$). Голландские респонденты по сравнению с российскими респондентами

более высоко оценивают тактики взаимодействия: выражение своих чувств и позиции ($p < 0,05$), признание чувств партнера ($p < 0,001$), обвинение ($p < 0,01$). В исследовании не были выявлены статистически достоверные различия между российскими и голландскими респондентами в оценке агрессивной стратегии и стратегии сотрудничества. Эмоциональный интеллект способствует высокой оценке тактики взаимодействия в конфликте выражение чувств у российских ($R^2 = 0,136$, $p < 0,01$, частная эта в квадрате $0,087$) и голландских респондентов ($R^2 = 0,103$, $p < 0,001$, частная эта в квадрате $0,103$). Эмоциональный интеллект способствует высокой оценке тактик взаимодействия в конфликте: предложение решения проблемы ($R^2 = 0,151$, $p < 0,001$, частная эта в квадрате $0,151$) и уточнение позиции партнера ($R^2 = 0,056$, $p < 0,05$, частная эта в квадрате $0,056$) у российских респондентов. Эмоциональный интеллект способствует высокой оценке стратегии «сотрудничество» российскими респондентами ($R^2 = 0,193$, $p < 0,001$, частная эта в квадрате $0,141$) и голландскими респондентами ($R^2 = 0,079$, $p < 0,01$, частная эта в квадрате $0,079$).

Мы можем сделать вывод, что этнокультурные различия между российскими и голландскими респондентами проявляются не в стратегии взаимодействия в конфликте, а в тактиках взаимодействия — инструментах достижения целей: россияне как представители высококонтекстной культуры предпочитают тактики непрямой коммуникации, а голландцы как представители низкоконтекстной культуры — тактики прямой коммуникации (Сидоренко, 2008). Результаты исследования свидетельствуют, что эмоциональный интеллект является значимым фактором оценки тактик взаимодействия в конфликте как у российских, так и у голландских респондентов. У российских респондентов эмоциональный интеллект проявляется в ориентации на разрешение конфликтной ситуации в интересах всех сторон конфликта. У голландских респондентов эмоциональный интеллект проявляется в ориентации на уверенное и уважительное по отношению к партнеру выражение своей позиции в конфликте. Несмотря на этнокультурные особенности проявления эмоционального интеллекта на уровне тактик взаимодействия в конфликте, эмоциональный интеллект является фактором ориентации на сотрудничество в конфликте у российских и голландских респондентов.

Сокинина А.А.

Эмоциональное развитие детей посредством сказки в условиях введения ФГОС

Наиболее знакомый всем с раннего детства вид искусства — сказка. Она обладает всеми необходимыми свойствами для ее эффективного использо-

вания в работе с детьми и отражает самые значимые характеристики детской личности, образ мышления ребенка, склонность к фантазированию. В настоящее время в системе воспитания младших школьников сказка игнорируется, а ведь именно она несет в себе элементы нравственного и экологического воспитания и образования детей. Сказка способствует тому, чтобы ребенок задумался над смыслом того, что с ним происходит, понимал, что «нет однозначных событий, даже внешне неприятная ситуация может обернуться через некоторое время благом» (Зинкевич-Евстигнеева, 2006). Сказка — это вера в чудо, которая отражает потребность человека в настоящее время. Для нас значимо то, что «сказочный урок» переходит в реальную жизнь ребенка, предоставляя ему возможность не просто проговорить свои эмоции, выразить свою обиду, гнев или страх, а осмыслить ситуации по-новому.

В соответствии с вышесказанным цель исследования состояла в изучении психологических возможностей сказки как средства развития эмоциональной сферы детей младшего школьного возраста. Объект исследования: особенности эмоциональных проявлений младших школьников. Предмет исследования: сказка как фактор, влияющий на особенности развития эмоциональной сферы детей младшего школьного возраста. Гипотеза: использование сказки является эффективным психолого-педагогическим средством формирования эмоционального благополучия младших школьников. Исследование проводилось в 2012–2013 годах на базе МБОУ СОШ №129 г. Н. Новгорода. В исследовании приняли участие 150 обучающихся 1-х классов в возрасте 7–8 лет. Стоит отметить, что все дети, задействованные в исследовании, были развиты согласно возрастным нормам. Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы нами была разработана коррекционно-развивающая программа «Путешествие по сказочной стране». Важным моментом в разработке программы являлась ее ориентация на эмоциональное развитие, но в то же время ее комплексность, неотрывность от других психических сфер ребенка. Эмоции ребенка выступали для нас не отдельными единицами, оторванными от общей психической жизни младшего школьника, а частью взаимосвязанной и взаимодействующей системы (Выготский, 2010).

Задачи программы: 1. обучение навыкам снятия напряжения; 2. работа с негативными чувствами и эмоциями; 3. развитие морально-нравственных чувств; 4. развитие контроля над импульсивностью; 5. снятие тревожности; 6. развитие положительного отношения к другим и к себе; 7. развитие воображения, актуализация творческих ресурсов; 8. развитие эмпатии и рефлексии. В качестве средства отслеживания эффективности программы использовались констатирующий и контрольный замеры, в рамках которых

применялись следующие методики: «Детские страхи» А.И. Захарова, тест «Несуществующее животное», тест «Рисунок семьи», «Домик», «Исследование мотивационно-нравственных особенностей ребенка» А.В. Запорожца. Констатирующий замер проводился нами в начале учебного года — в сентябре. Контрольный замер — в конце учебного года — в апреле. Обратимся к полученным результатам. Контрольный замер показал, что 49% детей испытывают страх на высоком уровне. Доминирующие страхи данных обучающихся: боязнь одиночества, страх наказания и страшных снов, страх нападения, боязнь неожиданных резких звуков. Также у данных детей наблюдались признаки тревожности, неуверенности, астеничности, подавленности, импульсивности и несформированности произвольности. Оптимальный уровень страхов, не нарушающий жизнедеятельность ребенка, был выявлен у 24% испытуемых. Средний — у 27%. Следует отметить, что дети с высоким уровнем тревожности демонстрировали ярко выраженную лабильность в проявлении чувств и эмоций: от полного равнодушия до бурного реагирования, часто не соответствующего ситуации. На этапе контрольного замера мы выявили, что количество испытуемых с высоким уровнем страхов к концу учебного года снизилось на 20% (с 49% до 29%). В то же время процент детей с благоприятным оптимальным уровнем детских страхов увеличился почти в два раза — 46%. Также у детей отмечена положительная динамика в развитии навыков самоконтроля, в снижении импульсивности и развитии эмоционально-нравственной саморегуляции. Таким образом, мы можем сказать, что наша гипотеза о положительном влиянии сказки на эмоциональное развитие детей не была опровергнута.

Сокинина А.А.
Шутова Н.В.

Влияние родительского отношения на эмоциональное развитие младших школьников

Проблема родительского отношения в современном обществе и семье является очень острой. Психология взаимоотношений между родителями и детьми — одна из наиболее сложных и перспективных областей современной науки. Актуальность исследования связана с ростом эмоциональных нарушений у детей, с появлением в структуре детско-родительских отношений деструктивных элементов. Анализируя структуру детско-родительских отношений, психологи (Э. Фромм, А. И. Захаров, А. Я. Варга и др.) в качестве основного ее компонента выделяют эмоциональное отношение родителей к ребенку. Психологи настаивают на необходимости изучения стиля общения родителей с ребенком, способов контроля, санкций (Ф. Райс, Б.Ф. Скиннер,

К. Роджерс, О.А. Карабанова). Особый статус в данной области приобретает проблема семейного воспитания (Э.Г. Эйдемиллер, А.И. Захаров, А.Е. Личко, В.В. Юстицкис и др.).

Исходя из вышеуказанного, цель нашего исследования состояла в изучении влияния родительского отношения на развитие эмоциональной сферы младших школьников. Объект исследования: особенности эмоциональных проявлений младших школьников. Предмет исследования: родительское отношение и его влияние на эмоциональную сферу младших школьников. Гипотеза: значительным фактором в благополучном развитии эмоциональной сферы младших школьников является тип семейного воспитания. В исследовании использовались следующие методики. Для диагностики родительского отношения применялись: 1. Опросник стиля родительского воспитания АСВ Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса. Опросник направлен на исследование меры присутствия в воспитательном поведении родителя негармоничных, деструктивных элементов воспитания. 2. Опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ). Данный опросник позволяет выявить степень выраженности характеристик эмоционального взаимодействия родителя с ребенком. С детьми использовались: 1. Методика «Выявления страхов у детей» А.И. Захарова. 2. Тест детской тревожности СМАС. 3. Детский вариант самооценки форм агрессивного поведения (Модифицированный вариант методики А. Баса — А. Дарки).

В исследовании принимали участие 120 испытуемых, среди которых 60 детей (восьми и девяти лет), а также их родители (60 человек). Данное исследование проходило в три этапа. На первом этапе исследовалось родительское отношение. В результате мы выявили семьи с типом воспитания, характеризующимся как «деструктивное» и способствующее неблагоприятному развитию эмоциональной сферы детей. В качестве дисгармоничных показателей воспитания при эмоциональных расстройствах у младших школьников преобладали доминирующая гиперпротекция, подавлении воли ребенка и вмешательство в его внутренний мир; низкий уровень заботы и контроля, акселерация развития ребенка; повышенная моральная ответственность; непоследовательность или хаотичность воспитания. На втором этапе мы исследовали выраженность негативных эмоциональных проявлений у младших школьников. На третьем этапе мы сравнивали группу семей с деструктивными особенностями воспитания с эмоциональными особенностями детей, воспитывающихся в данных семьях. Мы установили, что в этих семьях у детей наблюдаются: повышенный уровень тревожности и выраженности страхов, частая демонстрация чувства вины и подозрительности. При этом данные дети не склонны к агрессивным проявлениям. Обратная картина наблюдается в семьях, где негативные тенденции

воспитания отсутствуют или не являются значимыми. Для дополнительной проверки нашей гипотезы мы использовали корреляционный анализ Пирсона, который показал наличие умеренной связи при $p < 0,01$ между высоким уровнем тревожности, страхов и чрезмерностью требований-запретов, недостаточностью требований-обязанностей, доминирующей гиперпротекцией, повышенной моральной ответственностью и эмоциональным отвержением. Данные выводы согласуются с нашей гипотезой о том, что тип семейного воспитания является значительным фактором в благополучном развитии эмоциональной сферы младших школьников. Таким образом, мы можем сказать, что наша гипотеза о влиянии типа родительского воспитания на эмоциональное развитие детей не была опровергнута.

Соколов Е.А.

Особенности личности студентов с различными уровнями и видами перфекционизма

Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, проявляющееся в невозможности реалистично оценивать возможности самого себя и окружающих. Перфекционизм включает в себя не только личностный стиль, который выражается в желании индивида достичь совершенства, но и социально ориентированный стиль, при котором немаловажное значение играет оценка окружающих. Факторами, влияющими на развитие перфекционизма, являются: критика родителей, высокие требования, предъявляемые в школе, социокультурные условия (Иванченко, 2007; Ясная, Ениколопов, 2007; Kumari et al., 2012).

Методологическую основу исследования составили когнитивный подход П. Хьитта и Г. Флита (Flett et al., 1992). В качестве основных методик использовались «Многомерная шкала перфекционизма» (MPS), разработанная П. Хьюиттом и Г. Флитом и адаптированная на русскоязычной выборке И.И. Грачевой (Грачева, 2006), психодиагностический тест, разработанный Л.Т. Ямпольским (Фурманов, 1998). Применялись методы статистической обработки данных. В исследовании приняли участие 122 студента 1–5 курсов в возрасте от 17 до 24 лет, из которых 76 женского пола и 46 мужского.

Было установлено, что существуют различия у студентов с низким и высоким уровнем общего перфекционизма по таким личностным показателям, как невротизм, депрессия, совестливость, эстетическая впечатлительность, что характеризует перфекционистов как тревожных, возбудимых, впечатлительных, склонных к угнетенному состоянию, а также более ответственных и добросовестных, для них характерно конкретно-образное мышление. У юношей с высоким уровнем перфекционизма более выражена такая

личностная особенность, как психотизм и совестливость, чем у юношей с низким уровнем перфекционизма, что проявляется в ответственности, добросовестности, состоянии возбуждения и напряжения, возможности возникновения конфликта и самим собой. У девушек с низким и высоким уровнем перфекционизма были выявлены различия по таким характеристикам, как невротизм, депрессия, совестливость, что характеризует девушек с высоким уровнем перфекционизма, как тревожных, возбудимых, впечатлительных, склонных к угнетенному состоянию, а также более ответственных и добросовестных, уважительно относящихся к социальным нормам. Существуют половые различия по таким критериям, как невротизм, депрессия и женственность, у индивидов с высоким уровнем общего перфекционизма. Девушки с высоким уровнем перфекционизма являются более тревожными, возбудимыми, впечатлительными, склонными к угнетенному состоянию, к самооценке и самоанализу, чем юноши с высоким уровнем перфекционизма. Корреляционный анализ показал, что чем выше уровень перфекционизма, тем выше показатели по таким личностным характеристикам, как невротизм, депрессия, психотизм, совестливость, эстетическая впечатлительность. Следовательно, высокий уровень общего перфекционизма взаимосвязан с такими личностными показателями, как тревожность, возбудимость, впечатлительность, напряженность, ответственность, добросовестность, стеснительность, скованность в интерперсональных отношениях, готовность к сотрудничеству, чуткость к интерперсональным отношениям; выше вероятность формирования угнетенного состояния, преобладает конкретно-образное мышление. Для студентов с субъектно-ориентированным перфекционизмом характерны такие личностные особенности, как ответственность, добросовестность, уважительное отношение к социальным нормам и этическим требованиям, склонность к самооценке и самоанализу, скромность в поведении, а также тревожность, возбудимость, впечатлительность, напряженность, склонность к формированию угнетенного состояния, к самооценке и самоанализу, скромность в поведении, готовность к сотрудничеству, чуткость в интерперсональных отношениях. Индивида с объектно-ориентированным перфекционизмом можно охарактеризовать как конфликтного и импульсивного. Индивида с социально предписываемым перфекционизмом можно охарактеризовать как стеснительного, скованного в интерперсональных отношениях, возбудимого, тревожного, впечатлительного, напряженного, склонного к формированию угнетенного состояния, ответственного и добросовестного, для таких испытуемых не характерна конфликтность, импульсивность, активность, энергичность, готовность сотрудничать и чуткость отношения к другим людям.

Соколовская О.К.

Связь увлеченности интернет-технологиями с ценностями в подростковом возрасте

Яркой отличительной особенностью современного общества является стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и на их основе глобальных компьютерных сетей. Интернет стал неотъемлемой частью жизни цивилизованного общества и фактором социализации подрастающего поколения. Увлечение интернет-технологиями, в том числе чрезмерное, деструктивное, является широко обсуждаемой проблемой (Войскунский, 2000).

Подростковый возраст знаменуется бурным развитием и перестройкой социальной активности ребёнка. Современные подростки испытывают острый кризис в процессе формирования их ценностных ориентиров. Изучение личностных факторов устойчивости к негативному влиянию интернет-технологий является актуальной областью исследовательской деятельности, что позволило сформулировать цель нашей работы: изучение связи уровня увлеченности интернет-ресурсами с ценностями у подростков. Мы предположили наличие связи степени увлеченности интернет-ресурсами с ценностями у подростков: подростки, в качестве ценностных ориентиров выбирающие удовольствие, доминирование над людьми и ресурсами, чаще демонстрируют чрезмерное увлечение интернет-технологиями; подростки, ориентированные на просоциальные ценности, чаще демонстрируют продуктивные формы использования интернет-технологий. Мы провели эмпирическое исследование, в котором приняли участие обучающиеся 9-х классов МБОУ «Средняя образовательная школа №30» г. Череповца в количестве 60 человек. Были использованы методика Кимберли Янг, направленная на выявление интернет-зависимости, и опросник ценностей личности Ш. Шварца.

На первом этапе нашего исследования мы изучили ценности подростков. Полученные результаты отражают, что для изучаемой выборки ценностями высокой значимости на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов являются «самостоятельность» и «достижения». Подростки ориентированы на самостоятельность мышления, выбор способов действия и в творчестве, и исследовательской активности. Мы можем заключить также, что для старшеклассников одной из определяющих целей является личный успех, который проявляется через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами, что, в свою очередь, влечет за собой социальное одобрение. Наименьшей значимостью как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов обладают такие ценности, как традиции. Подростки в меньшей степени

ориентированы на соблюдение единых ценностей и правил окружающего их социума, принятие обычаев, которые существуют в культуре.

На втором этапе нашего исследования мы изучили уровень увлеченности интернет-технологиями у подростков. Четверть испытуемых характеризуются чрезмерным увлечением Интернетом, что создает проблемы в их повседневной жизни. Для статистической обработки данных мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Между уровнем увлеченности интернет-технологиями и ценностями «конформизм», «доброта», «универсализм», а на уровне нормативных идеалов и с ценностями «безопасность», выявлена сильная обратная связь. Между уровнем интернет-зависимости и ценностями «гедонизм», «достижения» и «власть» выявлена значимая положительная связь. Таким образом, чем больше значимы для подростков такие ценности, как «конформизм», «доброта» и «универсализм», тем меньший уровень зависимости от интернет-технологий они демонстрируют. Просоциальные ценности понимания, доброжелательности, благополучия в сочетании с консервативной направленностью (включающей ценности безопасности и конформизма) в большей степени определяют эффективный самоконтроль использования интернет-технологий. Испытуемые с высоким уровнем зависимости стремятся к авторитетности, общественному признанию, лидерству, хотя добиться личного успеха. Основной мотивацией их также является получение удовольствия. Можно предположить, что виртуальное пространство способствует более легкой реализации потребностей в признании, доминировании, в успехе. Тем самым создаются условия для чрезмерной увлеченности современными технологиями, влекущей нарушения социально-психологической адаптации подростка в «реальном» мире. Исходя из полученных данных, следует подчеркнуть актуальность профилактических мероприятий чрезмерной увлеченности коммуникативно-информационными технологиями в подростковом возрасте: формирование продуктивных форм использования интернет-ресурсов, личностной устойчивости подростков, просоциальных ценностных ориентиров, содействие конструктивным формам реализации ценностей достижения, успеха.

Степанова Ю.В.

Изучение психолингвистического барьера у учащихся 8–9 классов

Трудности, возникающие при изучении иностранного языка, принято обозначать термином «языковой барьер». Проявления и причины этого разнообразны (Каскевич, 2010). Целью настоящего исследования была проверка гипотезы о меньшей частоте встречаемости языкового барьера у учащихся

8–9 классов средней общеобразовательной школы, изучающих английский язык, по сравнению с барьерами, вызванными освоением других дисциплин.

Барьер понимания связан с тем, что часто человеку, изучающему иностранный язык, сложно понять собеседника с первого раза. Это зависит от ряда причин. Во-первых, от словарного запаса учащегося. Обычно он возникает у начинающих, которым попросту недостаточно слов для понимания речи носителя языка. Во-вторых, это зависит от самого изучаемого языка. Известно, что барьер понимания труднее преодолевается при изучении языков, в которых написание сильно отличается от произношения (например, английского и французского), в то время как при изучении немецкого, испанского или итальянского языков, в которых произношение соответствует написанию, этот барьер преодолеть легче (Фирсова, 2013; Лис, 2014).

Барьер говорения обусловлен чаще всего тем, что учащийся с трудом подбирает слова в разговоре и боится сделать ошибку. Это, во-первых, может быть объяснено недостаточностью словарного запаса, как и барьер понимания. Также барьер говорения может быть связан с типологическими особенностями нервной системы и темперамента — известно, что интровертам сложнее начать разговор, чем экстравертам, и, кроме того, страх совершить ошибку у них сильнее. В-третьих, этот барьер может быть обусловлен тем, что учащемуся приходится вначале мысленно строить текст на родном языке, а затем переводить его на иностранный, тем самым создавая неловкую паузу в разговоре. Барьер говорения может возникнуть и из-за школьного барьера, о котором пойдёт речь ниже (Фирсова, 2013; Лис, 2014).

Школьный барьер формируется в первую очередь у тех людей, у которых имелись какие-либо проблемы при изучении иностранного языка в школе. Это чаще всего результат плохих отношений с учителем, например, в тех случаях, когда учитель запугивает учеников или прямо указывает на отсутствие у них языковых способностей. Школьный барьер может быть обусловлен страхом перед «двойкой» у тех, кто в школе имел по иностранному языку неудовлетворительные оценки (Фирсова, 2013; Лис, 2014).

Межкультурный барьер стоит несколько особняком ото всех прочих барьеров и связан с тем, что человек просто не хочет учитывать культурные традиции страны-носителя изучаемого языка. Межкультурный барьер возникает также при недостаточном знании речевых норм изучаемого языка. Не будет лишним привести два наглядных примера. В итальянском языке приветствие до обеда звучит как «Buon giorno» (добрый день), а после обеда — «Buona sera» (добрый вечер), что не согласуется с привычным для русских представлением о времени суток (утро по-итальянски — *mattina*, а время обеда во всём мире примерно одинаково). Ещё пример: в английском языке сильные прилагательные не согласуются с наречием *very* (очень). Таким

образом, если в русскоязычной научной литературе (например, в медицинских текстах) можно встретить такие, например, выражения, как «больной очень истощён», то в англоязычной литературе словосочетания такого рода недопустимы (прилагательное *exhausted* — «истощённый» в английском языке является сильным). Поскольку это обусловлено не столько общими правилами языка, сколько менталитетом его носителей, снять межкультурный барьер можно с помощью различной страноведческой информации (чтение книг и особенно поездки в страну изучаемого языка) (Фирсова, 2013; Лис, 2014).

Нами было проведено исследование языкового барьера у учащихся 8–9 классов, гипотезой исследования послужило то, что, во-первых, языковой барьер у школьников встречается реже, чем трудности в освоении точных наук (математики, физики, химии). Также было выдвинуто предположение, что у учащихся чаще встречается барьер понимания или говорения в связи с тем, что школьный барьер обычно появляется после окончания школы или в процессе обучения, а межкультурный — в начале общения с носителями языка.

В выборку вошли 80 учащихся 8–9 классов средней общеобразовательной школы, изучающих английский язык. Среди них было проведено анкетирование, в ходе которого испытуемым задавались вопросы относительно того, какие предметы вызывают у них наибольшие трудности, есть ли у них проблемы с изучением иностранного языка, далее положительно ответивших просили очертить свою проблему. Результаты анкетирования были проверены с помощью статистического критерия χ^2 Пирсона.

Путём статистического анализа было показано, что изучение точных наук вызывает больше затруднений у учащихся (56,25%), чем изучение иностранных языков ($\chi^2 = 36,8$; $p < 0,001$). Это указывает на то, что у школьников большие трудности вызывают точные науки, чем иностранные языки, хотя процентное преобладание показателя «Точные науки» незначительно. Вторая гипотеза также не была опровергнута. Большую долю в распределении языкового барьера занимает барьер понимания (54,55%) и барьер говорения (36,36%). Результаты также оказались статистически значимыми ($\chi^2 = 20,2$; $p < 0,001$). Статистической поддержке второй гипотезы сопутствует значительное процентное преобладание показателей «Барьер понимания» и «Барьер говорения» над остальными, что позволяет сделать предположение о значительном преобладании этих двух типов барьера в генеральной совокупности.

Результаты исследования показывают, что языковой барьер у школьников встречается реже (хотя и не намного), чем трудности в изучении точных наук. Если же языковой барьер встречался, то обусловлен он был либо непо-

ниманием речи носителя языка, либо боязнью говорения, страхом сделать ошибку. Результаты предыдущих исследований (Сироткина, 2011; Соколов, 2011; Фирсова, 2013; Лис, 2014) показали, что в целом это преобладание в России обусловлено традиционной системой обучения иностранным языкам, при которой язык из средства общения превращается в школьный предмет. Школьное обучение подразумевает оценочность, которая зачастую формирует страх ошибок, что чаще всего приводит к формированию барьеров. Кроме того, иностранный язык как школьный предмет ориентирован больше на знание грамматических правил и умение писать, развитию навыка говорения уделяется мало внимания, что также может сформировать языковой барьер.

Ограничения данного исследования: исследование было проведено на школьников, изучающих английский язык. Следовательно, данную гипотезу необходимо проверить на других выборках и на примере других языков. Как говорилось выше, большую роль в формировании барьера понимания играет соответствие написания произношению. В английском языке существует различие между написанием и произношением, что создаёт дополнительные условия для возникновения барьера, в отличие, например, от испанского или немецкого, где написание соответствует произношению. Поэтому существует необходимость проверки гипотезы на выборках людей, изучающих другие языки. Также следует принять во внимание в качестве ограничения тот факт, что при проведении данного исследования использовались исключительно методы самоотчёта.

Стракович М.И.

Образ идеального педагога у студентов очной и заочной форм получения образования

При существующем многообразии подходов к изучению различных сторон личности педагога в настоящее время остро встала проблема формирования у студентов целостного идеального образа педагога как ценности-цели, смысла своего профессионального становления. Как следствие, остаётся недостаточно изученным процесс формирования идеальных представлений в системе личностно-профессиональной подготовки педагога (Дудина, 2009).

С целью выявления специфики образа идеального педагога, имеющегося у студентов педагогических специальностей, нами было проведено исследование на базе Барановичского государственного университета. Выборку исследования составили 27 студентов очной и 17 студентов заочной форм получения образования. Изучение образа педагога, имеющегося

у студентов, осуществлялось с помощью методики «Диагностика межличностных отношений» (Л.Н. Собчик).

Нами определена иерархия типов межличностного поведения, которые, по мнению студентов очной формы получения образования, должны быть свойственны идеальному учителю: 1) сотрудничающее-конвенциональный (ср. знач. = 5,67) и властно-лидирующий (ср. знач. = 5,59) типы. Учитель должен быть склонным к сотрудничеству, компромиссным в конфликтных ситуациях, стремиться быть в согласии с мнением учащихся, сознательно конформным, следовать принципам хорошего тона, помогать, быть общительным. В то же время учителю следует быть уверенным в себе, упорным, настойчивым. 2) Ответственно-великодушный (ср. знач. = 4,48) тип. Учитель должен проявлять выраженную готовность помогать учащимся, обладать развитым чувством ответственности, проявлять теплоту и дружелюбие. 3) Прямолинейно-агрессивный (ср. знач. = 3,89) и независимо-доминирующий (ср. знач. = 3,37) типы. Учитель иногда должен проявлять независимость, настойчивость в достижении цели, прямолинейность, энергичность, непосредственность, уверенность, соперничество. 4) Покорно-застенчивый (ср. знач. = 2,33), зависимо-послушный (ср. знач. = 2,04) и недоверчиво-скептический (ср. знач. = 0,89) типы. Учитель в минимальной степени должен проявлять скромность, подозрительность, застенчивость. Ему в незначительной степени следует брать на себя обязанности учащихся. Менее ценными качествами для учителя выступают реалистичность в суждениях и поступках, критичность по отношению к учащимся, скептицизм, неконформность.

В образе идеального педагога, имеющемся у студентов заочной формы получения образования, представлена следующая иерархия типов межличностного поведения: 1) сотрудничающее-конвенциональный (ср. знач. = 6,06), властно-лидирующий (ср. знач. = 5,35) и ответственно-великодушный (ср. знач. = 5,35) типы. Учитель должен быть склонным к тесному сотрудничеству с учениками, помогать, обладать уверенностью, умением быть хорошим советчиком, наставником, руководителем. 2) Независимо-доминирующий (ср. знач. = 3,76), прямолинейно-агрессивный (ср. знач. = 3,71) зависимо-послушный (ср. знач. = 3,53) типы межличностного поведения. Педагог должен обладать независимостью, потребностью в помощи и доверии со стороны окружающих, в их признании, реалистичностью в суждениях и поступках, критичностью, непосредственностью, прямолинейностью, настойчивостью. 3) Покорно-застенчивый (ср. знач. = 3,12) и недоверчиво-скептический (ср. знач. = 2,12) типы. Учитель в минимальной степени должен проявлять скромность, застенчивость, скептицизм и неконформность, а также реалистичность в суждениях и поступках, критичность.

Установлены статистически значимые различия в представленности характеристик недоверчиво-скептического ($t = 2,23$; $p < 0,05$) и зависимо-послушного ($t = 3,17$; $p < 0,05$) типов межличностного поведения в образе идеального педагога, имеющегося у студентов очной и заочной форм получения образования. Студенты заочной формы получения образования отметили большую целесообразность проявления учителем недоверчиво-скептического и зависимо-послушного типа межличностного поведения по сравнению со студентами очной формы обучения.

Таким образом, в представлении студентов очной формы получения идеальный педагог обладает следующими характеристиками: уверенный в себе, упорный, настойчивый, общительный, проявляющий дружелюбие, стремящийся быть в согласии. У студентов заочной формы получения образования сложился следующий образ идеального педагога: не только обладает склонностью к тесному сотрудничеству с учениками, способностью помогать, уверенностью, является наставником, руководителем, но и проявляет реалистичность в суждениях и поступках, критичность.

Стрельникова Ю.Ю.

Многолетняя служебная деятельность сотрудников МЧС: психологические последствия

Перманентно пролонгированный профессиональный стресс у специалистов пожарно-спасательного профиля характеризуется напряжением функциональных систем организма и сопровождается психофизиологическими изменениями (чаще доклинического уровня), которые, будучи оставленными без внимания, переходят в дальнейшем в психосоматические заболевания и пограничные психические расстройства.

Гипотеза исследования: выполнение сотрудниками МЧС России профессиональной деятельности в условиях длительной психофизической нагрузки влияет на психологическое и соматическое здоровье, проявляясь в виде негативных и адаптивно-позитивных изменений личности.

Объект исследования: 1-я группа — «молодые» сотрудники МЧС России ($n_1 = 60$), средний возраст ($23,2 \pm 2,9$) лет, имеющие стаж службы ($1,9 \pm 1,1$) лет; 2-я группа — «опытные» сотрудники ($n_2 = 80$), средний возраст ($37,1 \pm 4,5$) лет, стаж службы в МЧС ($13,9 \pm 2,9$) лет.

Методы исследования: СМИЛ, тест М. Люшера, опросник травматического стресса И.О. Котенева; опросник выраженности психопатологической симптоматики, изучалась заболеваемость за год (по листам нетрудоспособности), степень преобладания симпатического (или парасимпатического) тонууса в функциональных системах организма (по анкете А.Д. Соловьевой,

1981), степень алкогольной и никотиновой зависимости (методом анонимного опроса). Оценка достоверности различий независимых выборок осуществлялась с помощью критерия Манна-Уитни, χ^2 -критерия Пирсона (SPSS Statistics 17.0).

У сотрудников МЧС с многолетним стажем установлено увеличение частоты ($1,7 \pm 1,3$; $p = 0,005$) и длительности ($15,5 \pm 20,9$; $p = 0,01$) заболеваемости, парасимпатической реакции ($64,9 \pm 12,4$; $p = 0,0001$) со стороны желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), потребности в отдыхе ($BK = 0,9 \pm 0,3$; $p = 0,04$), выраженности социальной интроверсии ($49,0 \pm 6,8$; $p = 0,0001$), посттравматических симптомов «вторжения» ($53,1 \pm 11,6$; $p = 0,01$) и гиперактивности ($49,8 \pm 8,9$; $p = 0,03$) доклинического уровня. Пристрастие алкоголю, в среднем, одинаково в обеих группах ($p = 0,41$), однако лица с длительным стажем службы употребляют алкоголь чаще ($p = 0,02$): среди «опытных» сотрудников 46,5 % пьют алкогольные напитки 1–2 раза в месяц, 32,4 % — 3–4 раз в месяц, 7 % — 5–6 раз в месяц; в группе «молодых» 67,4 % лиц прибегают к алкоголю 1–2 раза в месяц, 23,9 % — 3–4 раза в месяц. Сотрудники со стажем 1–3 года имеют более сильную зависимость от никотина ($p = 0,007$): не курят 17,4% «молодых» и 39,4 % — «опытных» сотрудников; курят менее пачки в сутки 73,9 % лиц из числа 1-й группы и 43,7 % — 2-й; более пачки сигарет в день выкуривают 8,7 % и 16,9 % обследованных соответственно.

«Молодых» сотрудников МЧС отличает эмоциональная лабильность (3-я шкала СМИЛ $53,9 \pm 6,3$ Т-баллов; $p = 0,001$), общительность (0-я шкала $44,8 \pm 6,1$ Т, $p = 0,0001$), умеренное деятельное возбуждение ($BK = 1,1 \pm 0,5$; $p = 0,04$), наличие симптомов диссоциации ($51,3 \pm 11,4$ Т-баллов; $p = 0,04$) острого стрессового расстройства (ОСР) донозологического уровня. Значения шкал «враждебность» ($0,3 \pm 1,9$; $p = 0,05$) и «паранойяльные симптомы» ($0,3 \pm 0,2$; $p = 0,001$) у них выше, чем у «опытных» сотрудников, но ниже средненормативных. При этом 22,5 % лиц 1-й группы часто проявляют агрессию и раздражительность, а 27,5 % — подозрительно и враждебно относятся к окружающим (значения указанных шкал на уровне 0,5–0,8 баллов).

Таким образом, длительное (10 и более лет) выполнение профессиональных обязанностей сотрудниками МЧС России в условиях физических и психических нагрузок приводит к негативным последствиям: увеличению утомления, замкнутости, пассивности, инертности, симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), повышению частоты и длительности заболеваемости (чаще со стороны ЖКТ), частоты употребления алкогольных напитков, снижению регулярности занятий спортом. В целях профилактики дезадаптации им показаны своевременная диагностика и лечение соматической патологии, здоровый образ жизни, активный отдых, психологическое консультирование, психотерапия симптомов ПТСР

(гештальт, телесно-ориентированная, психодинамическая и др.). В качестве позитивно-адаптивных изменений личности, способствующих эффективному выполнению профессиональных обязанностей, у «опытных» сотрудников отмечаются: повышение эмоциональной устойчивости, конформности, взаимовыручки, снижение враждебности, подозрительности, чувствительности к средовым воздействиям.

В целях улучшения профессиональной адаптации, нивелирования гипертимных и возбудимых свойств личности молодым сотрудникам МЧС показаны психологическое консультирование и психокоррекция эмоциональной неустойчивости, раздражительности, агрессивности, а также своевременная психотерапия диссоциативных симптомов ОСП после участия в ликвидации пожаров повышенного ранга сложности. При проведении профессионального психологического отбора желательно рекомендовать на службу в МЧС России кандидатов со значениями 3-й и 0-й шкал СМИЛ ниже 50 T-баллов, так как у них меньше риск развития неблагоприятных изменений личности в процессе длительной профессиональной деятельности.

Стрельченко А.Ю.

Семенцова В.А.

Истратова О.Н.

Компоненты экономического сознания подростков — воспитанников детского дома

В настоящее время усиливается роль рыночной экономики в общественных отношениях, что не может не отразиться в отношении личности к собственности, деньгам, экономическому риску и другим экономическим объектам и явлениям. Экономическое сознание — это «комплексное психологическое образование, состоящее из следующих взаимосвязанных компонентов: когнитивного, мотивационно-ценностного, поведенческого» (Голубева, Истратова, 2013, с. 185). Особого внимания требуют воспитанники детских домов, так как у них нет полноценного для их возраста участия в экономических отношениях. В связи с этим у воспитанников детских домов повышается риск возникновения «деформаций» экономического сознания, нарушающих психологическую безопасность подрастающего человека.

Таким образом, проблема нашего исследования формулируется следующим образом: каковы особенности компонентов экономического сознания подростков — воспитанников детских домов? Целью работы является изучение компонентов экономического сознания подростков — воспитанников детских домов. Теоретическая гипотеза: имеются различия в компонентах

экономического сознания у подростков из детских домов и у подростков, воспитываемых в семьях. В исследовании приняли участие 30 учеников 9-х классов школы №17 г. Таганрога в возрасте 14–15 лет. Из них 15 — подростки, воспитываемые в детском доме, 15 — подростки, воспитываемые в семьях. Мы предположили, что уровень экономических представлений подростков-воспитанников детских домов ниже, чем у подростков, воспитывающихся в семье. Для исследования когнитивного компонента экономического сознания у подростков использовалась задачи Р. Сиглера.

Как показали результаты, в целом подростки, воспитываемые в детских домах, статистически достоверно ($U_{\text{эмп.}} = 46,5$ при $p < 0,01$) имеют меньший уровень сформированности экономических понятий (банк, прибыль, предложение). Это может быть связано с отсутствием опыта, получаемого в семейном воспитании на примере родителей, и неспособностью воспитательных учреждений дать подросткам такой социально-экономический опыт. По данным А.А. Пархимович, для 47 % подростков, оставшихся без попечения родителей, важную роль играет достижение материального благополучия, т. е. материальные блага являются ценными для значительной доли воспитанников детских домов (Пархимович, 2008). На основе этих данных мы предположили, что мотивационно-ценностный компонент экономического сознания у подростков из детских домов соответствует более низкому уровню морального сознания, чем у подростков, воспитываемых в семьях. Для выявления мотивационно-ценностного компонента экономического сознания использовались моральные дилеммы по Л. Колбергу, в которых сталкиваются экономические (собственность, выгода и др.) и нравственные (жизнь, дружба и др.) ценности.

Гипотеза не была статистически опровергнута ($\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,879$ при $p < 0,05$).

Большая часть подростков, воспитываемых в детском доме, находится на предконвенциональном уровне морального развития. Основанием их морального выбора являются страх перед наказанием или собственные интересы, выгода, а межличностные отношения для них играют меньшую роль. Причины этого мы видим в том, что для детей-сирот важную роль играет достижение материального благополучия. В условиях воспитания в детском доме личная собственность подменяется общественной (групповой) и формируются специфические межличностные отношения. В результате неуважение к его собственности ребенок компенсирует тем, что, в свою очередь, явно выражает неуважение к собственности других детей (Радина, 2006).

Для исследования поведенческого компонента экономического сознания был проведен эксперимент «Игра в ультиматум», разработанный

В. Гутом и др. Поведение участников эксперимента может соответствовать одной из двух моделей: «экономический человек», который стремится к максимизации собственной выгоды, и «реципрокный человек», который обладает повышенным уровнем кооперативности. Мы предположили, что поведенческий компонент экономического сознания подростков из детских домов в большей степени соответствует модели «Экономического человека», а у подростков, воспитываемых в семьях, — «Реципрокного». Гипотеза не нашла статистической поддержки, однако в тенденции результаты соответствуют выдвинутым предположениям. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и созданные на их основе рекомендации могут быть использованы в практике работы педагогов, психологов, воспитателей детских домов.

Суворова О.В.

Соколова Я.О.

Особенности развития общения дошкольников со сверстниками в условиях клиники

Общение дошкольника со сверстником является важнейшим фактором развития, поскольку только в общении со сверстником развивается подлинное партнерство и диалог с «другим» (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, М.И. Лисина, Ж. Пиаже и др.). Ребенок, болеющий хроническими заболеваниями, не прошедший «школу общения со сверстниками», выпадает из устойчивейшей детской культурной среды с ее неписаными законами, традициями и правилами. Нам представляется важным исследование закономерностей развития общения со сверстниками детей с хроническим заболеванием, которые периодически пребывают в клинике.

Целью нашей работы стал анализ развития способов общения дошкольников, имеющих хроническое заболевание, со сверстниками в 3, 5 и 7 лет. Исследование проводилось в ФГБУ «ННИИДГ» Минздрава России. Выборка составила 75 детей (3, 5, 7 лет). Использовались: методика «Лабиринт» Е.Е. Кравцовой; «Методика развития общения со сверстниками» И.А. Орловой, В.М. Холмогоровой; «Анкета для изучения особенностей взаимодействия детей друг с другом» О.Н. Истратовой и др.

Констатирующий замер позволил получить следующие результаты. В группе детей 3 лет только начинают проявляться задатки совместной деятельности, стремление к коммуникативному контакту со сверстником, преобладают низкие уровни взаимодействия со сверстниками: «отсутствие обращений к партнеру» — 44% и «эпизодическое обращение к партнеру» — 56%. Дети не умеют устанавливать контакт, налаживать сотрудничество друг

с другом, не обговаривают правила игры, чаще играют порознь, не замечая товарища (88% случаев), либо привлекают внимание сверстника на короткий период времени, используя крик, игрушки (12%). Дети в общении не используют активную речь, чаще общаются криками, отдельными словами (52%). В сложившихся проблемах решение выносят в свою пользу (в 78%) либо обращаются за помощью к взрослому (22%). Дети редко конфликтуют между собой (68%), не умеют определять эмоциональное состояние товарища.

У дошкольников 5 лет преобладает «импульсивно-непосредственное взаимодействие» — 36% и «кооперативно-соревновательное взаимодействие» — 56%. Дети замечаются и интересуются сверстником (60%), но при этом товарищ выступает в роли «соперника». В этом возрасте очень часто возникают конфликты на почве первенства (72%), дети начинают кричать, лезть в драку, обзывать. Очень ревностно относятся к успехам товарища и радуются его неудачам (76% случаев). Дети в общении начинают активнее пользоваться речью (22 ребенка из 25–88%) и используют невербальную технику общения: мимику, жесты, экспрессию (80% случаев). Дошкольники 5 лет в проблемных ситуациях часто обращаются за советом к взрослому (57%) и прислушиваются его мнению. Дети понимают и определяют состояние товарища (20 детей из 25–80%). Пятилетние уже начинают овладевать нормами и правилами поведения.

У дошкольников 7 лет преобладает два типа общения: «ситуативное сотрудничество и партнерство» — 32% и «подлинное сотрудничество и партнерство» — 56%. Дети проявляют высший интерес к сверстнику (88%), совместно планируют свои игры (88%), обговаривают правила, не нуждаясь в помощи и подсказках взрослого. Старшие дошкольники предпочитают самостоятельно решать и находить выход из сложившейся ситуации в 88% случаев. Дети этого возраста владеют нормами поведения, конфликтные ситуации происходят реже, чем у пятилетних, только в 24% случаев. Они активно пользуются средствами общения — как вербальными, так и невербальными. Появляются зачатки дружбы, отношения имеют избирательный характер.

Проведенное исследование показало, что отношения детей, пребывающих в условиях лечебного заведения, со сверстниками в игровой деятельности количественно и качественно меняется на протяжении дошкольного возраста (3, 5, 7 лет): характер отношения к сверстнику, соотношение активной речи и жестов, способы решения конфликтов. Хорошие коммуникативные навыки определяют характер общения детей дошкольного возраста со сверстниками в игровой деятельности: дети охотно вступают в контакт со сверстником, осознают правила и нормы поведения в общении и совмест-

ной игровой деятельности, умеют производить нужное впечатление на сверстника, дружелюбно отстаивают свои интересы, понимают мотивы собственных слов и поступков, выходят без конфликтов из сложившихся ситуаций, понимают эмоциональное состояние собеседника, умеют сочувствовать и предлагают взаимопомощь, активно используют в общении мимику и жесты.

Сухова А.А.

Событийное конструирование у лиц с деструктивным поведением

В настоящее время стала актуальной проблема осознания субъектом событийного пространства как части жизни и организации своей деятельности во времени как способа проживания собственной жизни, которая конечна. Восприятие времени играет значительную роль в характеристике состояния организма, биологического возраста и эффективности социальной адаптации человека (Мельникова, 2004). Однако можно сказать о том, что психологические механизмы регуляции времени в настоящее время практически не изучены в психологической науке, что и определяет актуальность данной работы.

Состояние, в котором находится осужденный, приводит к разрушению или изменению его временных перспектив. Социальная изоляция усиливает угнетенное состояние. Нарушаются связи событий прошлого, настоящего и будущего (Шиганцов, 1998). В свете всего вышеописанного возникает вопрос: как изменяются причинно-целевые отношения между событиями жизни у людей с деструктивным поведением? Таким образом, проблемой нашего исследования стал следующий вопрос: как изменяется совокупность событий прошлого, настоящего и будущего у лиц с деструктивным поведением? Объект исследования — событийное пространство у лиц с деструктивным поведением. Предмет исследования — влияние ситуации лишения свободы на событийное пространство у лиц с деструктивным поведением. Выдвинута гипотеза о том, что изменение причинно-следственных связей между основными событиями жизни у лиц с деструктивным поведением приводит к сужению и разбалансировке событийного пространства, поскольку страдает восприятие своего Я.

Исследование проводилось на базе следственного изолятора №1 ФБУ ИЗ- 46/1 УФСИН России по Курской области. Исследование проводилось во второй половине дня. Общее количество испытуемых, принявших участие в исследовании, составило 15 человек в возрасте от 21 года до 33 лет, из них 10 мужчин и 5 женщин. Продолжительность пребывания в следственном изоляторе — от 5 месяцев до 4 лет 10 месяцев. Методами исследования

стали: «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо; методика «Линия жизни»; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; метод событийного конструирования.

В ходе проведенного исследования была обнаружена положительная сильная высокосignифицирующая корреляционная связь между параметрами «позитивное прошлое» и «событийная дискретность будущего» ($r = 0,91$, $p = 0,00$); а также отрицательная сильная высокосignифицирующая корреляционная связь между параметрами: «гедонистическое настоящее» и «моделирование» ($r = -0,9$, $p = 0,00$), «фаталистическое настоящее» и «будущее» ($r = -0,85$, $p = 0,00$); «гедонистическое настоящее» и «оценивание результатов» ($r = 0,7$, $p = 0,02$).

При анализе полученных данных было выявлено, что у лиц с деструктивным поведением присутствует отрицательный вектор событийной направленности. Это свидетельствует о том, что негативные события прошлого создают отрицательную направленность на будущее, позитивная реконструкция прошлого, представляющегося в радужном свете, оказывает прямое воздействие на прерывистый характер событийного пространства будущего.

Также были выявлены высокие показатели по шкале «длина прошлого», что может свидетельствовать о том, что люди, находящиеся в местах лишения свободы, более ориентированы на события, которые происходили в прошлом. Такая ориентация мешает развитию в настоящем и дальнейшему совершенствованию в будущем. Высокие показатели по шкалам «планирование» и «программирование» свидетельствуют о том, что лица, находящиеся в местах лишения свободы, ориентированы на сформированность потребности в осознанном планировании деятельности. Планы в этом случае реалистичны, детализированы, иерархичны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Программы относительно своей жизни разрабатываются самостоятельно, они гибко изменяются в новых обстоятельствах и устойчивы в ситуации помех.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что изменения причинно-следственных связей между основными событиями жизни у лиц с деструктивным поведением приводят к сужению и разбалансировке событийного пространства, поскольку страдает восприятие своего Я. Прошлый опыт, имеющий отрицательный вектор направленности, воздействует на событийные конструкты настоящего и будущего. Невозможность установления взаимосвязи между событиями прошлого, настоящего и будущего приводит к нарушению причинно-следственных связей событийного пространства.

Твердохлебова А.М.

Особенности прохождения кризиса подростками, относящими себя к субкультуре «эмо»

Наше исследование посвящено изучению особенностей подростков, принадлежащих субкультуре «эмо». С одной стороны, сам выбор субкультуры подростком может быть обусловлен его социально-психологическими и личностными характеристиками, с другой — пребывание в субкультуре не может не оказывать влияние на её представителей, поскольку в пубертатный период сверстники являются наиболее важной референтной группой. Так как после 2008 года субкультура полностью исчезла и теперь, начиная с 2010-х гг., происходит ее восстановление, фактически можно говорить о формировании новой субкультуры, нормы и специфика которой лишь отчасти опираются на движение 2000-х.

В современной отечественной научной литературе нет публикаций, посвящённых исследованию подростков, принадлежащих к этой субкультуре. Актуальность проблемы обусловлена, во-первых, новизной исследований в данном направлении и, во-вторых, ролью субкультуры для становления подростков, их социализации и формирования их жизненных принципов и ценностей. Целью работы являлось изучение субкультуры «эмо» в современном её варианте и психологических особенностей подростков, принадлежащих к этому движению, в сопоставлении с подростками, не относящими себя к какой-либо субкультуре. Гипотеза нашего исследования: подростки, принадлежащие к субкультуре «эмо», являются менее психологически зрелыми и имеют более низкий уровень психологической адаптации, чем их сверстники, не принадлежащие к субкультуре.

Для решения поставленных в связи с исследовательской целью задач были использованы следующие методы: включённое скрытое наблюдение; тест М. Куна «Кто я?» в адаптации Т.В. Румянцевой; метод мотивационной индукции Ж. Нютена в адаптации Н.Н. Толстых; многомерная шкала нервно-психической адаптации. Во время проведения исследования были обследованы три группы подростков: одна из них экспериментальная (подростки-«эмо») и две — контрольные (подростки того же возраста — от 13 до 15 лет, не относящиеся ни к какой субкультуре). Ввиду организационных трудностей набора экспериментальной группы заполнение методик производилось с помощью ресурсов сети Интернет. Одна из контрольных групп была обследована в тех же условиях (через Интернет), другая с помощью классического метода «карандаш-бумага».

В ходе включённого наблюдения было установлено, что состав субкультурной группы достаточно разнообразен. Имеется большое количество

нестойких малых групп, имеющих свою специфику, особенности. Не существует единого движения «эмо», группа не является стабильной, её границы размыты. На данный момент происходит активное формирование субкультуры, не существует единых норм. Кроме того, не наблюдается преемственность старых норм субкультуры, т. к. не было непрерывной смены поколений. Нормы от группы к группе достаточно сильно варьируются. По сравнению с вариантом 2008 года облик подростков стал более ярким, появились цветные причёски (всевозможных цветов), характерно ношение рюкзаков с большим количеством брелоков, кеды. Большое количество пирсинга приветствуется, но не является обязательным атрибутом. Также нужно отметить, что одной из распространённых норм субкультуры является своеобразное гендерное смещение — многие девочки с разной глубиной погружения представляют себя мальчиками. В отдельных случаях девочки лишь создают соответствующий имидж в социальных сетях, однако иногда имеет место переодевание, причём достаточно правдоподобное.

В ходе эмпирического исследования были получены данные, согласно которым уровень нервно-психического напряжения значительно ($p = 0,001$) выше в группе «эмо». Также в этой группе чаще ($p < 0,01$) упоминались мотивы, связанные с общением. Других статистически значимых различий обнаружено не было. Следует отметить, что все обследованные подростки имеют высокий уровень психического напряжения, неопределённость мотивов и представлений о себе. Однако значимо более высокий уровень напряжения и большую значимость коммуникативных мотивов можно рассматривать как факторы, отличающие представителей субкультуры «эмо» от их сверстников. Возможно, в коммуникативной функции субкультуры «эмо» они ищут ресурс, необходимый им в трудный период. Гипотеза о большей инфантильности подростков-«эмо» по сравнению с их сверстниками не подтвердилась. Обнаруженные нами в ходе наблюдения данные об особенностях формирования гендерной идентичности некоторых представителей субкультуры требуют дополнительного изучения, поэтому планируется новый этап исследования.

Терещенко Т.В.

Гончаров О.А.

Категориальные эффекты цветоразличения при наличии интерферирующей информации

Исследование посвящено изучению особенностей категориального различения фокальных и пограничных цветов при наличии интерферирующей информации и основано на экспериментах А.Л. Джилберт (Gilbert, 2006) и

Дж. Уинавера (Winawer, 2007). Проблематика исследования включает в себя разные проявления эффекта категоризации и взаимодействие его с другими процессами.

Межкатегориальное (МК) — цветоразличение оттенков, относимых к разным цветовым категориям. Внутрикатегориальное (ВК) — различение оттенков одной категории. Фокальный цвет — эталонный, типичный для конкретного диапазона. Пограничный — оттенок на границе цветовых категорий.

Проверке подвергались 5 гипотез:

1. МК цветоразличение происходит быстрее ВК, т. е. присутствует эффект категоризации.
2. Скорость различения фокальных цветов выше, чем пограничных.
3. Категориальные эффекты по-разному проявляются при различении фокальных и пограничных цветов.
4. Интерферирующее воздействие вербальной информации на категориальные эффекты различения цветов сильнее, чем невербальной.
5. Интерферирующая информация оказывает разный эффект на различение цветовых стимулов в зависимости от того, являются они ВК или МК, а также фокальными или пограничными.

Проведено два эксперимента. В них участвовали 31 и 36 студентов университета «Дубна» в возрасте от 17 до 35 лет.

Метод исследования — лабораторный эксперимент. На мониторе с помощью специально разработанной компьютерной программы участникам эксперимента предъявлялось 9 квадратов, структурированных в матрицу 3×3, один из которых (целевой стимул) отличался от остальных по цвету. Его расположение среди фоновых стимулов менялось в случайном порядке. Задача участников — зрительно найти целевой стимул и нажать соответствующую клавишу цифрового блока. Компьютерная программа автоматически регистрировала время между предъявлением стимула и ответной реакцией участника. Использованы цвета красно-оранжевого и сине-голубого диапазонов. В качестве вербальной интерферирующей информации — буквы и цифры, невербальной — символы (>, /, [, _ , ~ и т. п.). Контрольное условие — отсутствие знаков. Интерферирующая информация предъявлялась одновременно с задачей цветоразличения.

Обработка данных проводилась в программе «Statistica 8» методом многофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями.

Основные результаты работы:

1. Изучено влияние категоризации на скорость цветоразличения. МК стимулы опознаются быстрее ВК независимо от прочих (учтенных в исследовании) условий ($F(1, 35) = 171, p < 0,01$).

2. Изучены особенности категориальных эффектов при различении фокальных и пограничных цветов. Эффект категоризации проявлялся только при различении пограничных цветов ($F(1, 35) = 155, p < 0,01$). В скорости опознания МК и ВК фокальных стимулов значимых различий не обнаружено. Эффект категоризации выражен сильнее для пограничных цветов, он усиливает спектральные различия вблизи границ между цветовыми категориями. А у фокальных цветов выше общая различимость на физическом уровне, и категориальные эффекты не оказывают на нее существенного влияния.
3. Изучены некоторые аспекты влияния процесса интерференции на категориальное цветоразличение:
 - вербальная информация оказывает более выраженное интерферирующее воздействие на категориальное цветоразличение, чем невербальная ($F(2, 70) = 9, p < 0,01$). Причем интерферирующее воздействие заключается в усилении эффекта категоризации (за счет увеличения времени опознания ВК стимулов). В аналогичных экспериментах (Gilbert, 2006; Winawer, 2007) вербальная информация приводила к снижению (исчезновению) эффекта категоризации;
 - вербальная информация влияет на скорость цветоразличения ВК пограничных стимулов, а на цветоразличение ВК фокальных, МК пограничных и МК фокальных цветов ее влияния не обнаружено. Этот эффект мы интерпретировали таким образом: степень интерференции различна для сложных и простых задач. На эффективность выполнения более сложных задач (внутрикатегориальное и пограничное цветоразличение) интерферирующая информация оказывает более сильное влияние, чем на эффективность выполнения более простых (межкатегориальное и фокальное цветоразличение). Такая интерпретация соответствует ресурсным теориям внимания.

Компьютерная программа разработана Р.В. Соколовым.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 11-06-00178а «Лингвистическая детерминация восприятия цвета»).

Тетерук А.С.

Бибчик А.М.

Анализ представлений о функциях психолога в организации

В психологии накоплен большой опыт внедрения психотехнологий с целью повышения эффективности работы сотрудников и организации

в целом. Перед высшими учебными заведениями стоит задача подготовки квалифицированных организационных психологов. Нам представляется важным рассмотрение в исследовании представлений работников, студентов-психологов и преподавателей психологии о роли психолога в трудовой организации. Актуальность заявленной в работе темы обусловлена дефицитом теоретических и практических исследований в области функциональной роли организационного психолога.

Изучение представлений о функциях психолога в организации проводилось среди студентов-психологов, преподавателей психологии Белорусского государственного университета, а также среди представителей трудовой организации (сфера легкой промышленности). Цель исследования состояла в определении сходств и различий в представлениях этих трех групп.

В результате теоретического анализа проблемы можно выделить три основных направления работы психолога в организации: работа с персоналом; организация труда; организация взаимодействия сотрудников с внешними объектами организации (клиентами, конкурентами и т. д.).

В пилотажном эмпирическом исследовании приняли участие 83 человека, из которых 39 — работники производственной организации, 34 — студенты, обучающиеся на 3-м курсе по специальности «Психология», 10 — преподаватели психологии. Для сбора данных использовалась разработанная нами анкета, состоящая из открытых вопросов. Для обработки данных был использован контент-анализ.

В результате исследования были получены следующие данные: большинство респондентов считают, что психолог должен работать в организации. Среди студентов было получено 82,6% утвердительных ответов, среди сотрудников организации — 84,8% и среди преподавателей психологии — 90%, из которых 60% указывают, что необходимость организационного психолога зависит от специализации организации.

Многие сотрудники считают, что психолог в организации прежде всего выполняет «помогающую» роль: разрешает конфликты, оказывает психологическую помощь и поддержку. В то же время некоторые из них указывают, что руководство организации не всегда готово внести денежные средства на открытие вакансии «организационный психолог».

Студенты-психологи также указали на важность «помогающей» роли психолога в организации. Однако многие отметили, что сегодня психолог в современной организации чаще выполняет функции HR-специалиста: осуществляет и организует поиск, отбор, адаптацию, обучение и развитие персонала, исследует мотивацию сотрудников, проводит тренинги для повышения и улучшения профессиональной компетенции.

Преподаватели психологии преимущественно отмечают, что необходимость организационного психолога в большей степени зависит от потребностей организации в нем.

При выявлении представлений о функциях психолога сотрудники организаций называли следующие: психологическая помощь и поддержка сотрудников, умение выслушать, разрешение проблем, конфликтов, трудовых споров, создание благоприятного социально-психологического климата, улучшение производительности труда. Студенты-психологи — профессиональный отбор и консультирование, разрешение конфликтов и трудовых споров, проведение тренингов, психологическая помощь, улучшение социально-психологического климата, проведение адаптации сотрудников, исследование эргономических условий рабочих мест. Преподаватели-психологи — подбор, оценка, диагностика, мотивация, обучение персонала, психологическое консультирование, проведение тренингов, поддержание благоприятного социально-психологического климата, адаптация сотрудников, разрешение конфликтов.

В результате сравнительного анализа можно заключить, что представления сотрудников организации, преподавателей психологии и студентов-психологов о функциях психолога в организации различны. Сотрудники организации акцентируют внимание на помогающей роли психолога, преподаватели психологии видят ценность психолога в наборе высококвалифицированных кадров и их профессионального развития в организации. В представлениях студентов-психологов организационный психолог выполняет как помогающую функцию, так и функцию работы с персоналом. Перспективной исследования представлений о функциях психолога в организации может стать сравнение представлений работников организаций с различной формой собственности, а также изучение представлений психологов, которые уже работают в организациях. Результаты исследования могут быть вынесены на обсуждение в рамках практических и семинарских занятий по дисциплинам «Организационная психология» и «Психологические основы работы с персоналом».

Тимошина И.Н.

Представления современных студентов о статусных позициях в обществе

Социальные представления — это «цепочки идей, метафор и образов, более или менее свободно связанных друг с другом, выражающие отношение группы к социально значимому объекту» (Донцов, Емельянова, 1987; Бовина, 2007). Основные функции социальных представлений заключаются

в конструировании и поддержании социальной идентичности, облегчении коммуникации, ориентации поведения индивида. Целью нашего исследования стало изучение особенностей социальных представлений студентов о высокой и низкой статусных позициях индивидов как категориях современного общества. Данный вопрос является, несомненно, актуальным для студентов в связи с процессом их профессионального становления, тесно связанным с проблемой востребованности в обществе и получения в нем желаемой статусной позиции.

В пилотажном исследовании приняли участие 47 студентов-психологов 3-го года обучения МГППУ. В качестве основного метода исследования социальных представлений выступил метод свободных ассоциаций. Для описания структуры представлений использовалась прототипическая методика П. Вержеса (Verges, 1992). В ходе исследования представлений о высокой статусной позиции личности в обществе было получено 220 ассоциаций.

В результате категориального анализа было выделено 12 категорий ($M_{\text{частоты}} = 15$; $M_{\text{ранга}} = 3,01$). В ядро представления (элементы с низким рангом и высокой частотой проявления) вошли: власть/статус (частота = 22, ранг = 2,68), интеллект/образование (частота = 22, ранг = 2,82), влияние/авторитетность (частота = 19, ранг = 3), ответственность (частота = 17, ранг = 2,7). При этом наиболее значимым из данных категорий является категория «власть/статус» ($M_{\text{значимости}} = 8,4$), далее следует категория «влияние/авторитетность» ($M_{\text{значимости}} = 8,11$), «ответственность» ($M_{\text{значимости}} = 7,71$), «интеллект/образование» ($M_{\text{значимости}} = 7,09$). Интересным является тот факт, что эмоциональная оценка привлекательности тех или иных элементов представления показала, что категория «власть/статус» имеет самый негативный окрас из всех 12 категорий, в то время как оценка остальных нейтральна либо стремится к положительному полюсу. Первую периферическую систему (элементы либо с высокой частотой, но высоким рангом, либо с низким рангом, но высокой частотой) составили: волевые качества, богатство/достаток, уверенность/решительность; внешние характеристики, трудолюбие, самодостаточность/ сильная личность. Эта часть представлений являет собой потенциальную зону изменений, обеспечивая тем самым возможность динамики социального представления. Вторая периферическая система (элементы с низкой частотой и высоким рангом) включает: коммуникативные качества, эмпатию. Эта группа является наименее значимой в оценке социальных представлений о высокой статусной позиции в обществе.

Представления о низкой статусной позиции представлены 207 ассоциациями, разделенными нами на 9 категорий ($M_{\text{частоты}} = 16,6$; $M_{\text{ранга}} = 3,19$). В ядро представления вошли: немотивированность/пассивность (частота = 25, ранг = 3), неуспешность/непопулярность (частота = 27, ранг = 3,15), низ-

кие коммуникативные навыки (частота = 22, ранг = 3,18). Первая периферическая система состоит только из элементов, обладающих низкой частотой встречаемости, но также низким рангом: бедность, положительные черты (доброта, отзывчивость), внешняя непривлекательность, скромный/тихий, невлиятельный/ведомый. Это может говорить о недостаточности количества испытуемых, и в случае расширения выборки эти элементы могут попасть в ядро представления. Вторая периферическая система образуется категорией «необразованный/глупый». Большинство ассоциаций получили негативную эмоциональную окраску, особенно категории «необразованный/глупый», «неуспешный/непопулярный» и «внешняя непривлекательность». При этом наиболее подходящей под описание человека, занимающего низкое положение в обществе, и характерной для него является категория «немотивированный/пассивный», а также «бедный». Таким образом, были обнаружены качественные различия в представлениях о социальных статусах: ядро представлений о высоком статусе образуется преимущественно через категории «влиятельность», «власть», «ответственность», «образование», в то время как о низком статусе — через элементы «неуспешность», «немотивированность», «низкие коммуникативные навыки». Это дает основание говорить о необходимости расширения выборки и проведения более масштабного исследования с целью уточнения элементов, входящих в состав социальных представлений о статусе.

Титков Д.А.

Основные проблемы психологии критического мышления

На данный момент в литературе нет устоявшегося определения критического мышления и границ этого понятия. Некоторые авторы (Halpern, 1993) используют термины «критическое мышление» и «мышление высшего уровня» («higher order thinking») как равнозначные, другие (Facione, 1990) считают, что эти термины должны быть строго разделены. Также существуют разногласия на счет соотношения таких понятий, как «критическое мышление», «критическая рефлексия», «решение проблем», «системное мышление», «рефлексивное суждение» и «метакогнитивности». Наиболее разработанной является модель критического мышления Р. Пола (Paul, 1993, 1996), так как данная модель построена с учетом достижений как философии, так и психологии (Reed, 1998).

Р. Пол определяет критическое мышление как «особый тип мышления, при котором думающий систематически применяет к собственному мышлению определенные критерии и стандарты и оценивает эффективность своего мышления относительно цели, критериев и стандартов» (Paul, 1993,

р. 21). По Р. Полу, критическое мышление содержит 8 компонентов: цель, вопрос, информацию, представления, допущения, точки зрения, выводы и приложения (Paul, 1993). Другой популярной моделью является модель Д. Халперн, описывающая критическое мышление как систему из четырех частей: 1) ориентация на критическое мышление, 2) навыки критического мышления, 3) обобщение на различные ситуации и дисциплины, 4) метакогнитивный компонент (Halpern, 1998). Критическое мышление в целом Д. Халперн определяет как «использование таких методов и стратегий познания, которые отличаются контролируемостью, обоснованностью, целенаправленностью и увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата» (Халперн, 2000). Таким образом, по Д. Халперн, критическое мышление содержит мотивационный (ориентация на критическое мышление или соответствующий аттитюд), когнитивный (навыки и стратегии критического мышления) и метакогнитивный компоненты.

В отечественной психологии термин «критическое мышление» используется редко, однако представлены похожие по содержанию понятия. В частности, в трудах Н.Ф. Талызиной описана структура и методы формирования умственных действий, входящих в умение учиться (Талызина, 1998). В число этих действий входят т. н. логические приемы усвоения, которые приблизительно соответствуют навыкам критического мышления по Д. Халперн. При этом в отечественной педагогической психологии считается, что формирование логических приемов усвоения более эффективно происходит в рамках обучения другим дисциплинам, т. е. имплицитно (Талызина, 1998; Подольский, 2012). В зарубежной психологии, напротив, более перспективным считается подход, при котором обучение критическому мышлению вынесено в отдельные занятия, то есть происходит эксплицитно (Halpern, 2003; Halpern, 2010).

Неоднократно было показано, что развитие критического мышления положительно сказывается на динамике академической успешности как студентов, так и школьников (Bransford, 1999; Halpern, 2003, 2010). Н. Махапуньянонт провел метаанализ, обобщив данные по 218 исследованиям, посвященным критическому мышлению (Maharopunont, 2010). Метаанализ показал, что уровень критического мышления в значительной степени связан со способом обучения и учебными материалами и в меньшей степени связан с мотивацией достижения и отношением к учению, однако данных о связи критического мышления с такими показателями, как коэффициент интеллекта, креативность, локус контроля, самооффективность, склонность к рефлексии и стиль объяснения получено не было.

По результатам анализа литературы можно сказать, что спорными являются следующие вопросы: а) является ли критическое мышление предметно-специфичным, б) разделение в обучении критическому мышлению

мыслительных навыков низшего и высшего порядка, в) должно ли критическое мышление считаться процессом или набором умений и стратегий, г) какой вид обучения критическому мышлению более эффективен — в рамках других учебных дисциплин или в виде самостоятельной дисциплины, д) границы понятия «критическое мышление» и соотношение его с другими понятиями, е) какой из компонентов критического мышления — мотивационный или когнитивный — первичен и более важен для успешного применения критического мышления в обучении и обучения критическому мышлению (Facione, 1984; Beyer, 1985; Resnick, 1987; Perkins et al., 1991; Johnson, 1996; Reed, 1998; Halpern, 2010).

Титов С.М.

Стратегии управления социальным капиталом: описание через нетворкинг и альтруизм

В процессе исследовательских работ на факультете психологии СПбГУ была разработана концепция стратегий накопления социального капитала личности (Почебут и др., 2014). Стратегии характеризуют основные пути построения отношений с окружающими и представления об идеальном состоянии своего социального окружения. Модель содержит в себе четыре стратегии: «Разумный альтруизм», «Взаимный обмен», «Ресурсный монополизм» и «Межличностный прагматизм». Они выстраиваются в систему через пересечение двух векторов: направленности на эгоцентрическое или просоциальное поведение и ориентации на приумножение или использование социального капитала. Важно отметить, что поведение описывается через профиль стратегий (Pochebut, Mararitsa, 2013).

Нас заинтересовал вопрос о возможности описания стратегии через измерение векторов. Для начала мы определили методики для измерения векторов. Если направленность на эгоцентрическое или просоциальное поведение могла быть довольно просто интерпретирована через шкалу альтруизма, то ориентация на накопление или использование социального капитала не имела классических шкал. В связи с этим мы воспользовались концептом нетворкинга, который довольно точно описывает необходимое нам измерение. Под нетворкингом обычно понимают способность человека к анализу своей сети социальных контактов и использованию связей в сети для получения необходимых ресурсов. Есть ряд исследований, которые используют шкалу нетворкинга как показатель способности накапливать социальные связи (Van Buren, Hood, 2011).

Итоговая гипотеза заключалась в проверке возможности описания стратегий через направленность на просоциальное-эгоцентрическое пове-

дение и ориентацию на накопление или использование социального капитала. Проверка гипотезы осуществлялась с помощью методики диагностики установки «альтруизм — эгоизм» и шкалу нетворкинга, соответственно.

Мы провели исследование на 55 участниках — студентах различных вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 22 ($M = 19,5$, $SD = 1,24$). Гендерный баланс выражений в соотношении 31 девушки (56%) к 24 молодым людям (44%) в целом может считаться соблюденным. Участники исследования заполняли лист самооценки стратегий, опросник на диагностику личностной установки «альтруизм — эгоизм» (Фетискин, Козлов, 2002) и шкалу нетворкинга Дж.Р. Ферриса (Ferris et al., 2005). Последний опросник был переведен нами с помощью методики двойного перевода. Версия на русском языке показала высокую надежность: альфа Кронбаха составила 0,82 (α у авторов $\alpha = 0,87$).

Получив все необходимые данные, мы решили рассмотреть, как взаимосвязаны между собой результаты самооценки стратегий и методики, которые мы приписали векторам из модели стратегий накопления социального капитала личности.

Нами были обнаружены значимые корреляции альтруизма со стратегиями «разумного альтруизма» ($r = 0,397$, $p \leq 0,01$) и «межличностного прагматизма» ($r = -0,459$, $p \leq 0,01$). Корреляций с оставшимися стратегиями выявлено не было. Это можно объяснить нормативностью стратегии в случае со стратегией «взаимного обмена». Негативная корреляция со стратегией «ресурсного монополизма», в свою очередь, могла быть не найдена в связи с различием понятий в опроснике и модели.

Важно, что мы обнаружили как позитивную корреляцию, так и негативную. Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что эта методика отражает оба вектора: как просоциальный, так и эгоцентрический.

Результаты корреляционного анализа между шкалой нетворкинга и самооценкой стратегий показали значимую корреляцию только с двумя стратегиями: «разумным альтруизмом» ($r = 0,461$, $p \leq 0,01$) и «ресурсным монополизмом» ($r = 0,322$, $p \leq 0,05$).

Так как для нас шкала нетворкинга служит оценкой ориентации на накопление социального капитала, здесь мы получили значимый результат. Он позволяет нам сделать вывод о том, что выбранная методика дает нам возможность довольно точно определять направленность на накопление при составлении профиля стратегий.

Подводя итог, можно говорить о частичном подтверждении нашей гипотезы. Профиль стратегий может быть описан через выбранные методики только в ряде случаев: данные методики не позволяют эффективно выделить стратегию «взаимного обмена» и предоставляют только частичные данные

о стратегиях «межличностного прагматизма» и «ресурсного монополизма». Стратегия «Разумного альтуризма» описывается ими наиболее полно.

Тихомирова М.А.

Детерминанты психологического благополучия

В последние десятилетия проблема психологического благополучия все чаще становится предметом внимания психологов. В ее основе — теоретический интерес к пониманию природы психологического благополучия человека, который тесно связан и с практическими задачами, поскольку целью практической работы психологов является достижение благополучия человека. Развиваются новые области психологии, в которых большое внимание уделяется благополучию человека. Ярким примером может быть активное развитие, начиная с 1998 года, позитивной психологии, цель которой сделать человека счастливым (Селигман, 2006; Леонтьев, 2012).

В своем исследовании мы изучали феномен психологического благополучия с помощью как традиционных методов измерения (шкала психологического благополучия К. Рифф), так и экзистенциальных (шкала «Жизнестойкость» С. Мадди, «Шкала экзистенций» А. Лэнгле), также рассматривалась взаимосвязь уровня психологического благополучия с актуальной жизненной ситуацией испытуемых. В выборку исследования вошли 2 группы испытуемых: первая группа — взрослых — в возрасте от 25 до 57 лет, средний возраст 45 лет (29 человек), вторая группа — молодежи — в возрасте от 17 до 22 лет, средний возраст составил 20,5 (30 человек).

С помощью коэффициента корреляции χ^2 Пирсона (в программе IBM SPSS Statistics 20) между показателями уровня психологического благополучия, измеренного методикой К. Рифф, и показателями уровня жизнестойкости по С. Мадди получены высокие корреляции как по общим показателям двух методик ($r = 0,86$ в выборке взрослых и $r = 0,73$ в выборке молодежи), так и по их субшкалам ($r > 0,6$ в группе взрослых и $r > 0,5$ в группе молодежи). Анализ с помощью непараметрического критерия t-Стьюдента для независимых выборок не выявил значимых половых и возрастных различий ($p < 0,05$). Показатели уровня психологического благополучия по К. Рифф и уровня жизнестойкости по С. Мадди имеют высокую корреляцию с экзистенциальными показателями по методике А. Лэнгле ($r > 0,4$ по всем субшкалам). Актуальная жизненная ситуация участников исследования может рассматриваться как благополучная. С жизнестойкостью и психологическим благополучием связаны ($r > 0,4$) особенности жизненной ситуации — такие, как хорошие отношения с семьей, удовлетворенность работой, поездки, путешествия. Испытуемые с более низкими, чем у других, показателями

жизнестойкости и показателями уровня психологического благополучия редко путешествовали в детстве. Не было обнаружено значимых корреляций между материальным достатком и показателями благополучия и жизнестойкости.

Полученные данные свидетельствуют в пользу того, что ощущение человеком психологического благополучия связано с его отношениями в семье, удовлетворенностью работой, образом жизни и не связано с такими объективными показателями, как заработная плата или материальный достаток семьи. Это говорит о том, что субъективные аспекты жизненной ситуации дают человеку гораздо больший позитивный заряд, нежели наличие объективных показателей благополучия. Способность человека к преодолению трудностей и решению жизненных задач, описываемая в психологии как жизнестойкость, повышает психологическое благополучие. Чем в большей степени человек готов противостоять жизненным трудностям, умеет контролировать ситуацию, осмысленно готов рисковать, тем более благополучным он себя ощущает. Экзистенциальная наполненность отражает такую характеристику, как способность ориентироваться в этом мире в связи с выбранным для себя смыслом, приходиться к решениям и ответственно воплощать их в жизнь, меняя ее, таким образом, в лучшую сторону. Эта характеристика может делать человека независимым от внешних обстоятельств (Langle, 2003).

Таким образом, можно говорить о том, что умение противостоять жизненным сложностям, чувство самодостаточности, наличие смысла в жизни, умение понимать не только свои потребности, но и чувствовать красоту мира повышают уровень психологического благополучия человека вне зависимости от внешних обстоятельств.

Третьякова Т.М.

Изучение готовности детей к обучению в школе в подготовительных группах ДОУ

Проблема готовности детей к началу школьного обучения всегда была в центре внимания как отечественной, так и зарубежной психологии развития и возрастной психологии. Разработкой данного вопроса в России занимались в разное время Л.С. Выготский (2008), Л.И. Божович (1968), Д.Б. Эльконин (1978), А.В. Запорожец (1980), Е.Е. Кравцова (1991), И.В. Дубровина (1995), Н.И. Гуткина (1996), Е.А. Екжанова (1998). Если в России занимались глубокой проработкой теоретических основ данной тематики, то за рубежом акцент ставился на создании универсальных методик диагностики школьной зрелости (Гетцер, 1936; Керн, 1954; Штребел, 1957; Йирасек, 1970 и др.).

Не утихает интерес к данной сфере и сегодня. Важным аспектом изучения готовности к обучению в школе является промежуточная и итоговая диагностика мотивационной и функциональной готовности к регулярным учебным занятиям в подготовительной группе, выявление проблемных сфер, разработка рекомендаций по итогам исследования.

На протяжении 5 лет проводилась психолого-педагогическая оценка готовности детей подготовительных групп детских садов к началу регулярного обучения в школе по методике, разработанной Н.Я. Семаго и М.М. Семаго. За это время в исследовании приняли участие 225 детей, средний возраст которых составил 6 лет 2 месяца. По итогам диагностики были получены следующие результаты: в среднем лишь у 30% детей, посещающих подготовительные группы, была зарегистрирована готовность к началу регулярного обучения в школе; у 20% — условная готовность к началу регулярного обучения в школе; у 30% — условная неготовность к началу регулярного обучения в школе; у 20% — неготовность к началу регулярного обучения в школе. При подсчете показателя готовности к обучению учитывались как оценка результативности выполнения заданий (особенности тонкой моторики и произвольного внимания, умение работать самостоятельно, сформированность навыков пересчета в пределах 9, оценка моторных навыков при изображении цифр, определение сформированности понятия «больше — меньше» в ситуации «конфликтного» расположения элементов, оценка сформированности у ребенка звукобуквенного анализа материала, подаваемого на слух, сформированность графической деятельности, выявление сформированности произвольной регуляции деятельности, общая оценка сформированности графической деятельности, оценка топологических и метрических пространственных представлений, общего уровня развития), так и поведенческие особенности детей в процессе выполнения работы (необходимость в дополнительной помощи, медленная работа, расторможенность и отвлечение других детей от деятельности, отказ или выраженное негативное отношение к самому процессу выполнения заданий, плач, истерика, непонимание происходящего и др.).

В ходе проведенного подробного анализа было выявлено, что у детей лучше всего развиты навыки пересчета в пределах 9, соотношение цифры/графемы и количества изображенных фигур, моторные навыки при изображении цифр, понятие «больше — меньше» в ситуации «конфликтного» расположения элементов. Акцентировать внимание в развитии необходимо на формировании у детей звукового и звукобуквенного представления, графической деятельности, расширении кругозора и знаний о человеке, а также на поведенческих особенностях. Необходимо отметить, что наблюдается высокий процент детей, которым требуется помощь и с которыми должна вестись

коррекционная работа с целью подготовки к началу регулярного обучения и для успешной адаптации к школе. В связи с этим проводятся групповые и индивидуальные консультации родителей и педагогов по результатам диагностики, создание индивидуальных маршрутов развития, а также мастер-классы, на которых родители и педагоги овладевают практическими навыками развития психических процессов детей: внимания, памяти, мышления, воображения, воли — с помощью игровых приемов в естественной среде. Оформляются стендовые доклады для просвещения родителей и педагогов (что необходимо знать о будущем первокласснике, что нужно делать и чего делать не стоит). Также готовится раздаточный материал в форме буклетов и брошюр, в которых кратко и структурированно описан материал по подготовке детей к школьному обучению. Кроме этого родители приглашаются на совместные занятия с детьми по физическому развитию «Семейная гимнастика», цель которой — профилактика здорового образа жизни и гармонизация детско-родительских отношений, что также оказывает благотворное влияние на последующую готовность к школе и эффективную адаптацию.

*Устинова Т.С.
Смирнова М.А.
Суховская О.А.*

Отказ от курения при беременности

Табакокурение — важнейший устранимый фактор риска развития заболеваний. Особенно опасен табачный дым для будущего ребенка, поскольку доказано, что он повышает риски рождения детей с различной патологией, невынашивания беременности, рождения детей с низкой массой тела (Suzuki et al., 2015).

В настоящее время, по данным эпидемиологических исследований (Лаврова и др., 2012), в Санкт-Петербурге курят около 25% беременных женщин, в том числе около 11% — ежедневно. Многие из них хотели бы бросить курить, но не могут этого сделать из-за развития никотиновой зависимости. Помощь в отказе от табакокурения (ТК) включает медикаментозную терапию и поведенческие методики, направленные на управление желанием курить, на преодоление стресса и волнения, различные психотерапевтические подходы.

Цель проведенного исследования — изучить эффективность когнитивно-поведенческой терапии при отказе от ТК у беременных женщин.

Проанализированы результаты опросов 158 женщин: 122 женщин репродуктивного возраста (от 18 до 40 лет) и 36 беременных женщин (в возрасте от 21 до 40 лет), обратившихся на «горячую» линию помощи в отказе

от табакокурения. Анкета включала вопросы для определения социально-демографических характеристик, особенностей курения (возраст начала курения, число выкуриваемых в день сигарет, длительность ТК), мотивации к отказу от ТК (Левшин, 2012) и особенностей мотивации; степени никотиновой зависимости (тест К. Фагерстрема). Были отобраны женщины с низкой степенью никотиновой зависимости, при которой не показана лекарственная терапия. Среди беременных были выделены 2 группы — успешно бросившие курить (1-я группа, 18 человек) и те, кто продолжал курение (2-я группа, 18 человек). Для статистической обработки данных были использованы частотный анализ, критерии хи-квадрат Пирсона, U-Манна — Уитни и t-Стьюдента для независимых выборок.

Средний возраст женщин репродуктивного возраста составил 29 лет, средний возраст беременных женщин — 28,5 лет. Возраст начала курения среди женщин репродуктивного возраста составил в среднем 14 лет, среди беременных женщин — 13 лет. Возраст начала ТК был выше ($p = 0,089$, U-Манна — Уитни = 108,5, тенденция к достоверному различию) в 1-й группе беременных женщин, которые смогли отказаться от ТК, среди них реже встречались женщины, возраст инициации курения которых был меньше 14 лет ($p = 0,043$). Во время беременности решение об отказе от ТК в 73% случаев женщины приняли в первом триместре, в 27% случаев — во втором триместре беременности. Среди причин отказа от курения у женщин репродуктивного возраста ведущими были желание сохранить здоровье (34,7%) или в связи с ухудшением здоровья (28,6%). У 78% беременных женщин ведущей причиной отказа от ТК было здоровье будущего ребенка, в то время как среди женщин репродуктивного возраста эта причина указывалась в 6,9% случаев. Также важными причинами отказа у беременных женщин были желание сохранить здоровье — в 32,2%; в 14% случаев отказ от курения был связан с уже имеющимся ухудшением здоровья. Остальные причины отказа значимо не различались в группах женщин репродуктивного возраста и беременных. Желание близких служило причиной в 8,3% случаев; бесполезная трата денег — 5,5%; отвращение к запаху табачного дыма — 5,6%; социальная неприемлемость курения (стыдно курить) — в 8,3% случаев. Только в 5% случаев мужья бросали курение в связи с беременностью жены, в 44% случаев перестали курить в присутствии жены.

Проведенное исследование показало, что беременность является значимым фактором для прекращения курения, однако даже при низкой степени никотиновой зависимости женщины нуждаются в помощи и психологической поддержке. Успешность отказа от табакокурения была хуже при раннем начале табакокурения.

Филатова О.Ю.
Зеленская М.С.
Геронимус И.А.

Функционирование семьи и склонность к аддиктивному поведению у подростков

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи особенностей функционирования семейной системы и проявлений аддиктивного поведения в подростковом возрасте. Основанием для теоретического осмысления этой проблемы стала модель функционирования семьи Д. Олсона (1985), в которой в качестве основных рассматриваются два параметра семейной системы: адаптивность (способность семьи приспосабливаться к изменениям) и сплоченность (эмоциональная близость в семье). Систематическое изучение влияния особенностей семейных взаимоотношений на развитие аддиктивного поведения в отечественной психологии только начинается, вместе с тем возрастает практический запрос на профилактику аддиктивных расстройств, что и определяет актуальность нашей работы.

Исследование проводилось на базе двух московских школ в 2014 году. В нем приняли участие 86 респондентов мужского ($n = 39$) и женского ($n = 47$) пола, учащиеся 10-х и 11-х классов. Использовались следующие методики: 1) методика FACES-III Д. Олсона в переводе А.Г. Лидерса (для реальных и идеальных семей); 2) анкета ESPAD, адаптированная к возрасту испытуемых и целям исследования; 3) опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орёл). Для исследования взаимосвязи переменных использовался коэффициент корреляции Пирсона. Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета программ SPSS 20.

Корреляционный анализ не выявил наличия прямых взаимосвязей между выраженностью аддитивного поведения и характеристиками семейной системы. Вместе с тем были обнаружены отрицательные взаимосвязи между уровнем семейной сплоченности и склонностью подростков к агрессии и насилию ($r = -0,312$, $p = 0,01$), неспособностью к волевому контролю эмоциональных реакций ($r = -0,304$, $p = 0,01$), а также склонностью к отрицанию норм и правил ($r = -0,224$, $p = 0,05$). Таким образом, можно предположить, что для подростков, склонных воспринимать свою семью как разобщенную, в большей степени характерны различные формы отклоняющегося поведения. В то же время последние три параметра имеют значимую положительную взаимосвязь с выраженностью аддиктивного поведения (r от 0,213 до 0,638). Также была выявлена отрицательная взаимосвязь между гибкостью — адаптивностью семьи и неспособностью к волевому контролю эмоциональных реакций ($r = -0,346$, $p = 0,01$).

Результаты пилотного исследования подтвердили предположение о наличии косвенной взаимосвязи между особенностями семейных отношений и интенсивностью зависимого поведения. Было выявлено, что подростки, склонные к девиантному поведению, чаще воспринимают свою семью как ригидную, то есть неспособную адаптироваться к изменениям, и эмоционально разобщенную. В то время как склонность к девиантному поведению, в свою очередь, можно рассматривать как фактор риска возникновения аддиктивных расстройств. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования Р. Байокко и М. Тафа (2009), в котором была установлена взаимосвязь зависимого поведения подростков и восприятия структуры семьи их родителями, а также с результатами исследования И.А. Геронимуса и др. (2014), где была показана роль открытой коммуникации (сплоченности) в редукации риска аддиктивных расстройств у подростков.

Полученные предварительные результаты обуславливают актуальность дальнейшего исследования связи особенностей семейных взаимоотношений и аддиктивного поведения подростков. На основании полученных результатов можно также сделать вывод о высокой значимости развития профилактических программ, направленных на улучшение функциональности семейных взаимоотношений.

Черникина К.С.

Опыт апробации техники моделирования этнической куклы

Являясь своеобразной площадкой для международного сотрудничества в сфере науки, образования и бизнеса, высшие учебные заведения собирают в своих стенах представителей различных национальностей. Студенты сегодня, как российские, так и иностранные, в перспективе — это те люди, которые будут творить историю и активно участвовать во всех интеграционных процессах, в связи с чем представляется важной их способность к межкультурной коммуникации и адекватному межэтническому восприятию. Современные исследователи подчеркивают необходимость теоретических и практических разработок в данной области научного знания (Солдатова, 1998; Лебедева, 2003; Почебут, 2012).

Цель исследования: изучить эффективность техники моделирования этнической куклы, влияние этой техники на формирование положительного межэтнического отношения китайских студентов к представителям стран АТР. Гипотеза: процесс моделирования этнической куклы способствует формированию положительной динамики межэтнического отношения представителей одного этноса к другому. Для проверки данной гипотезы был организован эксперимент.

Основная выборка — китайские студенты первых двух недель пребывания на территории России, первого года обучения: 21 человек в возрасте от 19 лет до 21 года.

В ходе исследования применялись диагностические методики: «Диагностический тест отношений» Г.У. Солдатовой (далее ДТО) и экспресс-опросник на основе «Шкалы социальной дистанции» Э. Богардуса (вариант Л.Г. Почебут). Экспериментальным (формирующим) воздействием выступала авторская проективная техника моделирования этнической куклы. Для статистической обработки результатов использовались U-критерий Манна — Уитни и T-критерий Вилкоксона.

Авторская техника моделирования этнической куклы применялась в трех группах. В начале процедуры исследования выборка случайным образом делилась на три группы: «I», «II» и «III» с равным количеством испытуемых. В группе «I» моделировали японского человека, в группе «II» — корейского человека, в группе «III» — вьетнамского человека. Испытуемым последовательно выдавались раздаточные материалы для прохождения тестирования, которые они по мере заполнения складывали в персональные папки. С помощью экспресс-опросника на основе «Шкалы социальной дистанции» Э. Богардуса (вариант Л.Г. Почебут) и ДТО Г.У. Солдатовой были сделаны два среза: первичный, в начале процедуры исследования, и итоговый, по окончании проведения всех процедур исследования.

Результаты двух срезов по различиям в уровнях эмоционально-оценочных коэффициентов этнических стереотипов амбивалентность (A), выраженность (S), направленность (D) сравнивались и обрабатывались с помощью критерия Манна — Уитни. Зафиксированы изменения коэффициентов эмоционально-оценочных компонентов положительной направленности.

При критических значениях $p \leq 0,01 = 6$ и $p \leq 0,05 = 11$ в группе «I» по японцам: (A) — UЭмп. = 5 в зоне значимости, (S) — UЭмп. = 7, (D) — UЭмп. = 7 находятся в зоне неопределенности, принимаем на 0,05% уровне. В группе «II» по корейцам: (A) — UЭмп. = 6 в зоне значимости, (D) — UЭмп. = 7, в зоне неопределенности, принимаем на 0,05% уровне. В группе «III» по вьетнамцам: (A) — UЭмп. = 6 в зоне значимости, (S) — UЭмп. = 6 в зоне значимости, (D) — UЭмп. = 2 в зоне значимости.

Предполагалось, что в ходе процесса моделирования и взаимодействия с созданными этническими куклами будут наблюдаться положительные сдвиги в значениях шкалы социальной дистанции, отражающей этнические отношения испытуемых к представителям тех или иных этносов. При сравнении результатов двух срезов экспресс-опросника были зафиксированы существенные сдвиги в сокращении социальной дистанции, в первую очередь относительно представителей того этноса, чью модель создавала та или иная

группа. Эффект наблюдался во всех трех группах. Статистическая значимость положительных сдвигов была определена с помощью Т-критерия Вилкоксона. Критические значения Т при $n = 21$: $T_{Кр.} \leq 0,01 = 49$ $T_{Кр.} \leq 0,05 = 67$.

Положительные сдвиги: в гр. «I» — ТЭмп = 28 в зоне значимости; в гр. «II» — ТЭмп = 45 в зоне значимости; в гр. «III» — ТЭмп = 15 в зоне значимости. Гипотеза не была опровергнута.

Применение авторской техники моделирования этнической куклы способствует плавному формированию положительного восприятия образа «другого» через раскрытие этнокультурных кодов, а также включение его в свои личностные смыслы и созидательную направленность личности испытуемых, результатом чего является наблюдаемая нами положительная динамика межэтнического отношения к «другому».

Чуникайло С.И.

Специфика школьной адаптации (на примере младших школьников)

Актуальность исследования проблемы школьной адаптации обусловлена тем, что адаптация ребенка к обучению в школе закладывает основы для усвоения ее механизмов, необходимых для дальнейшей жизни. Уже в начальных классах наблюдается от 15 до 40% учащихся с проблемами школьной дезадаптации, причем отмечается тенденция к дальнейшему росту их количества. Эти трудности могут сопровождать ребенка во время учебы в школе, во взаимоотношениях со сверстниками, сказаться на его взрослой жизни, на выборе профессии. В связи с этим проблема адаптации младшего школьника приобретает особую актуальность как в научном, так и в практическом плане и требует изучения ее особенностей на протяжении четырех лет обучения в начальной школе.

В психолого-педагогической литературе школьная адаптация рассматривается как процесс и результат активного приспособления ребенка к условиям новой среды, связанный со сменой ведущей деятельности и социального окружения (Коломинский, Панько, 1988 и др.). Процесс адаптации ребенка к школе можно представить с помощью модели, достаточно полно объясняющей процесс школьной адаптации, предложенной Т.В. Дорожевец (1995). Школьная адаптация, по ее мнению, осуществляется в трех сферах: академической, социальной и личностной. Академическая адаптация характеризует приспособление ученика к школьным нормам. Социальная адаптация отражает его отношения с одноклассниками. Личностная адаптация раскрывает отношение ребенка к самому себе (Дорожевец, 1995).

С целью рассмотрения особенностей адаптации младших школьников на протяжении четырех лет обучения в начальной школе было проведено

исследование. В исследовании применялись психодиагностические методики для определения коэффициента дезадаптации и определения тревожности младших школьников («Карта наблюдений» Дж. Стотта); диагностики уровня школьной мотивации; изучения самооценки и уровня притязаний; определялся статус школьника в учебной деятельности. В исследовании участвовали 728 учеников младших классов, 366 девочек и 362 мальчика, всего 35 классов.

Статистически значимые различия по многим показателям выявлены между вторыми и третьими классами. Возрастают средние значения тревожности в третьем классе ($m = 6,35$ и $m = 9,53$, $p < 0,001$), что говорит о возросшем внутреннем напряжении ребенка, состоянии дискомфорта, эмоциональном напряжении. Коэффициент дезадаптации существенно возрастает к третьему классу ($m = 12,31$ и $m = 21,85$, $p < 0,001$). От первого к четвертому классу отмечается тенденция снижения самооценки ($m = 8,99$ и $m = 7,31$, $p < 0,001$) и предполагаемой оценки учителя ($m = 7,71$ и $m = 6,72$, $p < 0,001$). Средние значения мотивации снижаются от третьего к четвертому классам ($m = 20,31$ и $m = 18,91$, $p = 0,017$). Взаимность выборов достигает наивысшего среднего значения в четвертых классах ($m = 1,35$), что указывает на то, что у многих младших школьников появляются друзья в классе, отношения становятся более стабильными.

Результаты исследования показали, что большинство детей (от 68,2 до 71,5%) испытывают незначительные трудности в адаптации на протяжении четырех лет обучения в начальной школе, от 14,8 до 16,7% младших школьников легко адаптируются на начальном этапе обучения. Однако от 13,5 до 15% младших школьников испытывают трудности, препятствующие полноценному личностному развитию и затрудняющие учебно-воспитательный процесс.

Полученные данные согласуются с данными разных авторов о том, что наблюдается 20–25% детей этого возраста с низкими показателями адаптации и симптомами школьной дезадаптации и до 60% детей с трудностями в обучении и симптомами неблагополучия освоения новой социальной действительности, которые нуждаются в целенаправленной психологической помощи (Венгер, 1986; Дубровина, 1991; Карабанова, 2005 и др.). Проведенный анализ результатов исследования позволяет сформулировать следующие выводы: 1) школьная адаптация имеет свои количественные и качественные особенности на протяжении четырех лет обучения в начальной школе; 2) с наибольшими трудностями сталкиваются младшие школьники в третьих классах, что продиктовано появлением новой, не знакомой ранее ситуации оценивания с выставлением отметок и фиксацией компетентности ученика документально; 3) психолого-педагогическое сопровождение

школьной адаптации учащихся должно осуществляться на протяжении четырех лет обучения в начальной школе.

Чувгунова О.А.

ЭЭГ-исследование учебных действий планирования: разработка стимульного материала

Планирование является неотъемлемой частью и условием успешности любой деятельности человека. В психологии образования учебные действия планирования традиционно изучаются с помощью опросных и качественных методов, при этом выводы о процессе планирования делаются косвенно, на основании анализа успешности выполнения деятельности или субъективных описаний планирования. Более информативными представляются исследования планирования в рамках концепции Executive Functions (EFs), особенно с использованием современных методов нейровизуализации и электроэнцефалографии. Такой подход позволяет изучить психофизиологические основы различных аспектов процесса планирования непосредственно во время осуществления планирования. Однако подобные исследования крайне редки в современной психологии в связи с чрезвычайной сложностью и многогранностью феномена планирования. При этом самостоятельной проблемой является разработка стимульного материала, позволяющего эффективно отследить психофизиологические показатели планирования.

В рамках концепции EFs обычно применяются так называемые «Tower Tasks»: Tower of Hanoi (ТОН) и Tower of London (ТОЛ). Эти методики направлены на диагностику прежде всего визуально-пространственного аспекта планирования. При этом тесная взаимосвязь планирования с подавлением (inhibitory control) и рабочей памятью (working memory) в подобных заданиях затрудняет интерпретацию результатов (Kaller et al., 2008; Koppenol-Gonzalez et al., 2010).

Целью настоящего исследования является изучение особенностей активации коры головного мозга и пространственной синхронизации био-потенциалов головного мозга в процессе решения задач на планирование. В качестве стимульного материала были выбраны задачи на планирование разной степени сложности (2-, 3-ходовые задачи с одним вариантом ответа и 4-ходовые с двумя вариантами ответа). Данный тип задач был разработан А.З. Заком (1982) для исследования уровня сформированности внутреннего плана действий, а именно способности действовать в уме и степени сформированности действия моделирования. Во время предъявления стимула испытуемый решает поставленную задачу — мысленно перемещает шахмат-

ного коня по заданному девятиклеточному полю. В это время он не должен делать записей, проговаривать свои действия вслух и т. п., то есть должен действовать только в уме (Зак, 1982).

Преимуществом данных задач является возможность достаточно четко выделить и записать в виде электроэнцефалограммы биопотенциалы головного мозга именно в тот период времени (с момента предъявления стимула до истечения времени предъявления), когда происходит планирование хода решения задачи. Изначально время предъявления стимула составляло 10 с. Этот временной интервал был выбран на основе опыта имеющихся исследований, в которых задания были сопоставимы по сложности с заданиями настоящего исследования. Так, в ряде исследований функции планирования с применением ЭЭГ (Byrd et al., 2011) стимульным материалом являлась модификация теста TOL. Каждый стимул предъявлялся в течение 6 с, после чего в течение 2 с испытуемые должны были ввести правильный ответ (Byrd et al., 2011).

Первичные пробы (N = 31, возраст испытуемых 21–25 лет) показали необходимость увеличения времени предъявления стимула. При выполнении заданий на бумажном носителе 8–10 с для предъявления стимула и 4–5 с для выбора ответа было достаточно для выполнения задания. Но когда стимулы предъявлялись на экране компьютера (использовалась программа PSYTASK), испытуемые не успевали сформулировать ответ. Кроме того, неуспешность в выполнении задания создавала ситуацию фрустрации, что искажает результаты исследования. Увеличение времени на работу со стимулами до 15 с позволило обеспечить выполнимость задания, сохранив достаточный уровень трудности. Таким образом, разработанный стимульный материал позволяет сопоставить электроэнцефалографические данные с результатами решения задач и получить выводы об особенностях организации деятельности коры головного мозга на этапе планирования действия, соответствующего успешному или неуспешному решению задачи. Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14–06–00521 «Нейропсихологические механизмы сложных видов интеллектуальной деятельности, формирующихся в процессе обучения у студентов».

Шатюк Т.Г.

Эмоциональное выгорание у педагогов учреждений специального и дошкольного образования и офисных работников

Эмоциональное выгорание (ЭВ) представляет собой состояние, вызванное пролонгированным стрессом, связанным с профессиональной деятельностью (Maslach, 1976; Schaufeli, Leiter, 1993 и др.). Данный феномен

изучался у учителей, медицинских, социальных работников (Форманюк, 1994; Бойко, 1996; Ронгинская, 2002; Скугаревская, 2002 и др.). Вместе с тем имеется небольшое количество исследований эмоционального выгорания у педагогов специального и дошкольного образования, поэтому целью исследования явилось сравнительное изучение степени формирования эмоционального выгорания у педагогов специального и дошкольного образования и офисных работников.

Гипотеза исследования: между педагогами учреждений специального и дошкольного образования и офисными работниками существуют различия в степень выраженности эмоционального выгорания.

В исследовании приняли участие 110 испытуемых, из них 30 педагогов учреждений специального образования; 40 педагогов учреждений дошкольного образования; 40 офисных работников ОАО «Гомельпромбурвод» со средним специальным и высшим образованием. Возраст испытуемых: от 35 до 43 лет (средний возраст составил 39,3 года, стандартное отклонение 1,8). Стаж: от 10 до 20 лет (средний стаж — 16,6 лет, стандартное отклонение 1,6). Методы исследования: психологическое эссе, «Диагностика эмоционального выгорания» В.В. Бойко.

На основании анализа эссе было выявлено, что основными факторами, вызывающими стресс, были ситуации, которые связаны с непониманием со стороны родителей, недооценкой важности труда педагога, равнодушным отношением руководства к их проблемам, плохой обучаемостью детей, отношениями с коллегами, низкой оплатой труда, намерениями перехода на другую работу.

По результатам проведения диагностики степени сформированности ЭВ отметим, что оно сформировано у 50 % педагогов учреждений специального образования, 27,5 % педагогов учреждений дошкольного образования, 12,5 % офисных работников. ЭВ в стадии формирования имеется у 40 % педагогов учреждений дошкольного образования, 33,3 % педагогов учреждений специального образования и только у 17,5 % офисных. Не сформировано ЭВ у 70 % офисных работников, 32,5 % педагогов учреждений дошкольного образования, 16,7 % педагогов учреждений специального образования.

Сформированная фаза напряжения доминирует у 67 % педагогов учреждений специального образования, 40 % педагогов учреждений дошкольного образования, 41 % офисных работников. Фаза напряжения в ЭВ проявляется тяжелым переживанием психотравмирующих ситуаций, неудовлетворенностью собой, ощущением безысходности, «загнанности в клетку», повышенной тревогой, депрессией.

Сформированная фаза резистенции доминирует у 50 % педагогов учреждений специального образования, 32,5 % педагогов учреждений

дошкольного образования, 32 % офисных работников. Фаза резистенции в ЭВ проявляется неадекватным избирательным эмоциональным реагированием, эмоционально-нравственной дезориентацией, расширением сферы экономики эмоций, редукцией профессиональных обязанностей.

Сформированная фаза истощения доминирует у 58 % педагогов учреждений специального образования, 5,5 % педагогов учреждений дошкольного образования, у офисных работников данная степень отсутствует. Фаза истощения в эмоциональном выгорании проявляется эмоциональным дефицитом, эмоциональной отстраненностью, личностной отстраненностью, в этой фазе могут появляться психосоматические и психовегетативные нарушения.

В результате применения критерия ϕ^* (углового преобразования Фишера) обнаружены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по трем параметрам («ЭВ сформировано», «ЭВ в стадии формирования», «ЭВ не сформировано») между педагогами учреждений специального образования и педагогами учреждений дошкольного образования, между педагогами учреждений специального образования и офисными работниками; а также по параметру «ЭВ сформировано» между всеми категориями испытуемых. Не обнаружено статистически значимых различий ($p \leq 0,05$) между педагогами учреждений дошкольного образования и офисными работниками по параметрам «ЭВ в стадии формирования», «ЭВ не сформировано».

Таким образом, результаты качественного и количественного анализа обработки данных свидетельствуют о наличии эмоционального выгорания у педагогов учреждений специального и дошкольного образования, что актуализирует организацию психолого-акмеологического сопровождения в целях сохранения потенциала психологического здоровья у педагогов, а также дальнейшее исследование феномена эмоционального выгорания.

Шахторина Е.В.

Колбасина К.Ю.

Социально-психологические особенности идентичности участников интернет-сообществ

С развитием и усложнением информационных технологий современному человеку практически невозможно представить жизнь без глобальной сети, мобильных устройств, электронных видео-, аудио-, информационных приложений. Развитие этих технологий обуславливает процесс создания некоего единого пространства, веб-пространства, включающего такие ключевые характеристики, как взаимозависимость, открытость, доступность, распространенность. Это снижает, а в некоторых случаях вовсе упраздняет необходимость физических контактов между участниками ряда процессов.

При рассмотрении отмеченных трансформаций через призму культурно-исторической психологии (Коул, 1997) интернет-пространство в целом, его структурные и содержательные элементы выступают как группы артефактов, опосредующих освоение культурного процесса. В данном контексте под культурой понимается целостная совокупность артефактов, накопленных социальной группой в ходе ее исторического развития. Специфика артефактов опосредует процесс интериоризации, результатом которого является формирование ряда устойчивых социальных структур психики. В этом случае теоретически можно предположить, что специфика элементов интернет-пространства качественно трансформирует сознание. Однако прежде чем обратиться к исследованиям влияния самих артефактов на индивида, стоит проследить, насколько он «включен» во взаимодействие с веб-пространством, идентифицирует себя как его участника.

Целью нашего исследования стало изучение социально-психологических особенностей идентичности участников интернет-сообществ. Под идентичностью понималась «часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» (Tajfel, Turner, 1986).

Мы предположили, что групповая идентичность участников интернет-сообщества, включенных только в виртуальную среду соответствующей группы, имеет ряд социально-психологических особенностей.

В качестве интернет-сообщества выступила веб-группа студенческого научного общества института социально-гуманитарных технологий и коммуникации БФУ им. И. Канта, зарегистрированная в социальной сети «ВКонтакте», включающая 397 виртуальных и 76 формальных участников. Выборка включала две подгруппы: «виртуальных» и «реальных» участников. Первые лишь зарегистрированы в веб-сообществе, вторые кроме этого осуществляют активную деятельность в рамках СНО.

В качестве основного метода исследования выступило глубинное интервью. Были разработаны три блока вопросов: на изучение когнитивного, аффективного, поведенческого компонентов (Бергер, Лукман, 1995; Стефаненко, 1999). Интерпретация, анализ и синтез данных осуществлялись в ходе контент-анализа.

При рассмотрении групповой идентичности с позиции индивидуального и группового субъекта (Гайдар, 2009) были получены следующие основные результаты:

- 1) с позиции индивидуального субъекта на аффективном уровне обе группы участников в полной мере чувствуют причастность к СНО, присутствует ощущение «единой волны», переживание принадлеж-

- ности к группе. Однако на позиции группового субъекта осознание общегрупповых эмоциональных переживаний присуще только «реальным» участникам, «виртуальные» слабо интересуются системой отношений группы к себе, другим группам;
- 2) на уровне когнитивного компонента «виртуальной» группе присуща информационная включенность в перечень групповых когнитивных структур, однако без принятия данных единиц культурной информации как собственных восприятие их дистанционно, абстрактно, «формально». «Реальной» группе свойственна сформированность интеллектуального и перцептивного единства как на уровне индивидуального, так и группового субъекта;
 - 3) на поведенческом уровне «виртуальная» группа в большей степени демонстрирует приобщенность участников к деятельности. Они фиксируют причастность своего вклада в успешную деятельность, реализуют наравне с «реальными» участниками поведенческие модели обсуждения и решения проблем при взаимодействии с другими группами.

Полученные данные позволяют заключить: групповая идентичность участников интернет-сообществ формируется на уровне индивидуального субъекта в эмоциональном и поведенческом компонентах, касается тех сфер, которые связаны с укреплением собственных оценок и позиций (ощущение причастности к группе по причинам безопасности, статусности, престижности). Результаты открывают возможность более детального исследования идентичности, групповой сопричастности в иных интернет-сообществах.

Шевченко А.В.

Особенности супружеских отношений в семьях детей с психосоматическим расстройством

В настоящее время в связи с рядом социально-экономических, экологических, культурных проблем общества вопрос сохранения здоровья ребёнка стоит особенно остро. Специалистами в области семьи и детства отмечается рост числа заболеваний, имеющих в основе возникновения психологические факторы, то есть психосоматических расстройств (ПСР).

Многими авторами отмечается влияние семейного окружения на возникновение и развитие ПСР у детей (Эйдемиллер, 2006; Кулаков, 2007), однако в большей степени это касается изучения роли матери в этом процессе. Научный интерес представляет уточнение роли каждого члена семьи, а также семейных подсистем, в частности супружеской подсистемы, в возникновении и развитии ПСР у ребенка. В данной работе остановимся на изучении супружеских отношений в семьях детей с ПСР.

Гипотеза исследования: существуют психологические особенности супружеских отношений в семьях с детьми с ПСР (на примере бронхиальной астмы (БА) и хронического гастродуоденита (ХГД)). Объем выборки составил 66 человек, из них первую экспериментальную группу составили родители детей с хроническим гастродуоденитом (13 матерей и 5 отцов), вторую экспериментальную группу составили родители детей с бронхиальной астмой (11 матерей), в контрольную группу вошли родители соматически здоровых детей (21 мать и 16 отцов). В исследовании приняли участие полные семьи.

В психодиагностический пакет исследования вошли: «Тест выявления особенностей междусупружеского общения» Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М.Дубовской, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса (АСВ), методика «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса. В качестве методов статистической обработки мы использовали U-критерий Манна — Уитни, а также критерий φ^* — угловое преобразование Фишера. Расчеты проводились с помощью статистического пакета Statistica 8.0.

Для матерей и отцов детей с ХГД параметрами, имеющими статистически достоверные различия, являются: доверительность общения ($M = 3,02$, $p = 0,0218$), сходство во взглядах ($M = 2,92$, $p = 0,0105$), легкость в общении ($M = 2,45$, $p = 0,0004$), психотерапевтичность ($M = 2,60$, $p = 0,0301$), в сравнении с группой родителей здоровых детей ($M = 3,49$, $M = 3,50$, $M = 3,16$ и $M = 3,26$ соответственно).

Для матерей детей с БА параметрами, имеющими статистически достоверные различия, являются: доверительность общения ($M = 2,91$, $p = 0,0294$), легкость в общении ($M = 3,00$, $p = 0,0221$), вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания ($M = 1,68$, $p = 0,0001$), в сравнении с группой матерей соматически здоровых детей ($M = 3,49$, $M = 3,50$, $M = 0,45$ соответственно).

Полученные результаты показывают, что в семьях детей с ХГД и матерями, и отцами отмечается отсутствие доверительного характера общения между супругами, эмоциональное напряжение, более низкие показатели удовлетворенности качеством супружеских отношений в сравнении с родителями здоровых детей. При этом у матерей детей с ХГД наблюдается более низкий уровень доверия к супругу, для отцов характерна эмоциональная холодность и закрытость. Можно говорить о том, что матери больных детей стремятся «разделить» напряжение, возникающее в ходе развития ПСР у ребенка, с супругом, однако в связи с эмоциональной дистанционностью последнего удовлетворить данную потребность не представляется возможным.

Для семей с детьми с БА характерно, что матери таких детей склонны к втягиванию ребенка в супружеские отношения и построению вертикальных коалиций в семейной системе. Данный показатель свидетельствует об инверсии ролей в семье (ребенок эмоционально замещает партнера для одного из родителей), что может являться фактором, провоцирующим развитие ПСР у ребенка (Боуэн, 2008).

Таким образом, для родителей детей с ПСР характерной является низкая удовлетворенность качеством супружеских отношений, трудности междусупружеского общения, фрустрация потребностей в поддержке и эмоциональной близости. Часть этих потребностей может удовлетворяться за счет ребенка, что является фактором риска в развитии и усилении симптомов ПСР.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Качество раннего контакта матери и ребёнка в системе психосоциальных факторов как условие сохранения здоровья», проект № 14-06-00085

*Шевченко Д.В.
Галицкий А.С.*

Подростки и Интернет: психолого-педагогические аспекты

Количество подростков, использующих Интернет, с каждым годом увеличивается. Число подростков-пользователей Интернета в 1998 году составляло 19,7%, в 2005–51,8%, в 2012 выросло до 93,1% (Цымбаленко и др., 2012); по данным исследования Фонда развития Интернет (2013) процент подростков, выходящих в Сеть каждый или почти каждый день, составляет 83%, процент взрослых — 53% (Солдатова, Зотова, 2013). Также появление гаджетов (смартфонов, интернет-планшетов и др.) с мобильным Интернетом позволяет подросткам находиться в сети практически неограниченное количество времени при отсутствии эффективного контроля со стороны взрослых. В связи с этим возникают определенные проблемы: интернет-зависимость подростков; безопасность и достоверность информации, к которой получают доступ подростки; негативное влияние Интернета на психическое и физическое здоровье подростков и ряд других проблем.

Решение проблем взаимодействия подростков с Интернетом представляется чрезвычайно актуальными на сегодняшний день. В круг аспектов, характеризующих различные стороны взаимодействия подростков с Интернетом, входят следующие: 1) влияние Интернета на когнитивные функции; 2) влияние Интернета на физическое и психическое здоровье; 3) влияние Интернета на социальную жизнь подростка; 4) выбор стратегии поведения

в Интернете; 5) предпочтение тех или иных информационных ресурсов и типов информации.

Г. В. Солдатова, Е. Ю. Зотова и др. (2011) выделяют несколько типов подростков-пользователей Интернета в соответствии с предпочитаемой деятельностью в Интернете, а именно: любознательные, бунтари, игроки, тусовщики, потребители, ботаники и деловые. При этом, как отмечают исследователи, каждый тип подростков-пользователей Интернета сталкивается с многочисленными рисками. Поэтому становится всё более очевидно, что современным подросткам необходима помощь педагогов, психологов и родителей в минимизации опасностей, которые несёт Интернет. С.Б. Цымбаленко (2012) выделяет несколько подходов к решению проблем взаимодействия подростков и Интернета: 1) охранительный, который стремится оградить аудиторию интернет-пользователей от негативного влияния информационных технологий; 2) фактуально-технологический, при котором Интернет воспринимается как неизбежная данность, с которой приходится существовать вне зависимости от полезности или вредности влияния; 3) образовательно-компенсаторный, который утверждает, что Интернет важен для образования и социализации, предлагаются правила и нормы его использования; 4) цивилизационный, при котором информационные технологии понимаются как механизмы и факторы на новом этапе развития общества.

На наш взгляд, в рамках фактуально-технологического, образовательно-компенсаторного и цивилизационного подходов одним из эффективных видов психолого-педагогической помощи подросткам может стать тренинг умений и навыков в использовании Интернета для самообразования как наиболее широкой и перспективной из предоставляемых Интернетом возможностей. Разрабатываемый нами тренинг «Самообразование в Интернете» предназначен для подростков-пользователей Интернета и направлен на совершенствование таких аспектов самообразования в Интернете, как мотивация к самообразованию, информационная компетентность, навыки критического мышления и самоконтроля, профилактика гиподинамии и ухудшения зрения и т. д. Программа и содержание тренинга являются предметом нашей курсовой работы в 2015 году, а апробация и квалиметрия тренинга — предметом ВКР в 2016 году.

Шекетера А.А.

Психологическая безопасность как фактор личностного развития выпускников школ

Современная российская молодежь развивается в период, когда происходят глубокие и многоплановые преобразования жизни общества, когда

существует множество вариантов развития и становления, в которых необходимо принять «верное» решение, опираясь на сложившуюся в ходе личностного развития систему внутренних принципов и убеждений (Богомаз, 2010). В психологических исследованиях в качестве фактора, оказывающего значимое влияние на успешное преодоление молодежью неблагоприятных обстоятельств, рассматривается чувство психологической безопасности человека (Баева, 2012; Лызь, 2014).

Целью исследования было выявление взаимосвязи между психологической безопасностью и параметрами личностного потенциала у учащихся старших классов. Предполагалось, что субъективная оценка психологической безопасности выпускников школы может быть положительно связана с такими параметрами их личностного потенциала, как склонность к самоорганизации деятельности и удовлетворенность жизнью. В исследовании приняли участие 68 учащихся выпускных классов. Для оценки субъективного чувства психологической безопасности была использована «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман (ШБУ); оценка личностных параметров проводилась с помощью «Опросника самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой (ОСД) и шкалы «Удовлетворенность жизнью» Э. Динера.

Анализ средних значений показателей по методике ШБУ указывал на то, все шкалы находятся в рамках нормативных значений, кроме шкалы «убеждение в ценности собственного Я», которая значительно ниже нормативных значений. По результатам анализа показателей ОСД было выявлено, что значения шкал «планирование», «настойчивость» и «суммарный показатель» ниже нормативных. Следовательно, когда школьники ставят перед собой цели, они не всегда настойчивы в их достижении, планы на будущее отсутствуют или размыты, а полученные данные характеризуют участников исследования, как не всегда способных самостоятельно организовать свою деятельность. При этом важно отметить, что у школьников значения показателя «удовлетворенность жизнью» находятся в рамках нормативных значений, что говорит о том, что учащихся, по-видимому, всё устраивает и у них снижено критическое отношение к своим способностям организовывать деятельность.

При проведении корреляционного анализа обнаружена положительная взаимосвязь между показателем «благосклонность мира» ШБУ и шкалами «планирование» ($r = 0,4$; $p = 0,03$) и «целеустремленность» ОСД ($r = 0,6$; $p = 0,000$). Это говорит о том, что при убеждении школьников в том, что мир будет к ним благосклонен, их навыки планирования своей деятельности и целеустремленность могут быть развиты сильнее. Соответственно, школьник, уверенный, что при его начинаниях окружающий мир будет к нему благосклонен, будет смелее ставить цели и направлять свои усилия на их дости-

жение. Также у такого выпускника будет более сформирована потребность в осознанном планировании деятельности.

Согласно полученным данным обнаружены значимые взаимосвязи между параметром «Удовлетворенность жизнью» и такими параметрами базисных убеждений, как «убеждение в благосклонности мира» ($r = 0,4$; $p = 0,001$), «убеждение в справедливости мира» ($r = 0,3$; $p = 0,002$), «убеждение в контролируемости мира» ($r = 0,3$; $p = 0,002$), «убеждение в ценности собственного «Я»» ($r = 0,4$; $p = 0,002$), «убеждение в способности к самоконтролю» ($r = 0,3$; $p = 0,005$), «убеждение в везучести» ($r = 0,4$; $p = 0,001$). Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что сложившаяся с детства позитивная система базисных убеждений может быть важным фактором достижения школьниками высокого уровня удовлетворенности жизнью.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что у школьников субъективное чувство психологической безопасности положительно взаимосвязано с параметрами личностного потенциала. Полученные данные можно применить на практике в процессе работы со школьниками, способствуя формированию личности, которая склонна к самоорганизации деятельности и достижению поставленных целей, потенциально успешна и умеет строить взаимоотношения с другими людьми. Обнаруженные закономерности могут быть учтены комитетами по делам молодежи и молодежными общественными организациями, результаты можно использовать при организации экспертизы школьной среды относительно ее безопасности.

Шелонина Т.В.

Горбатов С.В.

Особенности самоотношения лиц с алкогольной зависимостью

Алкоголизм является одной из серьёзнейших проблем современного мира. Хотя проблеме алкоголизма в целом посвящено огромное количество научных разработок (Ц.П. Короленко, В.Д. Москаленко, И.Н. Пятницкая, Б.Д. Карвасарский, И.В. Белокрылов, Б.М. Гузиков и др.), вопросы, касающиеся самоотношения, недостаточно изучены психологами и требуют дальнейшей разработки.

На наш взгляд, очень актуальным является изучение особенностей отношений лиц, зависимых от алкоголя, так как именно в сфере отношений впервые возникает почва для развития зависимости.

Целью исследования является сравнение особенностей самоотношения лиц с алкогольной зависимостью и лиц, не страдающих алкогольной зависимостью. Объект исследования — самоотношение: когнитивный,

эмоциональный и конативный компоненты. Предмет исследования — особенности самоотношения лиц с алкогольной зависимостью.

В исследовании приняли участие две группы респондентов общей численностью 100 человек. Первую группу составили 50 мужчин с диагнозом синдром зависимости от алкоголя, вторая (средняя) стадия (F10.2 по МКБ-10), проходящие лечение в ГНБ №1 г. Санкт-Петербург. Вторая группа включает 50 мужчин, не имеющих алкогольной зависимости. Гипотеза исследования: самоотношение зависимых от алкоголя может быть представлено как субъект-объектное отношение к себе, при этом будет наблюдаться деформация компонентов отношения.

Методы исследования: 1) методика MAPS Э. Шнейдмана; 2) методика исследования самоотношения Р.С. Пантилеева. Математическая обработка результатов исследования проводилась с помощью методов описательной статистики, t-критерия Стьюдента для независимых выборок, корреляционного и кластерного анализов (с использованием программного пакета SPSS 19.0 for Windows). Исследование базируется на трудах отечественных психологов: В.Н. Мясищева, В.В. Столина, Н.И. Сарджвеладзе, посвященных изучению самоотношения.

В работе были выделены атрибуты субъект-объектной сущности личности. У лиц с алкогольной зависимостью по отношению к себе преобладают атрибуты объектности ($p \leq 0,001$), что свидетельствует об отношении к себе как к объекту. Лицам с алкогольной зависимостью ($p \leq 0,001$) свойственна заниженная самооценка, несогласие с собой, высокое чувство вины, выражена аутоагрессия. Компоненты самоотношения «конфликтность» и «самообвинение» положительно коррелируют с большинством атрибутов объектности ($p \leq 0,05$). Когнитивный компонент отношения к себе проявляется у них в представлении о себе только в отрицательных суждениях ($p \leq 0,01$), эмоциональный компонент выражается в проявлении негативных чувств и эмоций ($p \leq 0,001$) по отношению к собственному Я, поведенческий компонент аутодеструктивен ($p \leq 0,001$). Все это подтверждает субъект-объектное отношение к себе и свидетельствует о деформации всех компонентов отношения.

Лица, не имеющие алкогольной зависимости, характеризуются по отношению к себе проявлением атрибутов субъектности ($p \leq 0,001$), что свидетельствует об отношении к себе как к субъекту. Респондентам из контрольной группы свойственны высокая самоуверенность, самоуверенность ($p \leq 0,001$), саморуководство ($p \leq 0,001$), зеркальное Я ($p \leq 0,001$), самооцененность ($p \leq 0,05$) и самопривязанность ($p \leq 0,001$). Лица, не страдающие алкогольной зависимостью, оценивают себя как добрых ($p \leq 0,01$), сильных ($p \leq 0,05$), ответственных ($p \leq 0,001$) и трудолюбивых

($p \leq 0,01$) — когнитивный компонент самооотношения. По отношению к себе они испытывают чувство гордости ($p \leq 0,01$) — эмоциональный компонент. Конативный компонент самооотношения проявляется в нормальном поведении ($p \leq 0,05$) — соблюдение закона и морально-нравственных норм.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

- 1) у лиц, зависимых от алкоголя, субъект-объектное отношение к себе;
- 2) когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты самооотношения деформированы у лиц с алкогольной зависимостью;
- 3) у лиц, не страдающих алкогольной зависимостью, субъект-субъектное отношение к себе, деформация компонентов отношений не наблюдается.

Результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы в организации профилактических мер по предотвращению распространения алкоголизма, в создании новых методов психотерапевтической работы с лицами, страдающими алкогольной зависимостью, так как имеющиеся на данный момент способы проведения терапии малоэффективны и не учитывают особенностей системы отношений.

Ширяев Д.И.

ЭЭГ-корреляты невербальной креативности у высоко- и низкокративных испытуемых

Несмотря на рост интереса к изучению нейрофизиологических основ творческих способностей, вопрос об электрофизиологических коррелятах креативности остаётся открытым (Dietrich, Kanso, 2010). Сложность изучения этой области состоит, по мнению многих исследователей, в практической невозможности моделирования процесса творчества в лабораторных условиях. Вместе с тем авторы зачастую используют в своих работах различные методики, результаты которых сложно соотнести друг с другом (см., например: Нагорнова, 2007; Захарченко, Сви́дерская, 2008).

Целью данной работы стал предварительный поиск характеристик ЭЭГ, демонстрирующих различия при сравнении участников с различным уровнем невербальной креативности. Основными инструментами нашего исследования выбраны: тест диагностики креативности Э.П. Торренса (невербальная батарея) и метод электроэнцефалографии. В исследовании приняли участие 67 студентов департамента психологии УрФУ, протестированных по методике Э.П. Торренса.

По результатам обработки теста выборка, прошедшая ЭЭГ-тестирование, составила 10 человек: 5 высококреативных; 5 низкокреативных. Регистрация проводилась по следующей схеме: 1) запись фоновой ЭЭГ с закрытыми глазами (3 минуты); 2) запись фоновой ЭЭГ с открытыми глазами (1 минута); 3) запись ЭЭГ во время решения обследуемыми невербальных и вербальных задач (27 минут). В рамках данной работы анализировались только фоновые записи с закрытыми и открытыми глазами по показателям мощности ритмов тета (4–8 Гц), альфа (8–13 Гц), альфа1 (8–10,5 Гц), альфа2 (10,5–13 Гц), бета1 (13–20 Гц), бета2 (20–30 Гц), показателю частоты альфа-ритма (8–10,5 Гц), а также показателям коэффициента асимметрии. Для сравнения показателей мощности, частоты альфа-ритма и коэффициентов асимметрии использовался непараметрический критерий: U-критерий Манна — Уитни. Обработка ЭЭГ проводилась в программе WinEEG. Анализ осуществлялся с помощью «IBM SPSS Statistics v21».

При сравнении показателей мощности и коэффициента асимметрии зарегистрированной фоновой ЭЭГ с закрытыми и открытыми глазами различий между группами обнаружено не было. Но при сравнении частоты в диапазоне альфа-активности при регистрации ЭЭГ с закрытыми глазами были получены значимые различия в отведениях: Fp1 ($f = 0,032$, $p < 0,05$), Fp2 ($f = 0,032$, $p < 0,05$), F7 ($f = 0,016$, $p < 0,05$), Fz ($f = 0,032$, $p < 0,05$), T6 ($f = 0,032$, $p < 0,05$).

После обнаружения различий в отдельных отведениях мы предприняли попытку проанализировать различия между передними (все фронтальные) и задними (теменно-затылочными O1, O2, P3, Pz, P4) областями мозга и проверили различия между усреднёнными значениями частоты альфа. Была выявлена передне-задняя функциональная асимметрия головного мозга у высококреативных индивидов. Т. е. частота альфа-ритма в лобных отведениях обоих полушарий у участников с высокими показателями креативности оказалась достоверно выше, чем у участников с низкими показателями.

Исследователи отмечают значимость взаимодействия задних и передних отделов коры в осуществлении креативных процессов (Dietrich, 2004). В этом случае задние отделы коры связываются с поисковой частью творческого процесса и генерированием идей. А лобные зоны, вероятно, осуществляют выбор поступивших из париетальной системы идей — осуществляют «критико-иницирующую» функцию (Разумникова, 2009).

Частота альфа-ритма отражает смену процессов возбуждения и торможения в нейронах коры, которые, в свою очередь, могут быть связаны с квантованием информации. Можно предположить, чем быстрее и чаще информация разбивается на отдельные константы, тем быстрее она обрабатывается (Станкова, Мышкин, 2014). Высокая частота альфа-ритма создаёт

предпосылки для увеличения скорости и объема переработки информации, большей эффективности рабочей памяти (Базанова, Афтанас, 2007), соотносится с меньшим временем реакции левой рукой у правой в экспериментах с двувальтернативным выбором (Станкова, Мышкин, 2014) и большей динамичностью нервных процессов (Базанова, 2009).

Было обнаружено, что частота альфа-ритма в лобных отведениях и правом задневисочном отведении у невербально креативных участников в сравнении с невербально низкокреативными достоверно имеет более высокое значение. Эта особенность связывается нами с более быстрой обработкой поступающей информации, быстрым отбором сгенерированных идей, высокой динамичностью нервных процессов.

Шухлова Ю.А.

Стоянова И.Я.

Сформированность личностной зрелости у студентов факультета иностранных языков

В психологической науке наиболее важным и наименее исследованным из всех аспектов зрелости, по признанию многих авторов, является личностная зрелость (Реан, 2000). А.А. Реан выделяет четыре базовых компонента социальной зрелости личности: ответственность, терпимость, саморазвитие, положительное мышление, положительное отношение к миру. Известно, что личностная зрелость включает в себя (Егорова, 2014): 1) психическое здоровье личности; 2) преобладание эффективных форм адаптации к окружающему миру; 3) стремление к накоплению разнообразного внутреннего опыта, знаний, умений и представлений, которые она черпает из собственной деятельности, общения и самоанализа. Также, на наш взгляд, одним из основных факторов, лежащих в основе формирования зрелой личности, может быть формирование позитивных базисных убеждений (БУ), которые закладываются на ранних этапах психосоциального развития ребенка (Богомаз и др., 2014). Концепция БУ личности позволяет объяснить, какие факторы могут оказывать влияние на формирование индивидом представлений об окружающем мире и о собственном «Я» в процессе онтогенеза (Шухлова и др., 2014).

Нами было проведено исследование, целью которого выступила оценка психологической безопасности и сформированности личностной зрелости у современных молодых людей. В исследовании приняли участие 76 студентов 1-го курса факультета иностранных языков. Все они выполнили методики: 1) «Шкала базисных убеждений», разработанная Р. Янов-Бульман (ШБУ, в адаптации О. Кравцовой); 2) тест «Оценка оптимального выбора в кон-

фликтной ситуации» (Щербаков, 2010); 3) «Дифференциальная диагностика рефлексивности» (Леонтьев, 2011); 4) «Опросник самоорганизации деятельности» (Мандрикова, 2010); 5) «Шкала самодетерминации» (Осин, 2007). Полученные в рамках исследования данные были занесены в электронную базу и обработаны с помощью факторного анализа. Основные расчеты были произведены с помощью программы Statistica 5.0.

В ходе проведения факторного анализа были получены важные результаты. Было выявлено 2 фактора, которые мы назвали: «Социальные» и «Гармоничные».

В первом факторе объединились такие показатели, как «контролируемость мира» (-0,91), «целеустремленность» (-0,95), «фиксация» (-0,74); показатели «системной рефлексии» (-0,83); «справедливость мира» (0,98), «удача» (-0,78); «аутентичность» (0,83); показатели СИ: принуждение (0,97), уход (0,94), компромисс (0,97), сотрудничество (0,84), уступка (0,93), обращение к посреднику (0, 91). Таким образом, данную группу студентов ФИЯ можно охарактеризовать как «Социальные». Это люди, которые стремятся выстраивать благополучные взаимоотношения с обществом, убеждены в том, что мир относится к ним справедливо, способны его контролировать. Однако в ходе благоприятного взаимопонимания с обществом сами субъекты исследования мало целеустремленны, у них слабо развит самоанализ, который характеризует зрелую личность. Молодые люди сталкиваются с проблемой понимания общества, но все же стремятся с ним взаимодействовать через компромисс, сотрудничество, обращение к посреднику. Испытуемые больше склонны к изменчивости, у них нет четкого расписания.

Фактор 2 включает такие показатели, как «самоорганизация» (-0,82), «будущее» (0,96), самокопание (-0,99); «благосклонность мира» (0,79), «доброта людей» (0,99), «случайность» (0,83), «ценность собственного Я» (0,99), «степень самоконтроля» (0,97), «выбор» (0,93), «суммарный индекс» (0,94). Вторая группа, «Гармоничные», это люди, которые верят в доброту окружающих людей, ценность собственного «Я», у них высокий уровень самоконтроля, и если бывают конфликтные ситуации, они могут выйти из них без каких-либо неудобств. Считают, что все в обществе не случайно, все подчиняется определенным законам. В отличие от первой группы, у испытуемых благоприятное самовосприятие, они благосклонны к конфликтам, могут находить выход не только из внешних проблем, но и решать свои внутренние споры, они не застревают на собственных переживаниях и стремятся относиться к себе и к миру позитивно. Однако у таких личностей имеются проблемы с самоорганизацией, так же как и в первой группе, они непостоянны и склонны к изменчивости.

На основе полученных данных мы делаем вывод, что в силу успешной сформированности базовых убеждений студенты факультета иностранных языков чувствуют себя в безопасности и способны развивать в себе личностную зрелость в процессе онтогенеза.

*Яныкин А.А.
Наследов А.Д.*

Адаптация и модификация методики диагностики гомонегативности

Многие социокультурные процессы, протекающие в современном российском обществе, сопровождаются неопределенностью и неоднозначностью реакций людей. В условиях стремительно изменяющейся социальной реальности неприязнь к чему-то незнакомому, непривычному становится актуальной характеристикой человеческой деятельности. Таким образом, нами была взята на рассмотрение тема внутренней гомонегативности.

Интернализованная гомофобия (гомонегативность) — негативное восприятие себя, негативное самоотношение и непринятие некоторых сторон своей личности бисексуалами и гомосексуалами. Распространена точка зрения, что гомосексуальность — это болезнь, которую необходимо лечить. Это приводит к тому, что человек, осознавший себя гомосексуалом, также думает, что он болен и его следует лечить (Созаев, 2010). В условиях дискриминации со стороны общества человек в большинстве случаев живет с ощущением стыда за собственную сексуальную ориентацию (Davis, Nil, 2001). Наличие интернализованной гомофобии приводит к нарушениям самоотношения.

В зарубежной психологии разработана и применяется методика диагностики гомонегативности (Mayfield, 2001). Ее автором исследовались негативные последствия этого явления в отношении психологического здоровья гомосексуалов. В России к настоящему времени эмпирических исследований гомонегативности не проводилось, отсутствуют и методы диагностики психологического статуса гомосексуалов.

В исследовании приняли участие 298 человек (144 мужчины и 154 женщины), преимущественно проживающих в Москве и Санкт-Петербурге (другие города — 5,3%). Средний возраст мужчин составил 29,6 лет, женщин — 27,9 лет. 72,5% опрошенных имеют высшее или незаконченное высшее образование, 16,9% — среднее специальное, 10,6% — среднее.

Исследование было проведено на основе квазиэкспериментальной методологии структурно-функционального моделирования с применением математико-статистического метода моделирования структурными уравнениями (SEM — Structural equation modeling) (Bentler, 2007; Kline, 2011). Эта

методология предполагает предварительное построение концептуальной (априорной) структурной модели направленных и ненаправленных связей между изучаемыми теоретическими конструктами. Операционализация этих конструктов определяет конкретные методы их измерения (диагностики), в соответствии с которыми накапливаются эмпирические данные. Методы SEM далее позволяют оценить степень соответствия априорной структурной модели исходным данным и в случае недостаточной согласованности — внести в модель необходимые изменения. Итоговая (апостериорная) модель признается состоятельной, если она по принятым критериям соответствует эмпирическим данным (Kline, 2011; Наследов, 2013).

В ходе исследования был проведен частотный анализ, который выделил утверждения, не работающие на русскоязычной выборке, так как на эти утверждения 90% выборки отвечают одинаково, что говорит о неправомерности использования данных утверждений в измерении показателей гомонегативности.

Далее был проведен факторный анализ, который распределил утверждения на две шкалы. Первая шкала направлена на измерение отрицательной оценки своей гомосексуальности, вторая — на измерение положительной оценки своей гомосексуальности.

После нахождения двух факторов проводился конфиматорный факторный анализ, который позволил обосновать наличие двух независимых непесекающихся шкал, каждая из которых основана на своем наборе вопросов. Так, было обнаружено, что модели методики для мужчин и для женщин были практически идентичны, что позволило построить единую модель с возможностью сравнения их между собой. Было установлено, что первый фактор имеет высокую надежность ($\alpha = 0,76$); второй фактор — приемлемую надежность ($\alpha = 0,68$).

Для оценки конструктивной валидности проводилась корреляция с методикой депрессии Цунга. Была обнаружена статистически достоверная связь (r Спирмена = 0,349; $N = 207$; $p = 0,01$). Таким образом, чем выше показатель по негативной оценке своей гомосексуальной ориентации, тем выше будет риск возникновения депрессии.

Появление эмпирически обоснованной теоретической модели влияния интернализированной гомонегативности на психологический статус гомосексуалов даст возможность создания новых, более эффективных и научно доказанных специфических технологий оказания им психологической и психотерапевтической помощи с учетом национального и социокультурного контекста.

Научное издание

**ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ**

Материалы международной научной конференции
молодых ученых
20–23 апреля 2015 года

Корректор — Татьяна Брылева

Оригинал-макет — Ольга Михайлова

Подписано в печать 13.04.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 14,625. Заказ № 3222

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Скифия-принт».
197198, Санкт-Петербург, Б. Пушкарская ул., д. 10
www.skifia-print.ru